

ИОСИФЛЯНСКИЙ РАСКОЛ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАСКОЛА

Одной из главных причин, породивших иосифлянский и другие расколы, является исторически и психологически сложившийся неправый взгляд отдельных членов Церковного общества на вновь установившийся в Советской России государственный строй и на церковную политику митр. Сергия.

Многие лица как из духовного, так и мирского звания, воспитанные в монархическом духе и считавшие, что Православие может сохраняться только монархами, смотрели на Советскую власть как на такой государственный аппарат, который по своему материалистическому мировоззрению не может покровительствовать не только Православной Церкви, но и вообще всякой религии. Вследствие такого взгляда они опасались тесного сближения с антирелигиозной властью и не желали получать от нее каких-либо внешних прав для своего существования, боясь как бы, получив эти права, не поставить Церковь в зависимость от государства.

Такое настроение от лица церковной иерархии и мирян ясно выразил в своем письме к митр. Сергию архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).

«Мы,— писал он,— лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления Советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваемся в советские цвета», потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят»¹.

Понятно, что подобный взгляд на новый государственный аппарат заключал в себе ложное понятие.

Советское правительство, издавшее декрет об отделении Церкви от Государства, открыто заявило о своем невмешательстве во внутреннюю жизнь Церкви, и хотя его идеология была противоположной религиозному мировоззрению, тем не менее оно предоставляло любой религиозной общине полную легализацию без какого

---

¹ Письмо архиеп. Серафима к митр. Сергию от 6 февр. 1928 г. См. Архив М. М., № 43.

бы то ни было стремления поставить такую общину в зависимость от государства. Наоборот, та или иная церковная община, получавшая легализацию, пользовалась полной свободой в отправлении своих религиозных обязанностей и ограждалась государственным законом. И потому не было никакой необходимости опасаться за чистоту веры при получении от антирелигиозной власти права на легализацию Церкви. И если верующие люди (не все, конечно, а часть) опасались, то они тем самым оказывали недоверие советскому государственному строю и не могли быть всецело к нему людьми лояльными.

Однако (при всей своей ошибочности) многие опасались и не желали получать никаких прав от государства.

Отсюда, как следствие, в их настроении устанавливалась уже основа для противодействия всякому, кто так или иначе сделает попытку войти в тесное взаимодействие с новым государственным строем.

Подобная настроенность церковной иерархии и паствы и явилась одной из причин протеста против новой политики митр. Сергия после того, как последний издал декларацию и вступил на путь легализации Церкви.

Для оценки исторических причин появления иосифлянского раскола весьма важно подробно осветить силу протестов, возникших против предпринятой церковной политики Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Освещение это, для большей ясности исторических событий тогдашних дней, мы начнем с того момента, когда митр. Сергей, руководимый заботой о Русской Церкви, вступил на путь легализации и создания Временного Священного Синода.

Как мы уже говорили, высшая церковная иерархия в своем большинстве установила своеобразное отношение к новой государственной власти. Ясно, что такое отношение не могло быть твердой основой для внешнего положения Русской Церкви в обстановке нового государственного строя. Требовалось иное, более убедительное признание со стороны Церкви гражданской законности, которая бы в свою очередь видимым образом предоставила Русской Православной Церкви официально устроить свою жизнь в полном соответствии с церковными канонами.

Это вызывалось теми обстоятельствами, что обновленческий синод (ВЦУ) был легализован Советским Правительством, и, в силу этого, он имел возможность вести правильную организацию приходов и свободно, в лице своей высшей иерархии, совершать разъезды по епархиям¹.

Патриаршая же Православная Церковь еще не получила легализации, что отрицательно сказывалось на церковно-приходской жизни православных епархий. Разобщенность между Высшей Церковной властью, епархиями и приходами если не совсем была пол-

---

¹ К Правительству СССР. Обращение православных епископов из Соловков. См. Архив М. М., № 1-А.

ной, то во всяком случае доходящей до крайних пределов. А это давало широкий простор для действий обновленческого раскола, вносящего в церковную жизнь гибельную смуту.

Печальное состояние церковных приходов и епархий, происшедшее от вышеуказанной причины, прекрасно изобразил в своем послании от 18/31 декабря 1927 г. митр. Сергей.

«Господь,— писал он,— возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как ощупью, среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и всяких пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния»¹.

Все эти печальные стороны церковной жизни привели митр. Сергия к важному решению. Он осознал, что в таком положении Русская Церковь оставаться больше не может, необходимо утвердить ее на прочном основании гражданской законности или, иными словами, достигнуть правыми средствами ее легализации.

Свое решение он обсудил с отдельными православными иерархами и, получив их одобрение, приступил к осуществлению намеченных планов. В его первую задачу входило образование при себе Временного Священного Синода в качестве вспомогательного органа и затем уже устранение в церковной жизни нестроений.

Для этой цели он пригласил в свою резиденцию несколько православных архиереев: митр. Тверского Серафима (Александрова), архиеп. Вологодского Сильвестра (Братановского), архиеп. Хутынского Алексия (Симанского), архиеп. Костромского Севастиана (Вести), архиеп. Звенигородского Филиппа (Гумилевского) и еп. Сумскаго Константина (Дьякова) — и 18 мая 1927 года приступил с ними к предварительному совещанию.

В кругу скромной обстановки митр. Сергей внес устное предложение: учредить вспомогательный орган в виде Священного Синода, полномочия которого вытекали бы из полномочий Заместителя и вместе с ними падали бы².

Предложение Заместителя не встретило возражений со стороны присутствовавших иерархов, и было постановлено создать таковой вспомогательный орган.

В состав проектируемого Священного Синода вошли все вышеуказанные иерархи с включением в него и митр. Новгородского Арсения (Стадницкого).

¹ Послание митр. Сергия и Врем. при нем Патр. Снв. Преосвящен. Архипаст., пастырям и всем верным чад. Св. Православной Росс. Церкви от 18/31 дек. 1927 г. См. Архив М. М. № 32.

² Циркуляр митр. Сергия и Врем. при нем Патриаршего Синода от 12/25 мая 1927 года на имя еп. Петергофского Николая. См. Архив М. М. № 21.

Список членов Синода был передан митр. Сергием на утверждение гражданской власти.

20 мая 1927 г. на имя и. д. Патриаршего Местоблюстителя была получена справка за № 22-4503-62, которой предоставлялась возможность членам Синода беспрепятственно приступить к деятельности¹.

Итак, первая цель была достигнута: митр. Сергей и его Врем. Патриарший Синод получили легализацию.

Не ограничиваясь легализацией одного только Синода, митр. Сергей 12/25 мая 1927 года циркулярно предложил всем епархиальным и викарным архиереям, а также состоящим при них Епархиальным Советам получить регистрацию от гражданской власти в на-законных правах включиться в общий организм церковного управления Русской Православной Церкви².

Вслед за этим он вместе с членами Патриаршего Синода приступил к написанию декларации, предназначенной для опубликования через прессу всем верным чадам Русской Церкви.

Правда, подобная декларация была уже подготовлена митр. Сергием еще весной 1926 года, но она не была проведена в жизнь: какие-то непредвиденные обстоятельства воспрепятствовали ее опубликованию. Требовалась, очевидно, при новой обстановке и новая декларация.

Декларация была составлена. Окончательный текст послания был подписан митр. Сергием и членами Синода 16/29 июля 1927 г.

Настоящим посланием митр. Сергей и Синод не только выразили свою полную лояльность к Советскому Правительству, но как бы включили себя в самый организм Отечества так, что его (Отечества) радости и успехи или неудачи всецело становились как бы радостями и неудачами самой Русской Церкви.

Это был если не совсем новый, то, во всяком случае, для некоторых неожиданный курс церковной политики, взятый митр. Сергием.

Характерно, что на этот путь он вступил смело и бесповоротно, с мольбой о том, чтобы те, кто не может изменить сразу своего настроения в пользу новой политики, отошли бы на время от церковных дел до тех пор, пока бы лично не убедились в правоте нового церковного курса, предпринятого им в отношении к Советской Власти.

Послание было отпечатано в 5000 экземплярах и разослано по епархиям и приходам³. Оно же было опубликовано в «Известиях ЦИК» от 19 августа 1927 года.

Если строго подходить к декларации митр. Сергия и Синода, то она в церковном обществе явилась как бы своего рода таким орудием (инструментом), которым точно определялась степень того или иного отношения разных церковных лиц к Советской Власти.

¹ Циркуляр митр. Сергия и Врем. при нем Патриаршего Синода от 12/25 мая 1927 года на имя еп. Тетергофского Николая. См. Архив М. М. № 21.

² Там же.

³ Уральские Церк. ведом., 1927 г., № 14—15, стр. 1.

И надо признать за истину, что большинство церковного общества не вошло еще на ту ступень отношения к новому государственному строю, на которую вошли митр. Сергей и Временный при нем Патриарший Синод. Это и послужило причиной, что православные разделились в своих взглядах как на самое послание, так и на церковную политику митр. Сергия.

В ходе раскрытия исторических причин нам важно теперь выяснить создавшееся отношение православной иерархии к посланию и к новому направлению церковного корабля, избранному митр. Сергием.

Прежде всего необходимо выяснить, как отнесся ко всему этому Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

В то время, когда декларация митр. Сергия была опубликована в печати, митр. Петр находился в поселке Хэ Обдорского р-на Тобольского округа. Вместе с ним пребывал и епископ Спасо-Клепиковский, вик. Рязанской епархии Василий (Беляев). Там же он через газету ознакомился с посланием и новым направлением своего Заместителя. Какое он вынес суждение о послании и действиях митр. Сергия, об этом узнаем из доклада Заместителю и Патриаршему Синоду еп. Василия (Беляева), которому митр. Петр поручил передать свои взгляды митр. Сергию.

Вот что он докладывал:

«С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского р-на Тобольского округа, вместе с митр. Петром Местоблюстителем, и, по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочитать декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка Митрополит просил передать его сердечный привет Митрополиту Сергию и всем знающим его.

Смиранный послушник Вашего Святейшества
епископ Василий, викарий Рязанский»¹.

Исходя из доклада еп. Василия, мы видим, что Патриарший Местоблюститель признал декларацию как необходимое явление того времени, а отсюда, следовательно, и новая церковная политика митр. Сергия была признана им как явление, не противное Христовой истине.

Иначе судить о действиях своего Заместителя митр. Петр не мог. Он ясно понимал, что митр. Сергей, делая такой смелый шаг к изменению церковной политики в отношении Советской власти, делал это не ради каких-либо земных целей или нарушения церковных принципов, а исключительно ради церковного блага при создавшихся внешних и внутренних политических обстоятельствах.

¹ Доклад еп. Спасо-Клепиковского Василия от 11 ноября 1927 г. См. Архив М. М., № 3.

Немного иначе отнеслись к посланию и политике митр. Сергия «Соловецкие» епископы.

Мы располагаем одним весьма важным историческим документом, написанным соловецким епископатом по поводу послания митрополита Сергия, в котором со всей ясностью выражено отношение соловецких архиереев к политике Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

«1. Мы, — писали соловецкие епископы, — одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении Советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления.

Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к ней правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным.

2. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) Мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям, касающимся гражданского благоустройства государства.

б) Мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержение существующего порядка и формы правления.

в) Мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране.

г) Вполне искренно принимая закон, устраняющий служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель, как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия на совесть верующих не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом, по следующим соображениям:

а) В абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства...

б) Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви...

в) Послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь...

г) Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917—1918 гг. от 3/16 августа 1918 года, разъяснившему всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мациевич, свящ. Григорий Петров).

4. Наконец, мы находим послание Патр. Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным...»

Соловки. 1927 г., 14/27 сентября.¹

Как гласит содержание документа, соловецкие епископы одобрительно отнеслись к самому факту заверительного обращения митр. Сергия к Правительству, и все то, что касалось лояльного отношения Церкви к Государству, они признали как явление положительное.

Но такая оценка политики Заместителя дана только принципиальной стороне его деяний, однако в той части, где дело касалось христианской совести, там они фактически не могли полностью согласиться с митр. Сергием и вынуждены были чрез отвержение этой стороны послания отвергнуть и в этом направлении его политику.

Но, отвергая отдельную и очень малую часть послания и самой политики митр. Сергия, соловецкий епископат в принципе был согласен с его общей политикой и декларацией.

Об этом, кроме вышеуказанного документа, подтверждает прот. И. Шастов, проживавший тогда вместе с соловецкими епископами.

Вот что он пишет в своем донесении митр. Сергию: «По прочтении означенной декларации и суждению о ней было вынесено определенное заключение: декларацию считать необходимым актом, свидетельствующим лояльное отношение к государственной власти и не нарушающим ни догматического, ни канонического учения. А потому приемлемой „для нас“»².

Миротворческий дух среди соловецкого епископата поддерживал архиеп. Иларион (Троицкий). Он умел мудро определять самое существенное в политике митр. Сергия и из этого делать правильный вывод. К его мудрости прислушивались не только соловецкие епископы, но и другие иерархи, находившиеся в иных епархиях.

¹ Архив М. М. № 1-А.

² Письмо к митр. Сергию прот. Иоанна Шастова от 16 февр. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-б.

В ноябре месяце 1927 г., когда иосифлянство уже начало свое развитие, среди соловецкого епископата, под действием разных дошедших до него отрицательных слухов, появилось колебание относительно политики митр. Сергия и его Синода. Это колебание, при известных условиях, могло бы перейти в более активное действие, направленное против Заместителя. Однако мудрость и авторитет архиеп. Илариона развеяли создавшееся среди соловецкого епископата колебание. Он сумел созвать епископов (до 15 человек) в келье архим. Феофана и там вместе с ними единодушно постановить о полном своем согласии с политикой митр. Сергия. «Никакого раскола, — возгласил архиеп. Иларион, — будем хранить верность Православной Церкви в лице митр. Сергия»¹.

Что бы ни стали нам говорить и кто бы ни был, мы должны на это смотреть как на провокацию, желающую нас разделить с митр. Сергием и его Синодом, а потому мы должны держаться единства»².

Итак, соловецкий епископат под действием архиеп. Илариона признал политику митр. Сергия положительной и стал твердо на его сторону.

Однако следует отметить, что среди соловецких епископов были отдельные иерархи, которые несочувственно отнеслись к политике митр. Сергия, но и они до времени были удерживаемы архиеп. Иларионом в единодушии с остальными соловецкими епископами.

Если соловецкий епископат в отношении декларации и новой политики митр. Сергия стал на положительную точку зрения, заявив о своей полной лояльности к Советской власти, то остальное церковное общество разделилось в своих взглядах на несколько партий. И одна из них признавала полностью декларацию и политику митр. Сергия, другая, в духе послания соловецких епископов, отвергая одно, признавала другое, но не отходила от Заместителя; и, наконец, третья совершенно отвергнула и то и другое и стала в непримиримое отношение к митр. Сергию, а чрез это и к гражданской власти.

Такое разделение на партии объясняется исключительно психологией церковного общества, образовавшейся среди верующих ко времени издания декларации.

Мы уже отмечали, что как среди высшей, так и низшей церковной иерархии, и в большей степени среди простого народа в вопросе об отношении Церкви и Государства появилось опасение, как бы, сближаясь с последним, не изменить Христовой истине.

Их внутреннее беспокойство еще больше усилилось, когда на арену церковной жизни всплыло обновленчество, заявившее во всеуслышание о своей лояльности к советской власти и объявившее свою Церковь демократической. Вследствие этого некоторые православные иерархи и рядовые пастыри, а в большей степени

¹ Сведения участника совещания соловецких епископов А. М.

² Письмо к митр. Сергию прот. И. Шастова от 16 фев. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-б.

простой народ, стали отождествлять сближение с гражданской властью с изменой Православию.

Большинство из тех, кто впоследствии ушел в иосифлянство, определяло православных по такому принципу: если кто не шел на компромиссы с советской властью, тот считался православным, а тот, кто делал какие-либо уступки или в духе митр. Сергия заявлял о своей лояльности, считался уже изменником Православия.

Характерно, что и самая борьба против обновленчества многими предпринималась не столько ради допущенного со стороны обновленцев церковного бесчиния, а сколько потому, что последние признали советскую власть.

«Нет ничего неожиданного в том,— писал митр. Сергей митр. Кириллу на его возражения,— что среди оппозиции стоят... люди, проявившие много усердия по борьбе с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали и против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно «признало советскую власть». Недаром и теперь кое-кто спрашивает, какая же разница у нас с обновленцами, если и мы «за соввласть»¹.

И потому нет ничего удивительного в том, что всякая попытка со стороны высшей церковной иерархии каким-либо образом изменить сложившуюся церковную политику в сторону сближения Церкви и Государства (с психологической необходимостью) оценивалась некоторой частью православного церковного общества как нарушение чистоты Православия.

Какова сложилась настоящая психология церковного общества, лучше всего показывает нам отношение православных к декларации митр. Сергия от 16/29 июля 1927 года.

Когда верные чада Русской Церкви прочли послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода, то многие из них настолько были поражены его содержанием, что решили за лучшее не задерживать послания у себя и отправили его обратно автору. Почти 90% православных приходов поступили с декларацией по вышеуказанному примеру².

Вслед за этим целые потоки негодований вырвались из груди «ревнителей» Православия. И эти потоки с каждым днем все увеличивались и увеличивались. И одни из них принимали мирный характер, а другие, наоборот, превращались в кипучий гнев, готовый сокрушить на своем пути все то, что казалось несогласным с Христовой истиной.

Какие главные направления приняли протесты против послания и политики Заместителя, можно видеть из тех многочисленных посланий и писем, которые были написаны отдельными лицами к митр. Сергию.

---

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 2 янв. 1930 г. См. Архив М. М. № 74.

² Уральск. Церк. вед., 1927 г., № 12 и 13, стр. 1.

Рассмотрим все их по порядку.

Поскольку послание митр. Сергия носило политический характер, поэтому и протест отдельных епископов и большинства мирян был направлен прежде всего против предпринятой митр. Сергием церковной политики.

Одобрив основной принцип лояльного отношения к советской власти, они, однако, были против того, чтобы Церковь снова включилась в политику и в тесный союз с государством, на что, как им казалось, толкает митр. Сергий. «Когда Церковь,— говорили они,— не была отделена от государства, она часто, помимо ее желания, втягивалась в политику. В советском государстве (отделившем от себя Церковь) последняя имеет громадные преимущества в том отношении, что она может быть в стороне от всякой политики, делая свое только церковное дело, и быть совершенно свободной от всяких влияний на ее внутренний уклад и порядки со стороны гражданской антирелигиозно настроенной власти.

Послание митр. Сергия и его Синода вновь толкает Церковь на путь союза с государством, ибо самое послание есть уже политическое выступление, как и смотрят на него и его составители и правительство»¹.

Они считали, что митр. Сергий, утверждая новую политику, допустил грубую каноническую ошибку, заключающуюся в том, что он свою частную политику выдал за политику общецерковную, чего, по мнению противников декларации, не имел права делать не только митр. Сергий, но даже и сам Патриарх.

Исходя из отношений к политике, они строго отличали политику частную от общецерковной, и в зависимости от того, какая политика проводилась в данный момент церковной жизни отдельными лицами, она была либо общеобязательной, либо нет.

«Бывает частная политика отдельных членов Церкви, — утверждали противники декларации, — которую ведет лично от себя тот или иной член Церкви за своей личной ответственностью. Это еще не есть церковная политика, хотя бы так занимался политикой и сам Патриарх, это только его личная политика. Когда же политику ведет та или другая Поместная Церковь, как целостное религиозное учреждение, как организованное религиозное общество, чрез свою церковную высшую власть, такая политика суть церковная политика, т. е. политика всей этой Церкви, а не отдельных только ее членов. Если Патриарх или другой член Церкви ведет свою личную политику, то за эту политику перед Богом и перед людьми отвечает только он сам, а не вся Церковь; кроме того, для других членов нет еще обязанности присоединиться к его политике. А за Церковную политику отвечает пред Богом и пред людьми вся Церковь»².

Церковная политика, продолжали доказывать противники по-

¹ Послание трех епископов, п. 4. См. Архив М. М. № 41.

² Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергия и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 г. Архив М. М. № 1.

слания, проводилась в Русской Церкви от самого момента крещения Руси до Октябрьской революции, и она на протяжении вышеуказанного периода оставалась одной и той же.

Когда же к управлению Россией пришла власть советов и Церковь особым декретом от 5 февраля 1918 года была отделена от Государства, тогда Поместный Собор Русской Церкви своим постановлением от 2/15 августа 1918 года упразднил общеобязательную церковную политику и предоставил на волю, каждого заниматься или нет церковной политикой, но с обязательством, чтобы никто не занимался политикой от имени Церкви, а только от своего имени и не переносил на Церковь ответственности за свою или чужую политическую деятельность и чтобы не стремился вредить самой Церкви своей политической деятельностью¹.

Основываясь на утвердившемся каноническом положении членов Российской Церкви относительно политики, они признали, что митр. Сергей и его Синод проводят частную, хотя и групповую политику, и, вопреки якобы постановлению Поместного Собора, стремятся силой заставить следовать всех их политике и отлучить от Церкви тех, кто не последует этой политике².

Беспокойство православных иерархов и паствы вызывалось не только этой стороной политики митр. Сергея. Оно вызывалось еще и тем, что некоторые выражения Послания, касающиеся второго Поместного Собора и установления центрального Церковного Управления, наводили многих на мысль, не направлена ли политика митрополита Сергея к уничтожению Патриаршества.

В разных местах отдельные члены Русской Церкви ставили перед собой вопрос: «Неужели и митр. Сергей, более других обязанный своей присягой блюсти в целостности Патриаршество Всероссийской Церкви, как оплот ее в наши бурные дни, тоже решается торговать Патриаршеством и продать его за разные обещания? Неужели митр. Сергей будет такой же клятвопреступник и предатель как и ВВЦС?»³

Беспокойство это было настолько велико, что понудило некоторых из православных епископов обратиться к митр. Сергию и Синоду с убедительной просьбой, чтобы они незамедлительно издали новое разъяснение по поводу вышеуказанного волнения.

«Мы просим, — писал неизвестный епископ, — ради блага Церкви, ради сохранения доверия к митр. Сергию и его Синоду, просим митр. Сергея и его Временный Священный Синод безотлагательно издать и опубликовать яснее, не допускающее никаких двойных пониманий и толкований разъяснение, что они в своем послании от 16/29 июля 1927 года разумели не что иное, а именно свои старания о сохранении Патриаршества, этого нашего оплота; что, в частности, арзамасец митр. Сергей Страгородский не собирает-

¹ Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергея и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 года. Архив М. М. № 1.

² Там же.

³ Там же.

ся походить в оберегании Патриаршества на современного Петру Первому Патриаршего Местоблюстителя украинца Стефана Яворского, трусливо продавшего Патриаршество за спокойное богатое житие и севшего президентом в Петровский Синод. Необходимость разъяснения для блага и мира Православной нашей Церкви крайняя»¹.

Такое отношение к Посланию и политике митр. Сергия стало уже привычным среди умеренных иерархов и простого народа, которые, не соглашаясь с его политикой, оставались с ним в молитвенно-каноническом общении и признавали митр. Сергия первоиерархом Русской Православной Церкви.

В параллель вышеуказанному направлению шло развитие и другого направления, где с иной стороны подходили к оценке Послания и политики митр. Сергия.

Если в первом случае деяния Заместителя ставились пред судом церковных канонов и постановлений Поместной Церкви, то здесь они были поставлены пред лицом Христовой истины. Лица этого направления подошли к оценке декларации и политики митр. Сергия с точки зрения истинности их содержания и направления. Они пришли к выводу, что и декларация, и политика Заместителя содержит в себе ложь и человекоугодничество. И, задавая вопрос — «может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия при каких угодно случаях, для каких угодно целей становиться на путь лжи и человекоугодничества?», — ответили: «Нет», ибо это безусловно воспрещается Словом Божиим. (Деян. 4, 19; Иез. 3, 18)².

«Все, что говорят от лица Церкви, — утверждали они, — должно дышать истиной Христовой, исходить из нее, быть подобно ей, и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лица Христова и для Церкви, в конечном счете, оказывается всегда позорным и вредным»³.

Они не могли признать за истину то утверждение митр. Сергия и его Синода, указанное в «Послании», что напряженное отношение между Церковью и Государством вызывалось исключительно контрреволюционным настроением церковной иерархии, и считали такое утверждение ложью.

Они признавали, что столкновения между Церковью и Государством исходили не только из одних политических принципов, но, главным образом, из разности двух философских систем: материалистической и христианской (идеалистической), и что, следовательно, это столкновение неизбежно даже при отсутствии каких-либо политических выпадов со стороны отдельных церковных лиц⁴.

Характерно, что пред митр. Сергием ставили вопрос: «Мог ли бы он пред Крестом и Евангелием присягнуть, что то, что он пи-

¹ Необходимые канонические поправки к Посланию митр. Сергия и его Священ. Синода от 16/29 июля 1927 г. Архив М. М. № 1.

² Послание по поводу «Воззвания» митр. Сергия. Архив М. М. № 63.

³ Там же.

⁴ Там же.

шет в декларации, включительно до «благодарности», есть действительно голос его убеждений, свидетельство его неустрашенной и чистой пастырской совести?»

И, не дожидаясь ответа, говорили: «Мы убеждены и утверждаем, что митр. Сергей и его собратия не могли бы сделать этого без клятвопреступления. А может ли кто-нибудь от лица Церкви с высоты церковного амвона возвещать то, в чем он не мог бы присягнуть, как в совершенной истине?»¹.

Обобщенно о создавшейся психологии церковного общества и о тех опасениях, которые высказывали лица крайнего направления, изложено в «Киевском воззвании»².

В нем яркими красками изображена внутренняя сущность настроения, которое сложилось у большинства церковного общества среди мирян и которое явилось пригодной почвой для раскола.

Среди смущавшихся политикой митр. Сергея уже поднимался вопрос об отделении от Заместителя и его Синода. И вопрос, вероятно, разрешился бы очень быстро в пользу отделения, если бы их не устрашали два важных обстоятельства: ответственность за произведенный раскол и канонический разрыв с Христовой Церковью и, следовательно, потери благодатного освящения.

Те из них, кто руководствовался в жизни не одним только чувством, а и разумом, справедливо советовали не торопиться с отделением, но ожидать того момента, когда ярко определятся отрицательные, на их взгляд, плоды политики митр. Сергея, дающие полное основание к отделению.

Таковыми плодами они считали: 1) «Прекращение поминания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра»; 2) «Созыв Собора без участия Местоблюстителя, митр. Петра, митр. Кирилла и прочих исповедников»; 3) Отмена патриаршества и т. п.»³.

Ожидание этих плодов и надежда на то, что митр. Сергей и его Синод изменит свою политику, отодвигало появление раскола. К числу ожидавших принадлежал митр. Иосиф (Петровых) и его единомышленники.

Прежде чем перейти к изложению еще одной причины, способствовавшей появлению раскола, необходимо хотя бы кратко дать правильную характеристику деянию митр. Сергея, имеющему непосредственное отношение к проводимой им церковной политике.

Отдельные группы церковного православного общества (епископы, священники и миряне), как выше было указано, осудили митр. Сергея за его послание и его деяния, направленные к легализации Церкви, и тем самым набросили тень на светлую личность выдающегося иерарха. Необходимо признать, что такое осуждение

---

¹ Киевское воззвание по поводу «Послания» митр. Сергея, нояб. 1927 г. Архив М. М. № 25.

² Там же.

³ По поводу «Воззвания» митр. Сергея. Архив М. М. № 64.

исходило из ложного понимания ими действий и слов Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Что именно это так, об этом со всей очевидностью свидетельствует подлинное деяние митр. Сергия. Каково же оно есть по существу?

Издавая послание, Заместитель имел ввиду единственную цель — засвидетельствовать открыто советскому правительству о полной аполитичности Церкви и чрез признание Церковью гражданской власти и повиновение ей получить право легализации. Цель, как видим, весьма благая.

В сущности своей эта цель заключала в себе решение вопроса, причем вопроса вечного и большого, об отношении Церкви к государству.

Митр. Сергий этот вопрос, на основании истории Церкви и Евангелия, решил в положительном смысле, в смысле установления лояльных отношений, при которых государство получает от Церкви признание и подчинение, а Церковь от государства — признание и свободу, т. е. признание ее права на свободное существование, причем предполагается, что ни Церковь не будет вмешиваться в дела государственные, ни государство не будет вторгаться в область церковную, как в сферу дел, ему не принадлежащих.

Можно ли осуждать за такое решение вопроса митр. Сергия? Ответ может быть только отрицательный.

То, что сделал Заместитель, согласуется с Евангелием и с историей и заключает в себе пользу для Церкви.

Сам Господь Иисус Христос примером Своим освятил союз верующих с государством, когда повелел Петру уплатить пошлину за Него и за себя (Мф. 1., 24—27). На вопрос искусителей: «следует ли платить подать кесарю» — ответил повелением: «воздадите кесарево кесареви» (Мф. 22, 16—22).

Характерно, что власть, которой необходимо было повиноваться, была ненавистной иудеям.

Ап. Павел, хотя и видел, что языческая власть восставала на Христа и Его Церковь, однако писал: «всяка душа властям предержащим да повинуется» (Рим. 13, 1).

Церковь, неизменно сохраняя верность Христу, всегда покорялась тому государству, в котором она находилась и с каждым из них заключала союз. К примеру, когда Византией овладели турки, то Греческая Церковь сразу же постаралась войти в соглашение с турецким правительством, и до сего времени она получает от него свои гражданские права.

Древняя Церковь во времена мучеников тяготилась своим святым бесправием и всегда стремилась к тому, чтобы выйти из своего нелегального положения. В лице христианских апологетов она обращалась к языческой, богоборческой власти и убеждала ее прекратить гонения и даровать свободу Церкви, потому что христиане были лояльно настроены к правительству.

В сущности своей послание митр. Сергия — это новая апология Церкви в защиту ее прав на устроение канонической жизни под покровом гражданской законности.

Христова Церковь на земле не может существовать иначе, как только в союзе с государством. Бесправное положение не может продолжаться долго.

Церковь, находясь в атеистическом государстве, должна либо страдать от своего бесправия, либо получить легализацию. Что же лучше для Церкви, первое или второе, т. е. страдание или же союз (союз исключительно правовой) с атеистической властью? Нет сомнения, что второе лучше.

Это лучшее и избрал митр. Сергей. Он правильно оценил, что неразумно ввергать великое множество «малых сих» в горнило искушений, и что развитие нормальной жизни церковной может проходить только в правовом союзе Церкви и Государства. И потому, когда государство легализовало Церковь, митр. Сергей воспользовался этим правом, увидев в этом только одну пользу для Церкви.

Необходимо отметить, что Заместитель фактически завершил дело, начатое еще Патриархом Тихоном, который всеми силами стремился достигнуть мирного устроения церковной жизни.

Считаем небесполезным поместить письмо одного православного епископа, в котором дается правильная оценка деянию митр. Сергия и тем протестам, которые были направлены против Заместителя от разных лиц.

Вот что он писал митр. Сергию:

«Ваше Высокопреосвященство,
Всемиловитый Архипастырь и Отец!

Вчера от духовного Вашего сына, моего господина и отца благостнейшего Архипастыря архиепископа Аверкия получил я письмо, с содержанием которого в некоторой части считаю своим нравственным долгом познакомить и Ваше Высокопреосвященство. В Холжении на собрании епископата 24 сентября ст. ст. (трое мне близко известных — Аверкий Кедров, Валериан Рудич Герман Ряшенцев и двоих не знаю) постановлено: легализацию—регистрацию — приветствуем. Послание митр. Сергия принимаем. Если для легализации потребовалось бы кому-либо вообще и кому-нибудь из нас в частности уйти на покой, согласиться и на это, только чтобы легализация все же прошла. Про себя архиеп. Аверкий в письме пишет, что у него лично такое отношение было с самого начала. Я всегда готов был сказать с Григорием Богословом «если я Иона — бросьте меня в море». И теперь Владыка Аверкий радуется, что достигнуто соглашение, что его собратия приняли его формулу отношения. Отрадно и приятно было читать эти слова Владыки Аверкия, в них чувствовалось что-то свое, родное. Мой господин и я верили в честность и мудрость Вашего Высокопреосвященства. Верим, что Вы лучше других можете вывести церковный корабль на свежую воду в открытое море для плавания.

Утешает нас отзыв обители «Божидара» б. «Волоколамского», было много мук и головоломок, печение митр. Сергия, по сравнению с другими прежними изделиями, вышло чище, вкусней и долговечней. Конечно, не мало есть людей, которые стараются дискредитировать и личность и дело Вашего Высокопреосвященства из-за сведения личных счетов или для устройства своих партийных дел, а также и за граница пытается удержать за собою автокефалию, а те, говорят, делай как знаешь, — но мы по всему тому, что нам известно, заключаем о мудрых ходах Вашей работы. И вот в то время, когда другие посевают большую разруху церковную на радость желающим ее критикованием и осуждением Ваших деяний, потому что, живя в стороне, легко и безответственно сие можно проделывать, мы желаем Вас и просим Господа Бога согреть сердца всех недовольных, неудовлетворенных посланием и преисполнить его тревогой не за себя лично, но за благо и судьбу нашей дорогой Церкви родной. Помогите Вам, Господи. В таком деле как Ваше — установить повсеместно добрые нормальные отношения Православной Церкви со Властью при условиях переживаемого времени — не обойдешься без терния, хулы и клеветы. От души желаю полного успеха предпринятому Вашим Высокопреосвященством делу, испрашивая Божией помощи на Ваш труд, пребываю к Вам сыновнею почтительностью и любовью Вашего Высокопреосвященства. Недостойный послушник и богомолец

Максим, Епископ Полонский¹

13/26 окт. 1927 г.

Как видим, еп. Максим (Руберовский) и другие указанные в письме архиереи правильно оценили действие митр. Сергия, считая его (действие) «чистым», «долговечным», «мудрым» и направленным ко благу Церкви, в то время как критикующие и осуждающие деяние Заместителя поступают так из-за «сведения личных счетов или для устройства своих партийных дел».

Итак, необходимо признать, что деяния митр. Сергия носят только положительный характер.

Легализация Церкви достигнута им не ценою унижения и человекоугодничества, как думают обвинители, а исключительно правовыми путями, поскольку союз Русской Православной Церкви с атеистической властью утверждался не на внутренней солидарности с ее материалистическими взглядами, а только на правовых отношениях к советскому правительству.

При таком контакте Церкви и государства всякий верующий человек, повинувшись гражданской власти и выполняя ее требования, касающиеся правового порядка, а не веры, мог свободно отправлять свои религиозные потребности. И если противники осуждают деяния митр. Сергия, то их осуждение теряет всякую силу, как высказанное ими по предубеждению, а не по истине.

¹ Архив М. М. № 69.

Наряду с теми причинами, которые мы указали выше, существовали и другие причины, влиявшие на возникновение иосифлянского раскола. В частности, таковой причиной являлся ошибочный взгляд большинства русского епископата на канонические полномочия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Многие из тех, кто выражал свое неодобрение политике митр. Сергия, поступали так не потому только, что они признавали вообще отрицательной политику, но и потому, что находили ее антиканоничной, т. е. проводимой без благословения Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Иными словами, они считали, что деятельность митр. Сергия превышает его полномочия как Заместителя и поэтому является антиканоничной.

Чтобы наглядно убедиться в том, что неодобрявшие политику митр. Сергия ставили в вину превышение им канонических полномочий, мы приведем ряд высказываний отдельных лиц по этому вопросу.

Вот что, например, писал митр. Сергию еп. Полонский Максим (Руборовский): «Весь корень зла, вся злостная инсинуация лежит в том, что Вы действуете будто бы без благословения митр. Петра, что митр. Петр будто бы дал право заниматься текущими неважными делами. Рассейте нелепое обвинение, Отец родной»¹.

Действительно ли это были клеветнические измышления, как утверждает еп. Максим, или это были естественные опасения скорбящих душ за судьбу Русской Церкви, существо дела от этого не меняется — факт остается фактом: обвинения подобные существовали.

«Делая то, — писал неизвестный, — что он (Заместитель) делает, митр. Сергий, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митр. Агафангела, от бывш. архиепископа Екатеринбургского Григория и прочих претендентов на создание новых ориентаций, испросить благословения своего иерархического начальства. Ведь митрополит Сергий только и. д. Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное, долженствующее действовать во всяком случае не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего «господина». Поэтому он должен был запросить митр. Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному шагу и только с благословения того действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Воззвании» нет и следов указаний на то, что так было сделано, и что благословение получено. Наоборот, обоснование на покойном Патриархе Тихоне (стиль автора письма) дает всякое основание заключить, что санкция от митр. Петра не получена. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митр. Сергия получить благословение митр. Петра показывает то соображение, что в случае несогласия его с деятельностью своего заместителя (митр.

¹ Письмо еп. Максима к митр. Сергию от 13/26 окт. 1927 г. Архив М. М. № 69.

Сергия), этот последний сразу становится таким же «похитителем» власти, как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании»¹.

«Митр. Сергей, — говорится в «Киевском воззвании», — Заместитель Местоблюстителя Патриарха, который хотя и отделен от нас тысячами верст..., однако, благодарение Богу, — еще жив, является ответственным за Русскую Церковь пред Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви... Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути. Митр. Сергей, «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санкции митр. Петра и сонма русских иерархов... декларировать и предпринимать ответственнейшие решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой клеточке его.

Наличие при митр. Сергии так называемого «Переменного Синода» не изменяет положения: «Синод» митр. Сергия организован совершенно не так, как предполагает постановление Московского Собора 1918 года, он не избран соборно, не уполномочен епископатом; потому он и не может считаться представительством епископата при митр. Сергии. Он поставлен самим митр. Сергием и потому является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нем.

Все это говорит за то, что, поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственнейшие решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, **ОН ЯВНО ВЫХОДИТ ИЗ ПРЕДЕЛА СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ**»².

Приведенных примеров вполне достаточно для той цели, чтобы убедиться в том, что обвинения на митр. Сергия в превышении им канонической власти существовали и ярко свидетельствовали о наличии канонической основы, послужившей одной из причин в подготовке раскола.

Но нас интересуют сейчас не сами обвинения, которые явились фактически как бы выражением того, что сложилось в сознании иерархического сословия предшествующими событиями церковной жизни, а каноническое определение тех полномочий, которые по преемству, в силу завещания, перешли от Патриаршего Местоблюстителя к митр. Сергию, иными словами, нас интересует выяснение канонического взгляда русского епископата на иерархические полномочия митр. Сергия в деле управления им Русской Церковью.

Начнем изложение этого отдела с завещания митр. Петра, которым определялся объем полномочий митр. Сергия.

---

¹ Архив М. М. № 63.

² Киевское воззвание. Ноябрь 1927 г. Архив М. М. № 25.

6 декабря 1925 г., за несколько дней до своего удаления от управления, митр. Петр оставил завещание следующего содержания: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому. Если сему Митрополиту не представится возможным осуществить это, то будет... Экзарх Украины Высокопреосв. Митр. Михаил, а если и он будет лишен возможности..., то Высокопреосв. Иосиф, архиеп. Ростовский. Возношение за Богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»¹.

Как гласит содержание завещания, обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходили одному из указанных кандидатов без всякого ограничения, именно в объеме тех полномочий, которые принадлежали Местоблюстителю. За митрополитом же Петром оставался только титул и право возношения его имени за богослужением. Таким образом, если строго исходить из самого содержания завещания, то следует признать, что митр. Сергей воспринял в полноте права Патриаршего Местоблюстителя. Но при ясности вытекающих полномочий из завещания, остается, однако, неясным самый объем полномочий Патриаршего Местоблюстителя, а отсюда, следовательно, и полномочия митр. Сергия как Заместителя также остаются неясными.

Необходимо поэтому решить вопрос — какой объем полномочий принадлежал Патриаршему Местоблюстителю? Исчерпывающий и вполне правильный ответ на поставленный вопрос дает митр. Нижегородский Сергей, рассуждениями которого мы и воспользуемся в нашем труде.

«По действующим церковным правилам, — говорит митр. Сергей, — титул Местоблюстителя Патриаршего Престола усваивается иерарху, который временно исполняет обязанности первого епископа данной Церкви *Sede vacante*, т. е. в период времени с освобождения Патриаршей кафедры (за смертью или ухода Патриарха от должности) и до избрания нового Патриарха. Предусматривается должность Местоблюстителя и Положением о нашем Высшем Управлении, выработанным на Соборе 17-18 гг.»².

В соответствии с этим на первый взгляд кажется, что и митрополит Петр своим положением солидарен с общецерковным порядком, и что его полномочия ограничиваются тем объемом, который предусмотрен правилами Поместного Собора о Местоблюстительстве. Но это только кажется, а в действительности существует весьма большая разница.

Как нам известно, митр. Петр носил титул «Патриарший Местоблюститель», а не «Местоблюститель Патриаршего Престола», как предусмотрено правилами, и в этой с виду незначительной разнице в терминологии скрывается существенное различие в объеме

¹ См. Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 196.

² Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 3.

полномочий Патриаршего Местоблюстителя от Местоблюстителя обычного.

Обычный Местоблюститель при нормальном течении церковной жизни после смерти Патриарха избирается Священным Синодом и Высшим Церковным Советом — учреждением, которому фактически переходит вся полнота канонической власти. И он (Местоблюститель) выступает как временный Предстоятель данной Поместной Церкви, как ее первый епископ.

Подобный Местоблюститель «не пользуется ни авторитетом Патриарха, потому что избирается только на время, до избрания нового Патриарха», ни полнотой Патриаршей власти, так как он остается членом Священного Синода и его Представителем и может действовать только по полномочию Синода и нераздельно с ним.

«Эту ограниченность полномочий Местоблюстителя подчеркнул и Российский Собор 1917—1918 гг., определив, что Местоблюститель не имеет Патриаршего права возношения его имени по всем церквам Патриархата, а также права обращения от своего имени с посланиями ко всероссийской пастве. И то и другое Местоблюстителю предоставляется только совместно со Священным Синодом.

Само собою понятно, что у такого Местоблюстителя не может быть заместителей. Источник его полномочий — Синод, который, в случае нужды, всегда может перенести эти полномочия на другое лицо с тем же титулом»¹.

Совершенно иным и с другими полномочиями является Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

Последний получил свои полномочия не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха.

«Знаменательно, — рассуждает по этому поводу митр. Сергей, — что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на соборе задуманного аппарата остался один Патриарх. Он один сохранил свои полученные от Собора полномочия на управление Российской Церковью. Срок полномочий членов Синода и Высшего Церковного Совета уже давно истек, и они не могли более принимать участия в управлении. Существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом — митрополитов, полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего и с его смертью терял полномочия. Таким образом, рядом с Патриархом не оказывалось Собором уполномоченного учреждения, которое бы, участвуя в высшем управлении Церковью, могло автоматически принять от Патриарха всю полноту порученной ему Собором Патриаршей власти и соблюсти ее до избрания нового Патриарха, избрав Местоблюстителя. Оставался единственный путь к сохранению этой власти: личным Патриаршим распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. Это почивший сделал своим завещанием.

¹ Журнал Московской Патриархии. 1931 г., № 1, стр. 3.

Так как вопрос шел именно о том, чтобы сохранить для Русской Церкви не в теории, но и на практике, в действии, учрежденную Собором Патриаршую власть во всей ее полноте, то в завещании и говорится определенно о переходе к одному из указанных кандидатов всех прав и обязанностей Патриарха без каких-либо ограничений. Завещание не усваивает будущему носителю Патриаршей власти титула Местоблюститель, что давало бы повод приравнять к обыкновенному Местоблюстителю и тем ограничивать его права. Уже сам Владыка Митр. Петр при вступлении в должность избрал для себя такой титул, может быть, желая этим показать, что он совсем не намерен присваивать Патриаршей власти пожизненно, а смотрит на себя только как на временного носителя этой власти для передачи будущему Патриарху. По прямому же смыслу завещания он бы должен был именоваться: «Исправляющий должность Патриарха» со всеми правами, этой должности присвоенными, в том числе и с правом обращения ко Всероссийской пастве лично от себя с посланиями и с правом возношения его имени во всех церквах Патриархата»¹.

Правда, некоторые выражали сомнение относительно канонической состоятельности единоличной передачи Патриаршества, но это сомнение теряет свою силу, если только учесть, что Собор 1917—1918 гг. предоставил Патриарху право передавать таким образом власть временному носителю в случае, когда не окажется в наличии Собором уполномоченного учреждения. И, кроме того, Патриаршее завещание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением — 37 архипастырями, присутствовавшими на погребении Патриарха. О чем ими был составлен специальный акт, содержание которого мы приводим ниже.

«Убедившись в подлинности документа, — говорится в акте, — и учитывая 1 — то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Русской Церкви преемства власти, и 2 — что ни митр. Кирилл, ни митр. Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, мы, архипастыри, признаем, что Высокопреосвященнейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнения воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Далее следует 37 подписей.

Характерно, что в этом акте ясно отмечается, что почивший Патриарх не имел иного пути сохранить в Русской Церкви законное преемство Патриаршей власти и что от этой власти митр. Петр уклониться не может.

Таким образом, Патриарший Местоблюститель митр. Петр являлся законным носителем Патриаршей власти во всей ее полноте и объеме.

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 3—4.

Выяснив полномочия Патриаршего Местоблюстителя, мы сможем теперь определить и объем полномочий митр. Сергия.

Мы уже отмечали, что, по прямому смыслу завещания Патриаршего Местоблюстителя, митр. Петр передавал свои обязанности одному из кандидатов, указанных в завещании, во всей полноте и объеме своих полномочий. А так как в объем его полномочий входила вся полнота Патриаршей власти, то отсюда, следовательно, эта полнота власти перешла и к Заместителю.

Такое утверждение о полномочиях Заместителя вытекает не только из содержания завещания митр. Петра, но из исторической аналогии и из существа дела.

«Как известно, — говорит митр. Сергий, — «Заместителем» Патриарха начал себя именовать в 1922 г. покойный митр. Ярославский Агафангел, которого Святейший Патриарх, «вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения Патриарха к гражданскому суду», счел полезным для блага Церкви поставить во главе церковного управления. Титул «Заместителя» опять-таки в грамоте Патриарха не был указан, а был избран самим митр. Агафангелом. Однако, определяя свои полномочия не по техническому значению слова «Заместитель», а по существу дела, митр. Агафангел «почитал своим долгом... созыв Всероссийского Поместного Собора», который должен был дать решение всех принципиальных вопросов. Таким образом, Заместитель Патриарха, еще здравствующего, но устранившегося от управления из-за предания его гражданскому суду, признает себя облеченным всею полнотою Патриаршей власти, до созыва Поместного Собора включительно. Даже на этот созыв он не считает необходимым во что бы то ни стало добиваться каких-либо указаний от Патриарха, а между тем Собор полномочен поставить вопрос и о суде над самим Патриархом.

Настоящее положение нашего Церковного управления — во главе с Заместителем здравствующего, но устранившегося от дел Местоблюстителя — до тождества аналогично положению управления в 1922 г. при устранившемся Патриархе и фактически управлявшем Заместителе. Нет поэтому никаких оснований утверждать, будто теперешний Заместитель, в отличие от тогдашнего, должен почитаться ограниченным в правах, хотя бы в документе, передающем власть, и не было никаких оговорок об ограничении (как не было их и в 1922 году).

Таким образом, по документальным нашим данным, Заместитель облечен Патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель. Да и существом дела это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у Церковного корабля, и тогда не было бы и цели вообще кому бы то ни было передавать власть. Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме Патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет свои полномочия до тех пор, пока Местоблюститель остается в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью,

отказом и под.) — в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя. Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению Заместитель перестает управлять.

За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором»¹.

Итак, с точки зрения исторического и канонического освещения Заместитель Патриаршего Местоблюстителя обладал полнотой Патриаршей власти, что давало ему полное основание делать те или иные распоряжения, относящиеся до церковного управления, самостоятельно.

Но церковная жизнь в условиях тогдашних обстоятельств повлияла отрицательно на каноническое определение российским епископатам полномочий митр. Сергия, и то, что канонически входило в объем власти Заместителя, стало считаться недействительным.

Объем полномочий митр. Сергия большинством, если не сказать всем российским епископатам, был ограничен, а сам митр. Сергий, как мы уже видели из приведенных выше примеров, был поставлен в прямую зависимость от Патриаршего Местоблюстителя.

Здесь, видимо, произошла какая-то ошибка, послужившая ограничением прав Заместителя. В чем же состояла эта ошибка? Она, вероятно, состояла в том, что большинство епископов в определении полномочий митр. Сергия исходило не из смысла завещания митрополита Петра, а из смысла технического термина «Заместитель», которым обычно обозначалась должность с правами, ограниченными сравнительно с тем, кого замещают.

Вследствие этого и стали утверждать, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя уполномочен последним вершить только дела, так называемые текущие, и не может брать на себя решения дел принципиальных и общецерковных².

Этот взгляд еще больше укрепился в сознании российского епископата тем, что митр. Петр, несмотря на то, что он на долгий срок лишался физической возможности управлять Церковью, оставил за собой титул и звание Местоблюстителя. При таком положении мысль не только обычного епископата, но и самого митр. Сергия как Заместителя естественно приковывалась к Патриаршему Местоблюстителю и ставила их (епископов) по отношению к митр. Петру в какую-то каноническую зависимость. В сознании русских иерархов сложилось полное убеждение в том, что митр.

¹ Журнал Московской Патриархии, 1931 г., № 1, стр. 5.

² Там же, стр. 4.

Петр является полноправным носителем канонической власти, а митр. Сергей только его временный Заместитель, который имеет дать отчет не только Поместному Собору, но и Патриаршему Местоблюстителю.

Это вело к тому, что всякие самостоятельные шаги митр. Сергия, направленные к решению принципиальных сторон церковной жизни, преломлялись в сознании отдельных иерархов как превышение канонических полномочий митр. Сергием. А это, в свою очередь, подготовляло пригодную почву для возникновения раскола.

Итак, обозревая исторические, психологические и канонические причины, мы приходим к определенному выводу, что ростки иосифлянского раскола невидимо зрели в самом организме церковно-общественной жизни, и, как только наступило благоприятное время, они пробились на поверхность и заявили во всеуслышание о своем существовании, продолжая расти и развиваться.

МИТРОПОЛИТ И ОСИФ

На развитие иосифлянского раскола большое влияние имел митрополит Иосиф, а его отказ от перевода в Одессу послужил ближайшим поводом к возникновению церковных нестроений и противодействий митр. Сергию.

Митр. Иосиф (в мире Иван Семенович Петровых) родился 15 дек. ст. ст. 1872 г. в г. Устюжне Новгородской губернии. Первоначальное образование он получил в Устюженском духовном училище, а потом в Новгородской духовной семинарии. По окончании полного курса духовной семинарии юноша Иоанн поступает в 1895 г. в Московскую Духовную академию. Здесь под покровом преп. Сергия проходят годы его учения и познания высшей богословской науки. В 1899 году он оканчивает академию со степенью кандидата богословия и на год остается профессорским стипендиатом.

Осенью 1900 г. Иоанн был утвержден и. о. доцента Московской духовной академии по кафедре Библейской истории. Начался новый этап его жизни.

26 августа 1901 г. он принимает иноческий постриг с именем Иосифа, а 14 октября — рукоположение в сан иеромонаха.

В 1903 г. иеромонах Иосиф защищает магистерскую диссертацию и назначается инспектором и экстраординарным профессором Московской духовной академии.

В 1904 г. он был возведен в сан архимандрита. Служение в духовном рассаднике продолжалось шесть лет.

В 1906 г. его переводят настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии, а в следующем году — настоятелем Юрьевской Новгородской обители.

15 марта 1909 г. архим. Иосиф был хиротонисан во епископа Угличского, 2-го викария Ярославской епархии.

В 1920 или 1921 г. с возведением в сан архиепископа его перемещают в Ростов, викарием той же епархии. Служение его в Ростове ничем особенным не отличалось. Когда началось обновленческое движение, то архиеп. Иосиф счел за лучшее остаться в стороне от какого бы то ни было участия в борьбе с обновленчеством, хотя сочувствия к последнему не имел. Он затворился в Угличском Алексеевском монастыре и оттуда продолжал управлять паствой.

В его жизни произошел какой-то неизвестный нам случай, о котором он сам упоминает в своем письме к митр. Сергию от 28 сентября 1927 г., едва не лишивший его свободы. И только заступничество М. И. Калинина, к которому он обратился с ходатайством, спасло архиеп. Иосифа от роковой минуты¹.

Трудно определить, каким авторитетом пользовался архиепископ Иосиф среди российского епископата, но в очах митр. Петра (Полянского) он казался достойным и твердым в православии иерархом, так что митр. Петр нашел вполне возможным в своем завещании от 6 декабря 1925 г. поставить его третьим кандидатом в Заместители Патриаршего Местоблюстителя.

В 1926 г. решался вопрос о замещении в Ленинградской епархии. Митр. Сергей — Заместитель Патриаршего Местоблюстителя искал такого кандидата, который бы вполне отвечал народной симпатии г. Ленинграда. Но произвести надлежащий выбор он так и не мог. Некоторые из тех, которых он назначал, одни разумно, а другие преступно отклоняли от себя свое назначение, и кафедра (Ленинградская) продолжала вдовствовать.

Между тем, многие представители верующих, не без участия, конечно, иоаннитов, связь с которыми архиеп. Иосиф не порывал, явились к митр. Сергию и настойчиво просили его назначить им в Ленинград архиеп. Ростовского Иосифа². Склоняясь на просьбы явившихся к нему просителей и, вероятно, учитывая некоторые достоинства архиеп. Иосифа, известные ему из прошлых лет, митр. Сергей назначает его Ленинградским митрополитом.

Назначение на такой высокий и ответственный пост архиепископ Иосиф принял не без смущения и не без душевной тревоги. Он ожидал новых скорбей³.

29 августа 1926 г. митр. Иосиф прибыл в Ленинград и остановился в Воронцовском подворье.

Вечером в этот день он служил всенощную св. Александру Невскому в Троицком Соборе Александро-Невской Лавры.

Служба проходила в торжественной обстановке. Очевидцы утверждают, что во время этого богослужения настроение большинства присутствующих было какое-то особенное, непередаваемое.

¹ См. Архив М. М. № 27.

² Важнейшая разница в степени канонического достоинства двух Ленинградских митрополитов — Иосифа и Серафима. См. Архив М. М. № 24.

³ См. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 28/IX-1927 г. Архив М. М. № 24.

И оно было связано не только с праздником, но, главным образом, с приездом нового митрополита.

30 августа, в самый день праздника, митр. Иосиф совершил первую Божественную литургию. По окончании литургии он всех благословлял. Народ подходил под благословение со слезами. Подобное внимание, которое оказали ленинградцы вновь прибывшему архипастырю, затронуло самое больное место митр. Иосифа: в его сердце пробудилось тщеславное чувство, и оно-то, как мы увидим ниже, сыграло немаловажное значение в подготовке раскола.

Интересно отметить, что ленинградская паства оценила митр. Иосифа как стойкого борца за чистоту Православия, и, как передает очевидец, народ почувствовал душевное облегчение и уверенность, что он (народ) находится теперь в надежных руках.

31 августа митр. Иосиф отбыл в г. Ростов Ярославский, чтобы попрощаться с своей паствой и переехать на новое место служения. Но случилось то, чего он не предвидел и чего не мог ожидать: ему был запрещен въезд в г. Ленинград. Главное обвинение, которое возводилось на митр. Иосифа и которое служило как бы основанием для запрещения ему въезда в новую епархию, заключалось в том, что якобы митр. Иосиф является тайным «иоанином» или покровителем иоаннитов и что якобы он тайно посвящал священники лиц, принадлежащих к этой секте¹.

Это обвинение, несомненно, было напрасным. Он, действительно, почитал о. Иоанна Кронштадтского, но почитал его только как святого, но не больше, и если он имел связь с иоаннитами, то только с такими, которые, как и сам митрополит, относились к почтеннейшему батюшке в духе православной Церкви.

Но как бы то ни было, а оно (обвинение) имело силу, и митр. Иосиф остался в Ростове. Вместо него временно управляли: до 1927 г. архиеп. Гавриил (Воеводин), а затем епископ Петроградский Николай (Ярушевич).

¹ Письмо митр. Иосифа к Е. А. Тучкову от апреля 1928 года. См. Архив М. № 17.

ПЕРЕВОД МИТР. ИОСИФА В ОДЕССУ, КАК БЛИЖАЙШИЙ ПОВОД К СОЗДАНИЮ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ МИТР. СЕРГИЯ

Целый год митр. Иосиф пребывал в Ростове, не имея возможности лично управлять Ленинградской паствой.

Хотя такое явление и считалось ненормальным, однако он мирился с создавшимся положением и был намерен не покидать своего поста, имея, быть может, какую-то надежду на изменение сложившейся ситуации в его деле.

О жизни епархиальной митр. Иосиф узнавал либо из письменных докладов своих викариев*, либо из личных бесед со священниками и мирянами, приезжавшими к нему в Ростов, и на основании этого он делал соответствующие распоряжения по епархии. Все это, конечно, было хорошо, но при тогдашней церковно-политической обстановке такое явление долго продолжаться не могло: требовалось, чтобы епископ имел общение со своей паствой не через доклады и не за сотни верст, а лично и как можно ближе. И так как не предвиделось никакого улучшения в деле митр. Иосифа, то, естественно, назрел вопрос: полезно ли митр. Иосифу пребывать долее на Ленинградской кафедре?

Для решения этого и ряда других вопросов митр. Сергей 12 сентября н. ст. 1927 г. созвал сессию Свящ. Патриаршего Синода.

На этой сессии и было постановлено: для пользы дела перевести Ленинградского митр. Иосифа на Одесскую кафедру, которая много лет уже вдовствовала и особенно нуждалась в стойком иерархе, так как там укрепили свои позиции живоцерковники.

Указ о перемещении на другую кафедру, датированный 17 числом сентября, был отправлен 21 сентября на имя митр. Иосифа в г. Ростов.

Настоящим указом митр. Сергей заверил митр. Иосифа в том, что он (Заместитель) не огласит постановления Синода, касавшегося перевода, до тех пор, пока не будет вызван к нему сам митр. Иосиф. Возможно, что свое обещание митр. Сергей и выполнил бы,

---

* Примечание: Викариями митр. Иосифа были: еп. Димитрий (Любимов), еп. Сергей (Дружинин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Николай (Ярушевич) и еп. Григорий (Лебедев).

если бы не произошло одно непредвиденное обстоятельство. Письмо с указом, отправленное почтой 21 сентября, неизвестно по каким причинам задержалось, а тем временем, на другой же день после отправки указа, нашлись какие-то лица — администраторы (митр. Иосиф подозревает кого-то из членом Синода), которые, вопреки заверению митр. Сергия, тайно огласили Ленинградской пастве состоявшееся постановление Синода о перемещении митр. Иосифа на Одесскую кафедру¹.

Было ли это сделано с ведома митр. Сергия или нет, нам ничего неизвестно.

Вероятнее всего, что все это было сделано без его ведома. Не было никакой необходимости митр. Сергию, вопреки своему архипастырскому слову, тайно оглашать постановление Синода, когда он мог это сделать открыто и свободно, как он и поступил впоследствии со вторым указом.

Указ о перемещении митр. Иосиф получил только 22 октября, т. е. ровно через месяц после его отправления. Но о состоявшемся постановлении Синода он узнал раньше и узнал, вероятно, не непосредственно от членом Синода, а от своих пасомых, которые одни из них лично, а другие письменно сообщили ему о случившемся и выразили ему свое глубокое сочувствие.

Как же отнесся к постановлению Синода митр. Иосиф? Ответ может быть только один и только отрицательный. Постановление Синода о его перемещении на другую кафедру было воспринято им самым болезненным образом. Оно ударило своим содержанием по самым глубоким и тонким стрункам его самолюбия, и звуки протеста наполнили все его существо.

Все дело, связанное с его именем, он представил теперь в таком виде: год тому назад он был назначен митрополитом в Ленинград, причем без какого-то либо домогательства со своей стороны. Народ принял его радушно и засвидетельствовал своим признанием его избрание на Ленинградскую кафедру. И если теперь удалят его от паствы, то этим самым причинят и пастве, и ему кровную обиду. А это уже, по его мнению, большая несправедливость, допускаемая Синодом. С этим мириться нельзя. Единственно, с чем он может согласиться — это предоставить возможность архиереям, которые не могут по разным причинам пребывать в своих епархиях, проживать в соседней епархии и оттуда управлять паствой.

Свое же перемещение на Одесскую кафедру он считает незаконным и ни в какой степени не приемлемым. Пусть дело его рассудит Собор архиереев, которому он окажет полное послушание².

Свои внутренние переживания и рассуждения он изложил в письменной форме и 28 сентября 1927 г. н. ст. отправил на имя митр. Сергия.

---

¹ См. Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 17/30 окт. 1927 г. Архив М. М. № 65.

² Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 28/IX-1927 г. См. Архив М. М. № 27.

Тщательно анализируя содержание письма, мы приходим к выводу, что митр. Иосиф в своем протесте исходил не из содержания указа митр. Сергия и Синода, а из чисто субъективных суждений.

Если в указе было сказано, что он в Одессу переводится для большей церковной пользы, то митр. Иосиф признал такой мотив ложным и выставил свой мотив, а именно: злую интригу кучки людей, не желавшей, чтобы он пребывал в Ленинграде, и которой якобы митр. Сергий теперь стремится угодить. Правда, им выставлены и другие мотивы, имевшие якобы непосредственное влияние на определение Синода об его переводе, как-то: вмешательство власти в судьбу архиереев и угождение ей со стороны Заместителя, но это были мотивы второстепенные. Главным же мотивом он признал интригу отдельных личностей, недовольных его пребыванием в северной столице. Ему казалось, что митр. Сергий, вынося о нем постановление, действовал не самостоятельно и не для пользы Церкви, а под влиянием и в пользу тех интриганов, о которых митр. Иосиф упомянул в начале своего письма.

Отсюда, следовательно, поскольку дело, по его мнению, было направлено не к пользе церковной, а к угождению страстям человеческим, соглашаться с постановлением Высшей Церковной Власти он не желал, ибо видел в этом (соглашении), с одной стороны, попустительство злой интриге, а с другой — нанесение кровной обиды своим пасомым и уступку гражданской власти.

Произошла так называемая подмена основного тезиса.

Митр. Сергий в постановлении Синода говорил о необходимости перевода в другую епархию ради большей пользы, а митр. Иосиф — о влиянии человеческой интриги на сознание Заместителя в его (митр. Иосифа) деле. Следствием такой подмены тезиса и явились те субъективные суждения, которые привел в свое оправдание митр. Иосиф. Словом, он пытался доказать то, чего фактически в постановлении митр. Сергия не было.

В этом, собственно, и заключалась основная ошибка митр. Иосифа, поставившая его на путь послушания Высшей Церковной Власти и утвердившая, как мы увидим ниже, на пути протеста против митр. Сергия.

Отправив письмо, в котором он, как мы видим, изложил свой протест против решения Синода, митр. Иосиф в нервном трепете остался ожидать либо письменного ответа на свое письмо, либо личного вызова в Синод. Ему, конечно, очень хотелось, чтобы митр. Сергий изменил свое решение и оставил бы его в звании митр. Ленинградского, но события складывались не в его пользу.

Объятый душевными переживаниями, вызванными постановлениями Синода об его перемещении, митр. Иосиф не скрыл своего протеста от Ленинградской паствы. Он не только поделился своими скорбями с прибывшим к нему епископом Димитрием (Любимовым), викарием Ленинградской епархии, но и познакомил его с содержанием своего письма, отправленного к митр. Сергию.

Последний, т. е. еп. Димитрий, не замедлил в свою очередь передать кое-кому из ленинградцев о настроении митр. Иосифа. Так от одного к другому распространялся слух о несогласии их митрополита с распоряжением Синода и производил немалое смущение и разные толки как среди духовенства, так и мирян. Правда, смущение в народе возникло еще раньше, когда неведомые лица огласили тайно постановление Синода о перемещении митр. Иосифа в Одессу, но тогда это смущение могло бы быстро прекратиться, а теперь, когда стало известно, что их любимец и «страдалец» за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает свой протест против него, смущение народное достигло крайних пределов.

Оно клокотало в народных сердцах и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митр. Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждавших о происшедшем и открыто выражавших свой гнев против митр. Сергия.

Тогдашний временно управляющий Ленинградской митрополией епископ Петергофский Николай (Ярушевич), опасаясь, вероятно, за дальнейшую судьбу епархии, счел необходимым 9 октября 1927 года доложить в письменном виде митр. Сергию и Синоду о состоянии Ленинградской епархии. В своем докладе он, конечно, не обошел молчанием митр. Иосифа, и часть вины в недовольстве части мирян была возложена на него.

Так обстояло дело в Ленинграде. Не лучше оно было и в самом Ростове, где проживал и служил за отсутствием архиерея митр. Иосиф.

Спустя немного времени после постановления Синода о перемещении митр. Иосифа в Одессу, митр. Сергей, с той ли целью, чтобы заставить митр. Иосифа быстрее выехать к месту своего назначения, или, быть может, с еще какой-либо другой, 1 октября 1927 г. назначил из Краснодара в Ростов викарием Ярославским еп. Иннокентия (Летяева).

Последний едва только приехал в Ростов, как сразу же встретил ряд неприятностей со стороны ростовцев. Нашлись такие личности, которые приезд нового епископа оценили как желание Синода удалить из города митр. Иосифа, и по этой причине они оказали полное противодействие еп. Иннокентию. Некоторые жители открыто показывали свои антипатии к новому архиерею и не стеснялись в обращении с ним допускать явное неуважение.

Подобное отношение ростовских жителей крайне смутило еписк. Иннокентия. Он буквально был поражен тем нерасположением, которое оказала ему ростовская паства. Правда, митр. Иосиф упрасивал его не смущаться теми грубостями, которые выказывали ему отдельные жители, и спокойно приступить к своему делу¹, но еписк. Иннокентий оставался непреклонным. Он почему-то глубоко

---

¹ Письмо митр. Иосифа к митр. Сергию от 17/30 окт. 1927 г. См. Архив М. М. № 65.

ко был убежден в том, что митр. Иосиф вмешивается в епархиальное управление и расстраивает церковную жизнь в епархии. И до тех пор, пока митр. Иосиф будет пребывать в Ростове, он не сможет спокойно управлять своей паствой.

Еп. Инокентий пишет специальный рапорт и 10 октября 1927 г. отправляет его на имя митр. Сергия.

Так печально складывались обстоятельства для митр. Иосифа. Волнение произошло в двух епархиях: в Ленинградской и Ростовской — ни там, ни здесь не желали лишиться архипастырского руководства митр. Иосифа, а сам митрополит своим отказом от перемещения поддерживал в них это желание и укреплял его.

Как же отнеслись ко всему этому митр. Сергий и Священный Синод?

Когда Заместитель Патриаршего Местоблюстителя получил три письменных документа: письмо—заявление митр. Иосифа, доклад еп. Петергофского Николая и рапорт еп. Ростовского Инокентия, то он немедленно созвал членов Синода и на сессии 12 октября (н. ст.) еще раз тщательно обсудил дело о перемещении митр. Иосифа.

Вот какое решение вынесли Синод и митр. Сергий о митр. Иосифе:

«Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Временный при нем Патриарший Священный Синод,— говорится в протоколах заседаний Священ. Синода,— слушали доклад врем. Управ. Ленинградской епархией Преосв. Петергофского Николая от 9 октября с. г., рапорт vicария Ярославской епархии Преосв. Ростовского Инокентия от 10 октября с. г. и заявление подписавшегося Ленинградским митрополита Иосифа от 28 сентября с. г., обсудив изложенное определением своим от 12 октября с. г. за № 119 постановили:

1. Принимая во внимание, что Одесская кафедра много лет вдовствовала без правящего архиерея, в коем, по состоянию современной церковной жизни, крайне нуждалась. Преосвящ. же Иосиф, считаясь Ленинградским митрополитом, не имея возможности ни жить в пределах Ленинградской епархии, ни управлять ею, да и связь митр. Иосифа с Ленинградом и епархией искусственная, ибо митр. Иосифа совсем не знают ни епархия, ни город, видевший его, как митрополита, только один раз; в Одесской же епархии митр. Иосиф будет иметь возможность и жить, и управлять, — приняв во внимание и то, что самое перемещение митр. Иосифа на Одесскую кафедру состоялось по соображениям большей церковной пользы и в соответствии с 14 ап. пр. и др. (18 Ап. тнох. и толк. на 15 правило 1 Всел. Соб.) — остаться при прежнем постановлении, т. е. считать митр. Иосифа перемещенным на Одесскую кафедру и предложить ему не соблазняться легкой возможностью жить в Ростове, что производит смущение среди верующих как в Ленинграде, так и в Ростовском vicарнатстве; в порядке церковных — послушания и дисциплины вступить в управ-

ление Одесской епархией, войти в надлежащие сношения с местной гражданской властью на предмет организации Епархиального Управления на началах, изложенных в указе Патр. Синода, и о последующем, как и вообще с положением дела в Одесской епархии, донести Зам. Патриаршего Местоблюстителя.

II. Предписать Преосвящ. митрополиту Иосифу прекратить именоваться Ленинградским, на что он, по каноническим правилам, не имеет права, и принять со своей стороны возможные меры — послушанием Высшей Церковной Власти к успокоению ленинградской и ростовской паств.

V. Врем. управляющему Ленинградской епархией, преосвящен. Петергофскому Николаю предложить (и предложено) без промедления объявить по епархии указ о перемещении Преосв. митроп. Иосифа и о прекращении возношения его имени, как Ленинградской епархии архиерея.

VI. Преосвящ. викариям Ленинградской епархии Димитрию и Серафиму предписать всякий выезд из пределов Ленинградской епархии с ведома и благословения времен. Управл. Ленинградской епархией Преосв. Николая и вообще находиться в должных к нему, как временно управляющему епархией, отношениях»¹.

Как видно из постановления, митр. Сергей и Синод оставили в силе свое прежнее решение относительно перемещения митр. Иосифа в Одессу и дополнили его новыми предписаниями.

Первое постановление, как мы видели, носило сокровенный характер, поскольку оно не подлежало до времени огласке, настоящее же постановление должно было в обязательном порядке быть обнародовано ленинградской пастве.

В довершение ко всему этому, как бы для окончательного удаления митр. Иосифа из Ленинграда, временное управление Ленинградской епархией митр. Сергей возложил на себя², хотя фактически управление митрополией было оставлено за еп. Петергофским Николаем (Ярушевичем).

19 октября н. ст. постановление Синода и митр. Сергия было направлено митр. Иосифу и еп. Иннокентию в Ростов и еп. Петергофскому Николаю в Ленинград.

Вслед за этим, не без совещания, конечно, с членами Синода, митр. Сергей 8/21 октября 1927 г. издал указ за № 549 о поминовении во всех храмах Русской Церкви за богослужением держащей власти и об отмене такого поминовения всех епархиальных архиереев, находящихся в ссылке.

В издании данного указа он руководствовался такими принципами: во-первых, он считал, что моление о власти (хотя и антирелигиозной) заповедано апостолом (1 Тим. 2,2) и что, во-вторых, оно (моление) в какой-то мере послужит открытым доказательством лояльного отношения Церкви к Государству.

¹ См. Архив М. М. № 29.

² См. Архив М. М. № 1-А.

Что же касается отмены моления за богослужением о ссыльных архиереях, то он оправдывал свое действие таким соображением. Он полагал, что подобное поминовение является прямым политическим выпадом против гражданской власти, что принципиально противоречило бы его заверению о патриотическом отношении Церкви к создавшемуся в России новому государству.

Необходимо, однако, отметить, что митр. Сергей отменял поминовение ссыльных архиереев не вообще, а только в той части богослужения, где произносится моление об епископе как об епархиальном архиерее.

Поминовения же обычного, т. е. вместе со всеми православными на сугубой ектении, он не отменял.

Каждому православному христианину предоставлялось полное право подавать помянник за Божественной литургией о здравии своего епархиального, хотя и ссыльного архиерея...

Оба мероприятия митр. Сергия: постановление о переводе митр. Иосифа в Одессу и распоряжение о поминовении власти за богослужением — послужили еще большей вспышке недовольства части ленинградцев.

Почва для всяких вспышек была уже подготовлена, и потому нет ничего удивительного в том, что указанные выше мероприятия митр. Сергия и Священного Синода были встречены ленинградской паствой с большим возмущением и даже негодованием.

Во вторник, 25 октября, как было предписано постановлением Священного Синода, еп. Николай (Ярушевич) за всенощным бдением (по случаю празднования Иверской иконы Божией Матери) в кафедральном соборе Воскресения Христова г. Ленинграда ознакомил верующих с последними событиями церковной жизни и, в частности, объявил народу о состоявшемся перемещении на Одесскую кафедру митр. Иосифа, причем он указал и причины, ради которых совершился перевод.

Подчеркивая тот момент, что митр. Иосиф не может прибыть в Ленинград, еп. Николай убеждал верующих душой проститься с своим архипастырем и молитвенно напутствовать его на новое служение в другой епархии.

Сообщение о перемещении митр. Иосифа в Одессу не было новым для ленинградской паствы, об этом она (паства) знала уже из предшествующих разговоров, но тогда, собственно, были только одни слухи и разговоры, и еще теплилась какая-то искра надежды на изменение, а теперь официально во всеуслышание было объявлено об окончательном и безоговорочном решении Синода о митр. Иосифе.

Понятно, что известие о переводе митр. Иосифа в другую епархию многими ленинградцами было воспринято болезненно¹.

Они не желали мириться с этим фактом и подготавливали открытый протест мероприятий и самой политики митр. Сергия. В ка-

¹ Открытое письмо преосв. Николаю, еп. Петергофскому, Управляющ. Ленинградской епархией, от 1 ноября 1927 г. См. Архив М. М. № 61.

кой форме созревал этот протест, мы скажем ниже, а теперь остановимся на том, как отнесся к вторичному постановлению о переводе митр. Иосиф.

Мы уже говорили, что митр. Иосиф, после того как отправил свое письмо митр. Сергию, ожидал либо своего вызова в Синод, либо письменного ответа.

Ожидания оказались напрасными: ни того, ни другого не последовало. Вместо вызова и простого письма, он, к великому своему огорчению, получил выписку из постановления Священного Синода, которой подтверждалось его перемещение в Одессу.

В нем с большей силой заговорило самолюбие. Он ни в какой мере не хотел согласиться с предписаниями митр. Сергия и Синода. Все их действия казались ему теперь не только несправедливыми, но и направленными против Христовой Церкви.

Молчать об этом митр. Иосиф не мог, и потому он решил защищать себя и обличать, как он думал, ложь стоящих у власти церковных деятелей. К этому, как ему казалось, побуждал его высокий пост, на который он был поставлен.

17/30 октября 1927 г. он пишет письмо митр. Сергию, в котором пытается оправдать свои действия и показать несостоятельность некоторых обвинений, возводимых на него Синодом в последнем указе.

Митр. Иосиф пишет, что не он виноват в тех нестроениях, которые возникли в Ленинграде и Ростове, а те, кто тайно огласил первый указ, и Синод. Он считает, что его связь с ленинградской паствой не искусственная, о чем свидетельствует горячая любовь к нему пасомых. Жизнь в Ростове его не соблазняет, ибо имеет весьма скудные средства для своего существования. Послушание церковной власти оказывать он не желает, поскольку признает, что церковная власть сама находится в рабском состоянии¹.

Если строго подходить к содержанию письма, то можно заметить, что оно имеет логическую связь с первым письмом митр. Иосифа. Как там, так и здесь основной мотив нежелания перейти в другую епархию заключается, главным образом, не в пользу общецерковной, а в личной. Народ — де его «любит, уважает и даже считает невинным страдальцем за веру, и расторгать эту любовь переводом в другую епархию никто не имеет права». Ясно, что при таком взгляде на взаимосвязь между епископом и паствой ожидать какого-либо послушания Высшей Церковной Власти нельзя. Всякое действие, хотя бы и справедливое, направленное к разрыву между архипастырем и паствой будет рассматриваться уже как посягательство на любовь и взаимосвязь, а источник действий противозаконным. К этому, собственно, и пришел митр. Иосиф. Высшую Церковную Власть он признал чуждой церковному началу, а ее распоряжения — незаконными.

Характерно, что когда митр. Киевский Михаил (Ермаков) запросил митр. Иосифа телеграммой: «Благоволите уведомить Харь-

¹ См. Архив М. М. № 65.

ков Основа Зеленая 8 когда намерены прибыть на свою кафедру Одессу», он ответил: «Перемещение противоканоническое недобросовестное угождающее злой интриге мною отвергнуто»¹.

Уместно теперь решить вопрос о том, прав ли был митр. Иосиф не с точки зрения канонической, а принципиальной, в своем непослушании митр. Сергию и Синоду?

Не входя в подробное рассмотрение вопроса, можно определенно ответить, что митр. Иосиф был неправ. Как видно из его первого письма к митр. Сергию, он придерживался такого принципа, чтобы архиереи, согласно древней церковной практике, оставались в той епархии, на которую были рукоположены.

Однако в жизни этого принципа он не всегда держался, и там, где дело казалось более выгодным для его личного положения, он нарушал этот принцип. Ведь если бы митр. Иосиф строго следовал вышеуказанному принципу, то он должен был бы отказаться от своего назначения на Ленинградскую кафедру и остаться до конца своей жизни архиеп. Ростовским. Но тогда этого он не сделал. Не посчитал он также незаконным действие митр. Сергия, связанное с его переводом в Ленинград. Все казалось тогда для митр. Иосифа приемлемым и каноничным. А теперь, при тех же самых условиях, он отвергает всю законность Высшей Церковной Власти и не желает оказать ей должного послушания. И в этом, несомненно, и сказалась вся несостоятельность принципа митр. Иосифа.

А как же действовал митр. Сергей? Вполне законно и правомочно. Он, как первый епископ Русской Православной Церкви, имел все основания, в целях благоустройства церковной жизни, назначать и перемещать епископов с одной кафедры на другую. В отношении митр. Иосифа он применил достаточное каноническое основание, вполне оправдывающее его (митр. Сергия) действия.

18 правило Антиохийского Собора, которым обосновывает митр. Сергей свое постановление о перемещении митр. Иосифа, определенно говорит, что «Аще кто поставленный во епископа, не пойдет в тот предел, в который он поставлен, не по своей вине, но или по неприятию его народом, или по другой причине, от него не зависящей: таковый да участвует и в чести и служении епископском, токмо ни мало не вмешиваясь в дело Церкви, где пребывает, и да ожидает, что определит о нем совершенный собор тоя области, по представлении в оный дела».

Митр. Иосиф находился именно в таком положении, о котором говорит правило. Целый год он, по независящим от него причинам, не мог проживать в своей епархии, да и в будущем не представлялось никакой возможности на изменение. Отсюда, следовательно, он должен был, согласно правилу, ожидать решения о нем Высшей Церковной Власти. А церковная власть в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия, которому предоставлены были права Патриарха, определила для пользы дела (Ап. пр. 14) переместить митр. Иосифа в Одессу. И если послед-

¹ Архив М. М. № 29.

ний не повиновался этому определению, то он поступил антиканонично и проявил греховное самочиние.

О том, что митр. Сергей имел право, ради блага церковного, переводить архиереев на другую кафедру, говорит ясно Определение Свящ. Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. В примечании первом к ст. 16 во 2-й главе «Об епархиальном архиерее» так говорится: «В исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение архиереев Высшею Церковною Властью».

То же самое указывается и в ст. 18 той же главы: «Архиерей,— говорится в статье,— пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее только по церковному суду или по постановлению Высшей Церковной Власти, в случаях, указанных выше в примечаниях к стр. 16»¹.

ПОДГОТОВКА К РАСКОЛУ

Нам неизвестно, получил ли митр. Иосиф какой-либо ответ от митр. Сергея на свое письмо от 17/30 октября 1927 г. Возможно, что ответа никакого не было. Вероятнее всего, митр. Сергей счел за лучшее либо вызвать к себе лично митрополита Иосифа, либо послать к нему кого-нибудь из членов Синода для беседы с ним. Дело кончилось тем, что митр. Иосиф искренне заверил митр. Сергея и Синод, что он молча и добровольно отойдет в сторону от церковной жизни и что ни на какой раскол не пойдет и даже подчинится «беззаконной» над ним расправе — вплоть до запрещения и отлучения², однако подобное заверение было только до времени. Ниже мы увидим, во что вылилось его заверение, а теперь отметим, что митр. Иосиф действительно на какой-то срок отошел от церковной жизни и молча наблюдал из Ростова Ярославского за ходом событий, возникавших на церковной арене.

В то время, когда происходил спор между митр. Сергием и митр. Иосифом, в Ленинграде шла усиленная подготовка к оппозиции и расколу.

Выступление еп. Петергофского Николая (Ярушевича) в кафедральном соборе Воскресения Христова во вторник 25 октября и. ст. 1927 г. не прошло бесследно.

Оно, как мы видели, произвело на слушателей тяжелое впечатление, и у одних оно вызвало слезы, у других споры, а у третьих внутреннее негодование.

Нашлись такие лица, которые не ограничились одним устным осуждением выступления еп. Николая, они решили в письменной форме изложить ему свой взгляд на постановление Синода и убеждать его стать на защиту справедливости.

¹ Церковн. Ведомости, 1918 г., № 11—12, стр. 67.

² Письмо митр. Иосифа к архим. Льву, февраль 1928 года. См. Архив М. М. № 23.

Письмо было датировано 1 ноября 1927 г. и за подписью «Православного мирянина» отправлено еп. Николаю.

Авторы письма не соглашались с теми доводами, которые приводил викарий Ленинградский как основание для перевода митр. Иосифа, и находили, что церковные правила утверждают обратное, т. е. не позволяют Высшей Церковной Властью переводить епископа в другую епархию без согласия последнего. Они подчеркивали, что митр. Иосиф переведен несправедливо. В заключение своего письма авторы настойчиво просили еп. Николая стать на защиту свящ. канонов и убедить Высшую Церковную Власть, чтобы она оставила митр. Иосифа на Ленинградской кафедре, и упротить гражданскую власть, чтобы она разрешила ему прибыть в Ленинград и вступить в управление епархией¹.

Характерно, что автор этого письма не оставил своего имени. Кто он был, нам неизвестно. Некоторые полагают, что автором письма был не кто иной, как сам митр. Иосиф, скрывший свое имя. Но самый стиль и сдержанный тон письма заставляют сомневаться в подобном предположении. Автором, скорее всего, мог быть какой-либо профессор б. Петроградской духовной академии. Для нас, однако, важно сейчас не установление имени автора письма, а самый факт обращения к еп. Петергофскому Николаю.

Это было небольшое облачко, предвещавшее грядущую бурю.

Церковные события так быстро возникали одни за другими, что все, казалось, способствовало появлению раскола.

Митр. Сергей, как временно возложивший на себя управление Ленинградской епархией, намерен был посетить Ленинград. Объявлен был даже день его приезда, и многие с нетерпением ждали этого дня, чтобы лично высказать свое недовольство митрополиту за его якобы несправедливое отношение к ним и к митрополиту Иосифу. Но ожидания оказались напрасными: митр. Сергей не приехал. Вместо него прибыл архиеп. Хутынский Алексей (Симанский) с особым поручением от Синода.

31 октября н. ст. 1927 г. в Новодевичьем монастыре состоялась хиротония архим. Сергия (Зенкевича) во еп. Детскосельского. Народ был смущен этим событием, считая, что подобная хиротония незаконна. Детскосельская паства признавала своим епископом Григория (Лебедева) Шлиссельбургского, находившегося в то время в заключении, о нем она молилась и в новом епископе не имела никакой нужды².

Церковная атмосфера все больше и больше накалялась.

Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, смущаемые разными церковными распоряжениями митр. Сергия и Синода, отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления, прекратили приглашать на богослужения еп. Петергофского Николая, как сторонника сергиев-

¹ Архив М. М. № 61.

² Письмо Н. Чепурина к еп. Манунлу от 17/30 апр. 1928 г. См. Архив М. М. № 1-А.

ской политики, а многие верующие в знак протеста перестали посещать те храмы, где возносилось имя Заместителя за богослужением¹. Волна недовольства все увеличивалась. Она коснулась не только простых верующих, но и низшего духовенства.

Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия. Они не согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви.

До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр. Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их мнению, отрицательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного недовольства видны были самые очертания его величины и широты.

Но желая, однако, предотвратить так неминуемо надвигающееся разделение, группа духовенства и мирян г. Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергия и, если возможно, упросить его, чтобы он изменил намеченный им курс церковной политики, от которого, как они были убеждены, исходило все зло.

Проф.-прот. Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митр. Сергию, в котором указал основные пункты, являвшиеся причиной разделения.

Для установления мира в Ленинградской епархии и для предотвращения раскола он упрашивал митрополита немедленно предпринять следующие меры:

1. Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви Государству.

2. Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов.

3. Поставить Врем. Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, и чтобы распоряжения исходили только от имени Заместителя.

4. Удалить из состава Синода пререкаемых лиц.

5. При организации Епарх. Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместн. Собора 1917—1918 гг. и авторитет епископата.

6. Возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа.

7. Отменить возношение имени Заместителя.

8. Отменить распоряжение об устранении из богослужений мо-

---

¹ Обращение к митр. Сергию группы ленинградского духовенства и мирян. См. Архив М. М. № 1-А.

лений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть¹.

Содержание обращения важно в том отношении, что оно яркими красками рисует нам не только морально-религиозное состояние церковного общества и особенно в Ленинградской епархии, но и с достаточным основанием вскрывает главные причины, породившие иосифлянский раскол.

Судя по обращению проф. Верюжского, церковная смута в Ленинграде была вызвана не митр. Иосифом, а политикой, проводимой в жизнь митр. Сергием.

В самом начале декабря н. ст. 1927 г. обращение это было направлено Заместителю. И тем временем, пока ожидался ответ, между духовенством и мирянами, сторонниками митр. Иосифа, разрабатывался план дальнейшего действия. Участие в нем принимали уже не одни рядовые пастыри и миряне, но и епископы и представители верующих академических и народных кругов.

На общем собрании после обсуждения назревших вопросов решено было в срочном порядке, не дожидаясь ответа на свое обращение, отправить своих представителей к митр. Сергию и лично с ним в беседе выяснить основную его точку зрения на все происходившее в Ленинградской епархии. Сторонники митр. Иосифа явно спешили. Они боялись промедления. Боялись, что каждая минута отсрочки принесет для них и для их паств большой душевный вред, а для православия — измену. Им хотелось как можно быстрее либо заставить митр. Сергия изменить проводимую им церковную политику и признать ее необязательной для всех, либо, в случае несогласия, освободить себя из-под его духовной опеки и стать на самостоятельный путь.

На том же самом собрании были выделены для посольства: от высшего духовенства — еп. Гдовский Димитрий (Любимов), от низшего — проф.-прот. В. Верюжский, а имена представителей от научных работников и от мирян остались неизвестными.

Характерно, что каждый представитель, кроме представителей от мирян, снабжен был особым письмом для предъявления его митр. Сергию.

Каждое письмо или заявление было подписано теми лицами, к какому сословию относился тот или иной представитель собрания.

Письмо, посылаемое с еп. Димитрием, было подписано шестью епископами², а остальные письма — священниками и верующими из академической среды и мирянами.

О чем писали епископы и ученый мир, нам доподлинно неизвестно: их письма не сохранились. Но письмо от группы священников и мирян сохранилось. Оно было составлено прот. Феодором

¹ См. Архив М. М. № 26.

² **Примечание.** Имена этих епископов так и не удалось установить. Мы предполагаем, что это были vikарии Ленинградской епархии: еп. Димитрий (Любимов), еп. Сергий (Дружинин), еп. Серафим (Протопопов), еп. Григорий (Лебедев) и кто-то еще двое.

Андреевым, б. доцентом Московской духовной академии и магистром богословия.

В своем обращении к митр. Сергию духовенство указывало на то, что они, повинувшись распоряжениям гражданской власти, «не надеялись иметь более тесных правовых отношений к неверующей власти и не искали их» и что так должно оставаться и в будущем. А те права, которые исходатайствовал он (митр. Сергей) для Церкви, достигнуты им «ценою крови». В своих действиях Заместитель превысил свои полномочия и тем самым нарушил единство Церкви.

Указывая на те волны, которые вызваны посланием митр. Сергия, они упрашивали Заместителя отмежить себя от собственного послания и «перерешить все канонически-неправильные деяния, совершенные им и Синодом».

Письмо датировано 26—28 ноября ст. ст. 1927 года.¹

Тон самого письма резко обличающий.

В обращении конкретно были указаны основные цели. Митрополиту Сергию предлагалось в ближайший срок либо изменить свою церковную политику, либо, в случае несогласия с его стороны, они прекратят с ним молитвенно-каноническое общение.

В таком же, вероятно, духе было написано письмо епископов и заявление представителей академической среды.

12 декабря н. ст. представители духовенства и мирян Ленинградской епархии в количестве 4-х человек во главе с епископом Дмитрием (Любимовым) явились в резиденцию митр. Сергия на беседу.

Митрополит принял их радушно и в течение двух с половиной часов (с 11 до 1 ч. 30 мин.) читал их письма, задавал вопросы и отвечал.

В этом отношении большой интерес представляет для нас воспроизведение беседы одним из участников этого посещения. Имя его нам неизвестно, но он был представителем ученого мира г. Ленинграда, вероятно, какой-нибудь профессор.

Вот как передает он самый прием и беседу их с митрополитом Сергием:

— «Мы все подошли под благословение. Епископ Димитрий дал прочитать митр. Сергию письмо, подписанное шестью епископами; о. В. дал митр. Сергию прочитать письмо, составленное священниками. Наконец, мною дано было митр. Сергию заявление от верующих академических кругов Ленинграда. В промежутке между чтением этих бумаг, епископом Дмитрием были даны митр. Сергию разные письма и бумаги (письмо И. Н. Влад. И. и другие). Митр. Сергей читал все это очень внимательно, медленно, но часто отрывался и делал замечания. На наши замечания он делал возражения, и, таким образом, получилась беседа.

— «Вот вы протестуете, а многие другие группы меня призна-

¹ См. Архив М. М. № 18.

ют и выражают свое одобрение, — говорил митр. Сергей, — не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы каждый со своей колокольни судите, а я действую для блага всей Русской Церкви».

— «Мы, Владыко, — возражаем мы, — тоже для блага всей Церкви хотим трудиться. А затем, — мы не одна из многочисленных маленьких групп, а являемся выразителями церковно-общественного мнения Ленинградской епархии из восьми епископов — лучшей части духовенства; я являюсь выразителем сотни моих друзей и знакомых и, надеюсь, тысячи единомышленников научных работников Ленинградской епархии, а С. А. — представитель широких народных кругов».

— «Вам мешает принять мое воззвание политическая контрреволюционная идеология, — сказал митр. Сергей, — которую осудил Святейший Патриарх Тихон». (И он достал одну из бумаг, подписанную Святейшим Патриархом Тихоном).

— «Нет, Владыко, нам не политические убеждения, а религиозная совесть не позволяет принять то, что Вам Ваша совесть принять позволяет. Мы вместе с Святейшим Патриархом Тихоном (с указанной бумагой) вполне согласны, мы тоже осуждаем контрреволюционные выступления. Мы стоим на точке зрения соловецкого осуждения Вашей декларации. Вам известно послание из Соловков?»

— «Это воззвание написал один человек (Зеленцов), а другие меня одобряют. Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?»

— «Простите, Владыко, это не совсем так, не сам митрополит, а Вам известно это через епископа Василия».

— «Да, а Вы почему это знаете?»

— «Мы знаем это со слов епископа Василия. Митрополит Петр сказал, что «понимает», а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал».

— «Так ведь с ним у нас сообщения нет!» — сказал митрополит Сергей.

— «Так зачем Вы, Владыко, говорите сам митр. Петр признал Вас?»

— «Ну, а чего же тут особенного, что мы поминаем власть? — сказал митр. Сергей. — Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за царя, за Нерона и других?»

— «А за антихриста можно молиться?» — спросили мы.

— «Нет, нельзя».

— «А вы ручаетесь, что это не антихристова власть?»

— «Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло».

— «А дух-то ведь антихристов, не исповедующий Христа во плоти пришедшего?»

— «Этот дух всегда был со времени Христа до наших дней. Какой же это антихрист, я его не узнаю!»

— «Простите, Владыко, Вы его не узнаете, так может ска-

зять только старец. А так как «есть» возможность, то есть, что-это антихрист, то мы и не молимся. Кроме того, с религиозной точки зрения наши правители — не власть».

— «Как так не власть?»

— «Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а я и сам подчиняюсь выше меня стоящему, и т. д. и все это восходит к Богу, как источнику всякой власти!»

— «Ну, это тонкая философия!»

Мы: — «Чистые сердцем это просто чувствуют; если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, т. к. вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению, а не такому упрощенному пониманию, какое даете Вы».

Митр. Сергей: — «А молитва за ссыльных и в тюрьмах находящихся исключена потому, что из этого делали политическую демонстрацию».

Мы: — «А когда, Владыко, будет отменена девятая заповедь блаженства, ведь ее тоже можно рассматривать как демонстрацию?»

Митр. Сергей: — «Она не будет отменена, это часть литургии!»

Мы: — «Так и молитва за ссыльных тоже часть литургии!»

Митр. Сергей: — «Мое имя должно возноситься для того, чтобы отличить православных от «борисовщины», которые митр. Петра поминают, а меня не признают».

Мы: — «А известно Вам, Владыко, что Ваше имя теперь в обновленческих церквях произносится».

Митр. Сергей: — «Так это только прием!»

Мы: — «Так ведь «борисовщина» — это тоже только прием».

Митр. Сергей: — «Ну, а вот Синод-то, чем вам не нравится?»

Мы: — «Мы его не признаем, не верим ему, а Вам пока еще верим. Ведь Вы Заместитель Местоблюстителя, а Синод лично при Вас вроде Вашего секретаря ведь?»

Митр. Сергей: — «Нет, он орган соуправляющий».

Мы: — «Без Синода Вы сами ничего не можете сделать?»

Митр. Сергей: — (После долгого нежелания отвечать). «Ну да, без совещания с ним».

Мы: — «Мы Вас просим о нашем деле ничего не докладывать Синоду. Мы ему не верим и его не признаем. Мы пришли лично к Вам».

Митр. Сергей: — «Чем же Вам не нравится митрополит Серафим?»

Мы: — «Будто Вы, Владыко, не знаете?»

Митр. Сергей: — «Это все клевета и сплетни».

Мы: — «Мы пришли не спорить к Вам, а заявить от многих пославших нас, что мы не можем, наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который Вы проводите. Остановитесь, ради Христа остановитесь!»

Митр. Сергей: — «Эта ваша позиция называется исповедничеством. У вас ореол...».

Мы: — «А кем должен быть христианин?»

Митр. Сергей: — «Есть исповедники, мученики, а есть дипломаты, кормчие, но всякая жертва принимается! вспомните Киприана Карфагенского».

Мы: — «Вы спасаете Церковь?»

Митр. Сергей: — «Да, я спасаю Церковь!»

Мы: — «Церковь не нуждается в спасении, а Вы сами через нее спасаетесь».

Митр. Сергей: — «Ну, да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: «я спасаю Церковь», но я говорю о внешнем положении Церкви».

Мы: — «А митрополит Иосиф?»

Митр. Сергей: — «Вы его знаете только с одной стороны; нет, он категорически не может быть возвращен»¹.

В беседе, как видим, вскрываются два совершенно противоположных взгляда на взаимосвязь Церкви и государства: один взгляд митр. Сергия и единомышленного ему епископата, а другой — иосифлян.

Взгляд митр. Сергия явно преобладал над последним. Если иосифляне и подобные им смотрели на совершившиеся события каждый с своей «колокольни», т. е. не во всем объеме совершившихся фактов, то Заместитель смотрел на все это в целом. Отсюда, как следствие, для первых казалось совершенно невозможным не только внешнее, правовое сближение с антирелигиозной властью, но и вообще признание властью советского правительства. В их понимании властью можно было называть только такую власть, которая своими корнями восходила бы к Богу, иными словами, власть должна быть только религиозной. Здесь наблюдался уже крайний взгляд противников митр. Сергия. Он заключал в себе узко-национальное понимание христианства и подмену идеи Вселенской Церкви идеей православно-русского государства, что ни в какой мере не согласовалось с учением Христовым о царствии Божием. Можно не сомневаться в том, что подобный взгляд образовался у них под действием эсхатологических веяний иоаннитов и Нилуса, проповедавших близкий конец мира и внушавших, что с уничтожением монархии наступит гибель Православия. Отсюда понятно, почему иосифляне так упорно стремились отождествить советскую власть с антихристом и не сходить с своих ложных позиций.

Митр. Сергей имел совершенно противоположные убеждения и взгляды.

Жизнь церковную он рассматривал во всем ее объеме и находил, что для Церкви полезнее сохранить свое внешнее положение среди нового государства. Опасности для Православия со стороны атеистической власти митр. Сергей не видел, поскольку правительство обещало не вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви.

Мы можем смело сказать, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в беседе с иосифлянкой группой показал принци-

---

¹ См. Архив М. М. № 59.

пальность своих взглядов, основанных на правильном понимании совершавшихся событий, и ни на йоту не поколебался в своих убеждениях, хотя его противники и угрожали ему своим отходом.

Он оценил, что отпадение в раскол отдельной части церковного организма будет менее болезненным для Церкви, чем раздробление всего организма Русской Церкви вследствие ее нелегального положения в советском государстве.

Не достигнув никаких результатов от своей беседы, делегация удалилась.

В среду 1/14 декабря в 7 час. 10 мин. утра митр. Сергей принял одного из приходивших к нему на беседу, а именно представителя от ученого мира, и передал ему в письменной форме ответ на шесть (из восьми) пунктов обращения духовенства и мирян, составленного проф. — прот. В. Верюжским.

Вот что ответил им митр. Сергей:

«1. Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно.

2. Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согласен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного.

3. Синод стоит на своем месте, как орган управляющий. Таким он был и при Патриархе, хотя тоже состоял из лиц приглашенных.

4. О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы. Для опорочения человека нужны факты, а не слухи. Не любят его за то, что он, имея некоторый кругозор, не остался при наших взглядах на наше государственное положение. А епископ Алексей допустил в прошлом ошибку, но имел мужество ее исправить. Притом, он понес такое же изгнание, как и некоторые из его теперешних недоброжелателей.

5. Устройство епархиального управления и, в частности, положения vikарных епископов соответствует положению, выработанному на Соборе 1917—1918 гг. Беда только в том, что, вследствие давнего отсутствия в Ленинграде епархиального архиерея и епархиального управления, эта инструкция позабыта, и vikарные архиереи привыкли действовать независимо.

6. Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о. о. протодиаконы, в угоду известным настроениям, иногда злоупотребля-

ли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично, и потому подлежит правилам всяких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжения о поминовении) только потому, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем.

Подлинный подписал Сергей, митрополит
Нижегородский.

1/14 декабря 1927 г.»¹

Ответ, конечно, был не в пользу просителей. Он шел в полный разрез с теми чаяниями, к которым стремилась часть Ленинградского духовенства и мирян. Естественно, что после такого ответа эта часть пастырей и мирян целиком и полностью принадлежала уже к расколу.

Прибывшая к нему на беседу делегация после такого неудачного собеседования возвращалась к себе в Ленинград с глубоким разочарованием и с полным намерением порвать всякое молитвенное общение с митр. Сергием.

Терпеть долее, как им казалось, такое насилие над Церковью они уже не могли. Наступил момент, когда все, что так кипело и бурлило внутри, должно было вылиться наружу и образовать из себя самостоятельный поток церковной жизни, независимый от митрополита Сергия. Было созвано срочное совещание духовенства и мирян во главе с еп. Дмитрием для обсуждения назревших вопросов, касавшихся отделения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Им, видимо, хотелось обосновать свой отход на достаточной законности. Для этой цели в первую очередь необходимо было подвести под какую-либо ересь деяния митр. Сергия. Но так как в действиях первоиерарха не было таких поступков, которые прямо бы говорили о ереси, и на что имелось бы прямое указание церковных правил, то они прибегли к субъективной оценке фактов, и некоторые деяния митр. Сергия признали незаконными, в которых якобы усматривалось его духовное падение и, следовательно, отпадение от Церкви, что давало уже, по их мнению, согласно 15 пр. Двукр. Собора, полное основание на отмежевание.

Какие деяния митр. Сергия признали они таковыми, можно видеть из письма еп. Дмитрия (Любимова) к духовенству ст. Сиверской.

Вот что он писал:

«Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не порвали канонического общения с митр. Сергием, хотя и послание его и дело митр. Иосифа давно уже были перед нашими глазами. На сие отвечаю так:

Последнее представлялось нам первоначально одним из обыч-

¹ Архив М. М. № 60.

ных даже для Патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. И нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные и искажать не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви. Плоды его выявились не сразу, а самые крупные из них, по крайней мере, до сего времени, отразившиеся и в нашей епархии, следующие:

1. Закрепление временного Синода, который, в сущности, не Синод, т. к. не представляет совершенного лица Русской Церкви, а простая канцелярия, каковой первоначально представил его митр. Сергий, закрепление его в качестве соуправляющего Заместителя органа, без которого уже ни одно решение не исходит от митр. Сергия, что является незаконным и самочинным действием. Искажен самый патриарший образ управления Церковью.

2. Одновременно с таким самоограничением митрополита в своих правах является требование возносить имя его вместе с Местоблюстителем митр. Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917—1918 гг., да и вообще противно духу св. Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именованя двух имен с одинаковым значением.

3. Также незаконно и объясняемое, по словам митр. Сергия, лишь гражданскими причинами массовое (до 40 случаев) перемещение епархиальных епископов.

4. Такую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы, под надзор которых будет попадать каждый вновь назначенный на епархию епископ.

5. Незаконно и требование, обращенное митр. Сергием к русским православным людям, помимо отношения внешней подчиненности к гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет, не нарушая гражданского мира и не восставая против законов страны, не противоречащих христианской совести,—незаконное требование от них и внутреннего признания существующего строя и общности в радости и печали с людьми, совершенно чуждыми и враждебными Церкви.

Таковы первые плоды, возросшие на почве послания; другие подрастают еще, и о них говорить преждевременно, но и явившихся оказалось достаточно для того, чтобы поставить перед совестью вопрос о дальнейшем отношении к митр. Сергию и его делу»¹.

Таким образом, пять основных пунктов обвинений предъявлены митр. Сергию, в которых усматривалось ими беззаконие и отступление Заместителя от Церкви.

А этого уже, по их взгляду, было достаточно для того, чтобы обвинить митр. Сергия в ереси и, не дожидаясь соборного о нем решения, со спокойной совестью отойти от него.

Как нигде, а здесь, в приведенных иосифлянами обвинениях митр. Сергия, ярко вскрывается их ложное понимание действий Заместителя.

То, в чем обвиняют иосифляне митр. Сергия, не носит в себе никакой противозаконности и тем более ереси, ради чего можно было бы отделяться от первоиерарха.

1. Учрежденный им Времен. Патриарший Синод ни в какой мере не искажал патриарший образ управления Церковью, наоборот, он только утверждал его. Постановления Поместн. Собора 1917—1918 гг. ясно свидетельствуют, что Патриарх должен управлять Церковью не единолично, а совместно с Синодом и Высшим Церковным Советом. Отсюда, следовательно, ничего нет преступного в том, что митр. Сергей чрез учрежденный им Синод стал управлять соборно, а не единолично.

2. Молитву за своего первоиерарха, каким являлся на тот момент митр. Сергей, никогда нельзя считать делом греховным. Он фактически управлял Церковью, а не митр. Петр. Отсюда, вполне естественно, молиться за него — прямая обязанность паствы и этим никогда не нарушается церковное единоначалие.

3. Перемещение епископов вызвано, как и сам отмечал митр. Сергей, требованием времени и не носит в себе противозаконности. Если стать на точку зрения иосифлян, то мы должны будем обвинить в ереси весь Синод царской России, часто переводивший архиереев по требованию обер-прокуроров.

4. Учреждение Епархиальных Советов — дело не новое. О них имеется постановление Помест. Собора 1917—1918 гг. (См. Соборание определений. Вып. I, глава IV, отдел V). В этом отношении митр. Сергей действовал согласно соборному постановлению.

5. Благодарность власти (хотя и антирелигиозной) от лица верующих не противна духу Евангельскому. (См. Рим. 12, 14.; 13, 7).

Итак, как видим, обвинения митр. Сергия в ереси не выдерживают здоровой критики.

Однако, несмотря на всю ложность своих доводов, иосифляне все-таки признали Заместителя допустившим еретические поступки.

Теперь оставалось им решить еще один вопрос: порывать ли молитвенно-каноническое общение только с одним митр. Сергием или же и с теми епископами, которые будут находиться с ним в единомыслии?

Вопрос решили положительно, т. е. признали, что необходимо отойти не только от митр. Сергия, но от всех единомышленных ему епископов, как соучастников его «беззаконий». Это уже было открытое обвинение в ереси не одного иерарха, но и целого сонма

российского епископата, независимо от того, где какой епископ находился: на свободе ли, или же в ссылке. Это обвинение дополнилось еще одним более тяжким преступлением. Присутствующие на совещании пришли к такому выводу, что раз митр. Сергей и единомышленный ему епископат впали в ересь — отступление, то, следовательно, и лишились Божественной благодати, по этой причине они признали их безблагодатными.

Вопрос о благодатности низшего духовенства, по причине многих смущений, оставлен на будущее.

Итак, обсудив все вопросы и придя к общему согласию, они приступили к делу.

Два викария Ленинградской епархии: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергей (Дружинин) и несколько видных протоиереев подготавливали акт отхода. Они торопились. К этому их побуждали распространявшиеся слухи о том, что они будут подвергнуты запрещению в священнослужении за свое самочиние, и, чтобы избежать этого и сделать запрещение митр. Сергия как бы недействительным, они и спешили порвать с ним молитвенно-каноническое общение¹.

Интересно решить один весьма важный вопрос: пришли ли сами ленинградские викарии и духовенство к мысли об отходе от своего первоиерарха или быть может кто-либо другой подготавливал их к этому шагу?

Исторические факты свидетельствуют, что они не самостоятельно пришли к такому решению, а были подготовлены другими лицами.

Еще прежде них среди некоторых епископов, смущавшихся новой политикой митр. Сергия, были отдельные иерархи, которые подавали мысли другим о разделении и даже указывали, когда и кому можно предпринять подобный шаг. Мы располагаем посланием одного епископа, в котором приводится вышеуказанная мысль.

Описав яркими красками некоторые стороны деяний митр. Сергия, в которых, как ему казалось, усматривалась опасность для Православия, и в то же время осознав пагубность раскола, автор послания указывает, в каких случаях можно идти на разделение.

«Посему на церковный раскол с душевной болью можно идти тогда только, когда испробованы уже все иные пути и средства спасения верующих. Итак, мы ни в коем случае, не можем чинить раскола. Мы должны стоять на страже чистого Православия и прилагать все возможные меры любви и обращения к совести тех, кто сознательно или бессознательно ведут Российскую Церковь к новому расколу. Мы не совершим раскола, но если увидим и уже видим и свидетельствуем, что нашими первоиерархами нарушается и попирается самый дух Православия...; пастыри связываются не-

---

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Зверинском подворье в г. Ленинграде 30 апр. 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

приемлемыми их совестью требованиями,— тогда с сердцем, обли-
тым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и ска-
зать: «Архипастыри и пастыри, мы отходим от вас, ибо вы уже
отошли от правды Божией; вы создали новое направление в Церк-
ви Божией. От этого нового направления — от этого раскола, мы
и уходим. Грех раскола лежит на вас». Но вы спросите: как же
все это можно провести на деле? Кто должен взять на себя почин?
Может ли это сделать каждый христианин? Когда и кто правомо-
чен объявить верующим, что настал час разрыва с первоиерархом?
Осуждать еретиков правомочна одна только Церковь («если Цер-
ковь преслушает, да будет же тебе яко язычник и мытарь». Мф. 18,
17). Выразителем же воли церковной является Собор. Но как же
быть в то время, когда Собору нельзя собраться? Тогда суждение
по поводу того церковного явления произносят епископы. Их же
суждения не есть еще окончательный приговор, но есть автори-
тетнейший голос Церкви, они являются стражами Церкви, и ими
в между соборный период управляется Христова Церковь. Следо-
вательно, и в настоящем деле почин и решение принадлежит епис-
копату. Но как это можно провести? Епископы, видя нарушение
духа и буквы канонов, в одиночку или группами, должны послать
свои протесты митр. Сергию, моля его свернуть с неправого пути.
Если эти протесты не возымеют действия, тогда они, согласясь
между собой (можно и через посредство переписки), сообщают
митр. Сергию, что они отселе не считают уже его Заместителем
Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное
направление и отделяются от него. То же объявляется и всем ве-
рующим. С этого момента совесть духовенства и верующих стано-
вится свободной от всякого рода действий (приказаний, запреще-
ний) митр. Сергия и состоящего при нем «Синода». Отошедшая же
от митр. Сергия Православная Церковь может управляться одним
из старейших иерархов или, как это было во время заключения
Патриарха Тихона, каждая епархия — самостоятельно своим архи-
ереем. Какую же роль во всем этом нести должны священники
и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не мо-
гут; не могут они также без епископов отходить от епископа. Но
это не значит, что они должны бездействовать. Как воины сов-
местно с вождем, так и они, вместе с епископами должны бороть-
ся за Истину и защищать ее. Как разведчики на войне не дают
покоя своим начальникам, но, приходя с различных мест разведки,
сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдет
опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух
ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и мо-
рально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили
слово Истины»¹.

Письмо-обращение епископа по своему содержанию и направ-
лению мыслей настолько соответствует ходу действий Ленинград-

---

¹ Архив М. М. № 51.

ских викариев и духовенства, решившихся на отделение, что не оставляет никакого сомнения в том, что оно имело непосредственное влияние на последних.

Отсюда ясно видно, что еп. Димитрий и его единомышленники пришли к мысли об отделении не сами по себе, а были подготовлены другими лицами.

Но принимал ли какое участие в этом деле митр. Иосиф?

Мы располагаем одним письмом митр. Иосифа к епископу Димитрию (Любимову), которое проливает свет на поставленный нами вопрос.

Письмо было написано в тот момент, когда еп. Димитрий и его единомышленники уже сделали шаг к отходу от митр. Сергия.

Вот о чем писал митр. Иосиф своему бывшему викарию:

«Дорогой владыко!

Узнав от М. А. (вероятно, от митр. АГАФАНГЕЛА. — Автор) о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобряю ваш шаг, присоединяюсь к Вам, но, конечно, помочь Вам, более существенно, лишен возможности. Время вспомнить и исполнить всем нам руководственное указание митр. АГАФАНГЕЛА (пред отправлением в ссылку) и архиеп. СЕРАФИМА Угличского на тот случай, когда мы будем лишены возможности правильно строить свое церковное дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все взоры и надежды наши к единственно законному Местоблюстителю Петру и будущий Поместный Собор всех наших Святителей, а не случайного подбора их отдельными лицами.

Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться всякие правители и Синоды и, если они бессильны сделать это, должны честно сами сойти со сцены и сказать открыто, что мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву и посмеяние... Помогите Вам Господь»¹.

Как видно из письма, участие митр. Иосифа в подготовке к расколу выразилось в том, что он одобрил решение своих бывших викариев отойти от митр. Сергия. Причем само решение вынесено еп. Димитрием и другими раньше, чем последовало на то одобрение со стороны митр. Иосифа. Это лишний раз подтверждает тот факт, что не митр. Иосиф подготавливал своих викарных епископов к разделению, а они его, будучи сами подготовлены другими лицами. Характерно, когда еп. Димитрий и его единомышленники уже решили самостоятельно порвать общение с митр. Сергием, тогда и митр. Иосиф, одобрив их шаг, присоединился к ним, хотя, как увидим ниже, остался пребывать в молитвенно-каноническом общении с заместителем до февраля 1928 года.

¹ См. Архив М. М. № 30.

Одобрение, высказанное в письменной форме действиями викарных епископов, явилось одновременно и благословением митр. Иосифа еп. Димитрию и другим на раскол, как об этом и указано ими в акте от 13/26 декабря 1927 года¹.

НАЧАЛО РАЗДЕЛЕНИЯ

Первыми, кто официально объявил о своем отходе от митрополита Сергия, были два Ленинградских иерарха: еп. Гдовский Димитрий (Любимов) и еп. Нарвский Сергей (Дружинин).

Два лица, совершенно противоположные один другому и по характеру, и по образованию, и по взглядам на жизнь, нашли какое-то общее единство в противоборстве Высшей Церковной Власти.

Биографии обоих иерархов очень кратки.

Епископ Димитрий родился в 1857 году. Окончил С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В какие годы он принял священный сан, нам неизвестно. Известно только то, что он около 40 лет настоятельствовал в Покровской церкви г. Ленинграда, что на Садовой улице.

30 декабря ст. ст. 1925 г. он был хиротонисан во епископа Гдовского, вик. Ленинградской епархии².

Еп. Сергей выходец из простецов. Образование получил домашнее. Воспитывался в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. Там же, вероятно, был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. До революции он был настоятелем той же пустыни в сане архимандрита, а затем исполнял пастырские обязанности при станции в 2-х верстах от монастыря.

О его возведении в епископский сан хлопотали его многочисленные почитатели. Было собрано несколько тысяч подписей.

Специальная депутация отправилась с ходатайством об архимандрите Сергии к преосвященному Венедикту, еп. Кронштадтскому, Управляющему Ленинградской епархией. Последний ходатайство это отклонил, сославшись на то, что нужды в епископе не имеет и что кандидат не соответствует своему назначению.

Делутация, однако, настойчиво требовала от еп. Венедикта исполнения их просьбы и даже высказала, что она добьется своего желания и без его участия — поедет в Москву к Патриарху.

Преосвященный пригласил к себе архим. Сергия и упрасивал его не домогаться епископства. Но дело кончилось тем, что архим. Сергей был вызван в Москву и там в конце октября 1924 г. был хиротонисан Патриархом Тихоном во еп. Нарвского, вик. Ленинградской епархии³.

¹ См. Архив М. М. № 55.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)» составлен А. Мануилом, Чебоксары, 1959 г., ч. II, стр. 387.

³ Записки протоиерея А. Л. о русской церковной жизни первой половины XX века, стр. 26—27. (Рукопись).

Оба они, вероятно, рассчитывали на то, что их многочисленные почитатели откликнутся на их призыв и пойдут вслед за ними.

В какой же обстановке произошло разделение?

После неудачной беседы с митр. Сергием, еп. Димитрий и проф.-прот. В. Верюжский имели совещание с еп. Сергием, прот. Ф. Андреевым и др. единомышленниками. С общего согласия решено было неотложно и официально объявить митр. Сергию о своем отходе от него.

Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергей (Дружинин).

Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения его представителю Московской Патриархии.

Когда все уже было подготовлено, тогда еп. Димитрий пригласил к себе на квартиру еп. Сергия, еп. Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников и еп. Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временно управляющего Ленинградской епархией митр. Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Димитрий и Сергей — заявили еп. Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митр. Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1, 12), непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, Митрополитом Нижегородским и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним. Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение („и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия“). (Из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда „совершенного собора местности“, т. е. с участием всех православных епископов или до открытого

и полного покаяния пред Святою Церковью самого Митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет „да не преступаются правила отец“... и да не утратим по малу не-приметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Гос-подь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков. (Из 8-го правила III-го Вселенского Собора). Аминь.

Подписи: Епископ Сергий
Епископ Димитрий»¹.

Декабря 12/26 дня
1927 г.

Акт разделения совершился. Это произошло 13/26 декабря 1927 года.

О всем, что совершилось в квартире еп. Димитрия, еп. Николай 14/27 декабря сообщил митр. Сергию и ожидал от него дальней-ших указаний.

Печальные вести из Ленинграда не могли радовать Замести-теля Патриаршего Местоблюстителя: они, словно тяжелый молот, били по его сердцу и причиняли глубокие раны. Но бездействовать было нельзя. Требовалась разумная поспешность, ибо всякое про-медление грозило усилением раскола.

Едва только он получил от своего заместителя по управлению Ленинградской епархией сообщение об отколовшихся от церков-ного единства, как немедленно созвал внеочередную сессию Пат-риаршего Синода и 17/30 декабря 1927 года вынес постановление за № 208 о запрещении в священнослужении впредь до раскаяния еп. Димитрия и еп. Сергия². О постановлении Синода телеграфом было сообщено еп. Николаю с указанием применить те же самые меры прещения в отношении священнослужителей, заявивших о своем отделении.

В этот же день, т. е. 17/30 декабря, еп. Петергофский Николай наложил запрещение в священнослужении на прот. В. Верюж-ского, прот. Андреева Ф. и др. священников.

Но этим действием митр. Сергий не ограничился. Церковные раздоры и смуты, вызванные декларацией в разных уголках Рос-сии, тревожно отзывались в его сердце. Он сознавал, что при та-кой обстановке сохранить единство церковное будет невозможно. Требовалась помощь отвне со стороны архипастырей, пастырей и всех чад Православной Русской Церкви. По этой причине он 18/31 декабря 1927 г. обращается с особым посланием ко всем верным чадам Церкви и призывает всех оставить всякие раздоры и объединиться вокруг законного священноначалия к созиданию церковного организма.

Митр. Сергий указывал в своем послании на то, какие благо-приятные условия достигнуты для деятельности и Синода, и Епар-

¹ См. Архив М. М. № 38.

² Журнал Московской Патриархии, 1932 г., № 9—10, стр. 8.

данных Советов после заявления ими чрез декларацию о лояльном отношении к государственной власти.

Заместитель решительно заявил, что ни он, ни члены Синода ни на йоту не отступают и не отступят от Православия и что обвинение их в соучастии с обновленцами, лубенцами и др. раскольниками есть не что иное, как плод клеветы, за который понесут ответственность смущающие¹.

Послание митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода было полезным и действенным в том отношении, что оно рассеивало некоторые сомнения православных о якобы допущенной измене Православию Заместителем и в то же самое время давало правильную оценку действиям митр. Сергия.

Насколько нам известно из рассказов очевидцев, настоящее послание Заместителя успокоило некоторых соловецких епископов, смущавшихся новой политикой первоиерарха.

Нет сомнения, что такое же самое благотворное влияние оказало оно и на других членов Церкви.

Но возвратимся к событиям, возникшим в Ленинграде. Когда двум епископам и священникам был объявлен указ о запрещении их в священнослужении, то пред ними остро встал вопрос: подчиниться ли наложенному на них запрещению или же вменить его ни во что? Казалось, все было ясно: поскольку они порвали молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и с теми, кто находится с ним в единомыслии, то отсюда, следовательно, не должно бы иметь силу и наложенное на них запрещение. Однако самостоятельно решить этот вопрос они не посмели.

Еп. Сергей (Дружинин), уstraшенный наказанием, заявил еп. Николаю (Ярушевичу), что он отмежевается от раздорищников и обещается быть верным сыном Русской Православной Церкви и послушным ее иерархии, но другие, поставленные в тупик, решились для успокоения своей совести и для моральной поддержки известить о всем случившемся с ними митр. Иосифа. Последний великодушно и полностью одобрил действия своих бывших викариев, благословил их безбоязненно продолжать священнодействие и в частном письме, не подлежащем, возможно, огласке, сообщил им следующее:

«Для осуждения и обезвреживания последних действий митр. Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души верных чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющегося соборы оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот

¹ См. Архив М. М. № 32.

желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонно-святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до окончания веков.

М. И.

25 дек. 1927 г.»¹

7 янв. 1928 г.

Это был настоящий призыв митр. Иосифа к решительному и бесповоротному противодействию Высшей Церковной Власти в лице митр. Сергия и Священного Синода.

Письмо митр. Иосифа повлияло на малодушного еп. Сергия (Дружинина) и снова возвратило его в ряды раскольников, так что он, вопреки своему обещанию, в состоянии запрещения приступил к священнодействию.

Отделившиеся епископы, чтобы привлечь на свою сторону духовенство и мирян, обнародовали акт отхода, а затем стали распространять обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и единомышленными с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты Православия и церковной свободы. Они призывали всех верных объединиться вокруг митр. Иосифа, как единого православного иерарха.

Не ограничиваясь одним возванием, еп. Димитрий в личных беседах с людьми и в проповедях — всюду, где только представлялась возможность, высказывал свои отрицательные взгляды на последователей митр. Сергия. Он и его единомышленники не стеснялись открыто заявлять и убеждать, что те церкви, в которых за богослужением поминают имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, являются «новообновленческими храмами», а православные пастыри безблагодатными².

Ревнуя не «по разуму», еп. Димитрий один из православных храмов (Спас на водах) публично назвал храмом сатаны. Отсюда ничего нет удивительного, что он и самое великое таинство — св. Причастие, совершаемое сергианскими епископами и священниками, признавал не чем иным, как только «пищей бесовской». Это уже была ничем не оправдываемая крайность еп. Димитрия.

¹ См. Архив М. М. № 19.

² Постановление Врем. Патр. Сн. и митр. Сергия от 25 янв. 1928 г., № 17. См. Архив М. М. № 58.

Своими выпадами против законной Церковной Власти раздорники все больше и больше вносили смуту в жизнь не только Ленинградской епархии, но и других.

Волна разделения увеличивалась. Она захватила многие храмы Ленинграда и его окрестностей, затем перебросилась в пределы Воронежской епархии и проникла в г. Серпухов. Здесь 30 декабря ст. ст. 1927 г. группа серпуховского духовенства подала митр. Сергию заявление о своем отделении¹. За ней последовали члены церковных двадцаток и отдельные прихожане.

Увеличиваясь в своих размерах, раскол нес вместе с собой и печальные плоды разделения. И плоды эти были налицо.

Прежде всего упал авторитет архиерея в глазах верующих. Миряне присвоили себе право производить суд над своими архипастырями и пастырями, отложив в сторону очищение своей души. Они пошли путем духовной прелести.

Но более всего безотрадного и мерзкого было в том, что между иосифлянами и сергианами возникла самая настоящая непримиримая вражда. Противники громили друг друга прямо в храмах, не считаясь ни с положением, ни со святостью места. Запрещали посещать церкви инакомыслящих, признавая один другого безблагодаяными. Простые люди не имели покоя. Они ходили из одной церкви в другую, боясь оказаться у противников. Некоторые, ища себе успокоения, переходили в секты (баптизм), как это сделали отдельные члены двадцатки Тихвинской церкви на Выборгской стороне. Иные, соблазненные расколом и спорами, оставили вообще веру и стали людьми, чуждыми Церкви. Сами верующие сознавали, что они своими разномыслиями и вздорами способствуют антирелигиозной пропаганде.

Разделение церковное коснулось и разделения общественного: произошло разделение в семьях между близкими и даже между теми, кто когда-то вместе ревновали о истине.

Нетерпимость приверженцев митр. Иосифа доходила до крайних пределов и выливалась в необычайной вражде и злобе против сергиан. Был такой случай, когда один человек, увлекшийся расколом, чуть не стал душиТЬ 12-летнего ребенка, который спрашивал отца: «Почему ты не с нами?»².

Некоторые из православных приходов, чтобы как можно легче воспринять удар волны разделения, выносили особые постановления, посредством которых желали объединить и приверженцев митр. Иосифа, и последователей митр. Сергия.

Так, общее собрание двадцатки храма-памятника морякам, погибшим в войне с Японией, обсудив создавшееся между епископами и духовенством Ленинградской епархии разногласие, 8-го янв. 1928 года постановило:

¹ Заявление свящ. В. Бушуева на имя еп. Манунла от 20 апр. ст. ст. 1929 г. См. Архив М. М. № 76.

² Слово еп. Манунла, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 года. См. Архив М. М. № 70.

1. Единогласно: Возносить за богослужением имя митр. Петра, как Местоблюстителя Патриаршего Престола, объединяющего ныне в своем лице всю Православную Церковь.

2. Единогласно: Не вводить в богослужение возношения имени митр. Сергия и иных епископских имен, впредь до нового обсуждения по выяснении создавшегося положения.

3. Большинством всех против четырех: Не разрывать канонического общения ни с одной из разногласящих сторон, призывая и умоляя их не обострять расхождение, и всемерно стремиться к единству и взаимному пониманию, снисходя друг к другу в духе Христовой любви.

Ив. Шилов, Соколов, С. Меринг, Краснополенская, Г. Лобковский, Е. Еличанинова, А. Алявлин, О. Горданова, Д. Корнилов, Гордзевич, О. В. Лебедева, М. Моисеева, А. Галкин, В. Бонди, И. Романов¹.

Подобную тактику применяли не только члены двадцаток, но и некоторые Ленинградские епископы: еп. Колпинский Серафим (Протопопов), еп. Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), еп. Стефан (Бех), проживавший в Ленинграде, и некоторые другие.

В тех храмах, где они служили, поминали за богослужением одного только Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра, а имя митр. Сергия опускали.

Церковная смута в Ленинграде так быстро увеличивалась, что еп. Петергофский Николай не успевал писать доклады митр. Сергию.

Едва только он 27 декабря н. ст. 1927 г. доложил Заместителю о состоявшемся разделении, как 6, 11 и 14 января н. ст. 1928 г. снова потребовалась необходимость докладывать о новых нестроениях, возникавших в Ленинградской епархии. Сам митр. Сергей с получением печальных известий, которые ежедневно доставляла почта, пришел к убеждению, что умиротворить Русскую Церковь, наладить церковную жизнь и водворить дисциплину среди клира может только Православный Собор.

С этой целью он созвал сессию Синода и на заседании 3/16 января 1928 г. вынес такое постановление: «Признавая крайнюю нужду в созыве второго Поместного Собора, ныне же приступить к подготовительным работам по созыву Собора, для сего предложить Епархиальным Преосвященным и временно управляющим епархиями обсудить на местах, доступными для них способами, вопросы: 1) о времени, 2) порядке созыва Собора, 3) о составе его, приняв во внимание, что положение о составе Собора,работанное на Соборе 1917—1918 гг. при современных условиях церковной жизни не во всем может быть исполнено; и 4) вопросы, подлежащие рассмотрению и обсуждению будущего Поместного Собора.

---

¹ См. Архив М. М. № 71.

Все свои соображения и постановления по вопросам Преосвященные имеют представить не позднее Фоминой недели сего 1928 года на имя Заместителя Патриаршего Местоблюстителя»¹.

Как видно из постановления Синода, вопрос об умиротворении Церкви ставился митр. Сергием весьма остро. Но он (вопрос) отодвигался на будущее, между тем события текущего дня требовали неотложных мероприятий.

Еп. Петергофский Николай в последних своих докладах сообщал митр. Сергию, что запрещенные в священнослужении епископы Димитрий Гдовский и Сергей Копорский вносят большую смуту в жизнь епархии, распространяют устно и письменно разную клевету на Высшую Церковную Власть и убеждают верующих порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя как погрешившим якобы против чистоты Православия и свободы Церкви. В храмах и целых приходах царят нестроения. Неопределенных позиций придерживаются еп. Колпинский Серафим и еп. Шлиссельбургский Григорий: ни тот, ни другой не поминают за богослужением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Он убедительно просил для прекращения смуты принять соответствующие меры, сделать должные распоряжения и успокоить православное население особым архипастырским посланием.

Митр. Сергей согласился с доводами еп. Николая и принял срочные меры к ликвидации нестроений в Ленинградской епархии. Он вновь созвал внеочередную сессию Синода и на заседании 25 января 1928 г. вынес за № 17 такое постановление:

«1. Принимая во внимание, что Преосвященный Гдовский Димитрий не подчинился постановлениям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Священного Синода и не только служит в состоянии запрещения, но и продолжает чинить смуту и раскол, распространяя среди верующих клевету на Высшую Церковную Власть, якобы она уже уклонилась от Православия, призывает народ порвать молитвенно-каноническое общение как с законным Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, так и единомышленными с ним епископами, при этом епископ Димитрий и его единомышленники называют храмы, где поминают Митр. Сергия, «обновленческими храмами», православных пастырей — безблагодатными;

2. В своем ослеплении расколом еп. Димитрий дошел до такого безумия, что один из православных храмов (Спаса на водах) публично назвал храмом сатаны, и на основании 28 и 34 пр. Св. Ап., 13, 14, 15 пр. Двукратного Собора, 38 пр. Карфаг. Собора — Преосвященного Димитрия уволить от управления Гдовским викарятством на покой, с оставлением под запрещением в священнослужении и предать его за учинение церковного раскола, с одной стороны, и за служение в состоянии запрещения, — с другой,

¹ Постановление Свящ. Синода от 3/16 янв. 1928 г., № 12. См. Архив М. М. № 57.

каноническому суду православных епископов; — Преосвященного Копорского Сергия, давшего обещание отмежеваться от раздорников и быть верным и послушным сыном Православной Церкви и Высшей Церковной Иерархии, но не исполнившего данного им обещания и продолжающего служить в состоянии запрещения; на основании 28 и 34 пр. Св. Ап., 13, 14, 15 пр. Двукр. Собора и 38 пр. Карфаг. Собора — лишить титула Копорского, оставив на покое под запрещением, и предать его каноническому суду православных епископов.

3. а) Преосвященным Шлиссельбургскому Григорию и Колпинскому Серафиму предписать незамедлительно по получении указа ввести поминовение за богослужением имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя;

б) предписать Преосвященным в ближайший воскресный или праздничный день при совместном ли служении с Преосвященным Петергофским или по его указанию в одном из храмов Ленинграда, а в Александро-Невской Лавре обязательно в проповеди заявить со всею решительностью, что они не только отмежевываются от раздорников епископов, но и осуждают Преосвященных Дмитрия и Сергия и др. за раскол и церковную смуту и призвать верующих к единству с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и со всею Православною Церковью;

в) в случае невозможности, по каким-либо причинам, исполнить в указанный срок предписанного в пункте «б» представить в трехдневный срок объяснение и вполне определенное заявление об осуждении ими епископов Дмитрия и Сергия с их соумышленниками и о полном своем отмежевании от образованного «самочинного сборища» и о своем послушании законной Церковной Власти в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода;

г) при неисполнении предписанного в пунктах «а» и «б» и не представлении в срок указанного в пункте «в» заявления, Преосвященными Шлиссельбургским Григорием и Колпинским Серафимом, по докладу о сем Преосвященного Петергофского Николая иметь о них суждение.

4. Членам Патриаршего Священного Синода, Преосвященным Архиепископам: Вологодскому Сильвестру, Костромскому Севастьяну и Самарскому Анатолию предложить в срочном порядке выехать в г. Ростов и в личной беседе с Преосвященным Митрополитом Иосифом, которую они имеют должным образом запротоколлировать, запросить его:

а) с его ли ведома, согласия и благословения Преосвященный бывший Гдовский Дмитрий и бывший Копорский Сергей распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и единомыслящими с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты православия и церков-

ной свободы и призывая верующих объединиться около одного, якобы православного Митрополита Иосифа;

б) признает ли Митрополит Иосиф приведенную выше резолюцию от 25 декабря 1927 г. на рапорте Ленинградских викариев и распространяемую ныне раздорниками за свою резолюцию;

в) в случае отклонения Митрополитом своей ответственности за распространяемую от его имени литературу и непризнания им своей резолюции от 25 декабря 1927 г. предложить ему в особом кратком послании оповестить ленинградскую паству о своем отмежевании от происходящей церковной смуты, с осуждением епископов-раздорников и всего их «самочинного сборища» и о своем молитвенно-каноническом общении с Высшей Церковной Властью в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода и о неизменном им послушании;

г) по докладе упомянутых выше членов Патриаршего Синода о результатах их беседы с митр. Иосифом иметь о нем суждение.

5. Постановление о Епископах Дмитрия и Сергие объявить к сведению ленинградской православной паствы особым посланием Заместителя, сообщив копии с настоящего определения и упомянутого послания и всем Епархиальным Архиереям к сведению»¹.

Постановление митр. Сергия и Священ. Синода в отношении епископов Дмитрия и Сергия фактически ничего нового не содержало. Оба епископа были уже запрещенными в священнослужении и хотя числились находящимися на викариатствах, тем не менее, как запрещенные, они лишены были права на управление епископиями; и потому синодальное постановление об увольнении их с кафедр на покой только подтверждало уже существующее. Единственно новым в настоящем постановлении являлось предание их суду православных архиереев.

Но эта мера прещения имела бы силу, если бы лица, на которых она падала, были бы людьми послушными. Для тех же, кто ни во что вменял всякое распоряжение Синода и кто нарушил уже ранее наложенное на них запрещение, настоящая мера наказания была в действительности «гласом вопиющего в пустыне».

Архипастырское послание, предназначавшееся для оглашения в Ленинградской епархии и к сведению епархиальных архиереев, строго говоря, не имело особой силы. Оно фактически только призывало верующих избегать раздорников и не принимать от них ни таинств, ни молитв. Для тех же, кто грубо нарушал церковные каноны, послание было малоавторитетным.

Постановление Синода и архипастырское послание, датированное 13/26 января 1928 г., были отправлены по назначению. Но они, как и надо было ожидать, после своего оглашения произвели небольшое действие.

---

¹ См. Архив М. М. № 58.

Епископ Димитрий к определению о нем Синода отнесся пренебрежительно, считая все это не имеющим для него никакого значения.

Еп. Григорий остался при той же позиции, и лишь только один еп. Серафим (Протопопов) подчинился распоряжению Синода.

Между тем клевета на Высшую Церковную Власть усиливалась, и некоторые приходы вынуждены были обратиться к митр. Сергию с просьбой — заверить их письменно в том, что он не изменил и не изменит ни чистоты Православия, ни священных канонов, ни самого церковного чинопоследования.

Так, двадцатка и причт Покровского Гатчинского храма, смущаемые распространяемыми слухами о безблагодатности Церкви, возглавляемой митр. Сергием, обратились к нему с письмом, в котором убедительно просили Заместителя «для успокоения и утешения верующих и полного пресечения тревожных слухов и возникающей опасной розни, дать всем нам письменное заверение в том, что чистоте православного исповедания, авторитету и свободе святой нашей Церкви не будет грозить никаких опасностей»¹.

Письмо это было доставлено митр. Сергию председателем двадцатки Сорокватиным (Гатчина) и о. Николаем (Смирновым), настоятелем Екатерининского Собора в Детском селе.

Митр. Сергей ответил им следующей резолюцией:

«Прежде всего прошу моих вопрошателей прочитать наши синодальные послания, первое от 16/29 июля и второе от 18/31 декабря 1927 года. В этих посланиях с совершенной определенностью выражено наше обещание быть верными Святой Православной Церкви не только в учении, но и во всех ее правилах и установлениях. Если же и это моих вопрошателей не убедит, то настоящим еще раз и лично от себя заявляю, что архнерейскую присягу я помню и, по своим силам и способностям, соблюдаю, веру святую православную содержу и буду содержать несомненно, правила св. Апостол, св. Соборов и св. Отец с любовью приемлю, сам их стараюсь исполнять и от других такого же исполнения требую, вверенное мне стадо Христово вообще желаю вести только прямым православным спасительным путем, не уклоняясь ни направо, ни налево. Я думаю, что от этого своего исповедания я (по крайней мере сознательно и намеренно) не отступил и впредь не отступлю, если Господь мне поможет. Всякие обвинения меня в предательстве Церкви, в измене православию, в потаенном вводителстве обновленчества и подобном — все это ложь. Что же касается поминовения властей за нашим богослужением, то это поминовение вводится не в отмену, а во исполнение церковного установления (Иер. ХХІХ; Варух 1,11—12; 2,22—23). Это заповедь апостола, свято соблюдавшаяся нашею Церковью во все времена повсюду и при всяких правительствах, совершенно независимо от того, желают или не желают они этого поминовения, веруют ли они или не веруют. О таком поминовении сделал распоряжение и покойный

¹ См. Архив М. М. № 2-3.

Святейший Патриарх Тихон. Если же это распоряжение его оставалось мало исполняемым, то что удивительного в том при расстройстве, в котором находится наша церковная жизнь? Мы восстановили поминование властей, чтобы снять поношение со всех нас, православных членов нашей Церкви, будто мы лицемерно признали Советскую власть, на деле же — с заграничными ее врагами. Оградить свою паству от такого поношения со всеми ее последствиями — наш пастырский долг. Ведь и апостол учит нас, что блажен, кто страдает как христианин, а не как нарушитель закона (1 Петр. IV, 14—16).

Итак, пусть никто не торопится, при первом встретившемся недоумении, бежать из ограды церковной, говоря: „Какие странные слова? Кто может их слушать?“ (Иоанн VI, 60). Наоборот, любовью покрывая случайные ошибки своего пастыря, пусть каждый запасается терпением, пока дальнейшая жизнь не разъяснит недоумений, пусть каждый помнит, что не вне Церкви Христовой, а только внутри ее „имеются глаголы вечной жизни“ (ст. 68) и что современные носители Высшей Церковной Власти, при всем своем недостоинстве, не менее заинтересованы в чистоте Православия, чем и другие.

Сергий, Митрополит Нижегородский.

19 янв./1 фев. 1928 г.¹

Нет сомнения, что такие заверения первосвященника имели большую силу и благотворно действовали на православную паству.

20 января ст. ст. 1928 г. комиссия в составе поименованных в постановлениях Синода лиц под председательством архиеп. Анатолия (Грисюка) выехала в Ростов Ярославский к митр. Иосифу.

Между комиссией и митрополитом состоялась беседа.

Вопросы задавались в соответствии с той инструкцией, которая указана была на заседании Синода.

Те, кто в то время интересовался церковными событиями, передают, что митр. Иосифу якобы были поставлены такие вопросы:

1. Признает ли он митр. Сергия? — Да.
2. Считает ли он себя митр. Ленинградским? — Не считаю.
3. Состоите ли Вы в каком-нибудь отношении к ленинградским отколовшимся? — Не состоял и не состою.
4. Полагал ли какую-нибудь резолюцию на каком-нибудь церковно-административном акте 25 декабря 1927 г.? — Никакой резолюции ни на каком акте не полагал.

Тогда митр. Иосифу было якобы представлено его послание (ответ от 25 дек. 1927 г. на письмо еп. Димитрия), и он тогда ответил, что это носило характер частной переписки и оглашению не подлежало.

Насколько достоверны приведенные выше вопросы и ответы, сказать трудно, но они вполне могли быть поставлены.

¹ См. Архив М. М. № 2-з.

В постановлениях Синода были указаны два вопроса:

1. С его ли ведома, согласия и благословения Преосвященные б. Гдовский Димитрий и б. Копорский Сергей распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя?

2. Признает ли он резолюцию от 25 декабря 1927 года на рапорте Ленинградских викариев?

Вот эти два вопроса несомненно были поставлены митр. Иосифу. Вполне возможно, что ему задавались и другие вопросы, но о них нам ничего неизвестно.

Что ответил митр. Иосиф членам комиссии на поставленные ими вопросы, остается тайной. Но одно является непреложным: той цели, ради которой совершалась поездка в Ростов, комиссия не достигла. И даже больше того, она в какой-то степени ускорила в нем (митр. Иосифе) решимость порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием.

Печальные результаты беседы комиссия изложила в письменной форме Заместителю. Были приняты срочные меры к ограждению ленинградской паствы от влияния митр. Иосифа, но они уже не могли изменить хода событий, развивавшихся с необычайной силой.

После отъезда синодальной комиссии, приезжавшей к нему на беседу, митр. Иосиф погрузился в глубокое раздумье. Пред его взором быстро пронеслась вся картина возникших церковных нестроений, связанных с его именем и с теми, кого он считал предателями Церкви¹.

И вдруг он с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за несчастья в Церкви. Сознание говорило ему, что он является одним из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить удаленного от управления предшественника, но быть и ему, и свободному (митр. Сергию) предостережением на случай замены, в возможности его духовного падения. Правда, такое падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом, и соборным решением, но при современных условиях этого достичь нельзя². Остается единственный выход — вразумить падшего отходом от него, иными словами, совершить суд над первоиерархом единолично.

Подходя с точки зрения аскетики к оценке возникших у митр. Иосифа чувств и размышлений, мы можем определенно сказать, что он, незаметно для себя, допустил духовную прелесть. Это было самое опасное состояние души митрополита, закрывшее от его взора свои собственные грехи и внушившее ему думать о себе как о человеке, могущем предостеречь первоиерархов от духовных падений.

¹ Ответ митр. Иосифа архим. Льву. 1928 г. См. Архив М. М. № 23.

² Там же.

Здесь уже проявились область греха, область самомнения и превозношения, в которые он впадал еще в первые годы своего иерейского и архиерейского служения.

Теперь уже под действием духовной прелести ничто не могло приостановить митр. Иосифа от его решения встать на путь отделения от митр. Сергия.

В это время, как нам уже известно из истории ярославского раскола, митр. Агафангел с тремя своими викариями: архиеп. Угличским Серафимом (Самойловичем), архиеп. Варлаамом (Ряшенцевым) и еп. Ростовским Евгением (Кобрановым), — готовил акт отхода от митр. Сергия. К ним-то и присоединился митр. Иосиф.

24 января ст. ст. (6 фев. н. ст.) 1928 года был подписан акт отделения и направлен митр. Сергию.

26 января (8 февраля) митр. Иосиф обратился с особым посланием к своим викариям, пастырям и ко всем верующим г. Ленинграда и объявил себя Ленинградским митрополитом¹.

Итак, митр. Иосиф с момента официального отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, уже не считая над собой имеющим какую-либо силу распоряжение первоиерарха, опротестовывает свое якобы незаконное удаление с Ленинградской кафедры и, как признавший себя Ленинградским митрополитом, поручает временное управление епархией еп. Димитрию, а еп. Григория благословляет продолжать служение в Александро-Невской Лавре в качестве ее единомысленного с ним наместника².

Ряды отколовшихся пополнились. Теперь их возглавил митр. Иосиф. Предполагалось, что под его главенство вступят и Ярославские иерархи и тем самым усилят свои позиции, но предположения, как мы уже видели, не оправдались. Митр. Агафангел и его викарии не только отмежевались от Ленинградских раскольников, но и впоследствии снова возвратились под руководство митр. Сергия. Но как бы то ни было, а в данный момент отход видных иерархов внушал серьезную опасность для церковного мира. Этим глубоко был встревожен митр. Сергий. Начались усиленные переговоры с митр. Агафангелом.

К этому времени относится письменное обращение архим. Льва (Егорова) к митр. Иосифу.

Когда архим. Лев узнал об официальном отходе митр. Иосифа, то он не мог хладнокровно отнестись к этому факту. Ему больно было сознавать, что воспитанный в монашеском послушании иерарх, с которым он был связан узами единства по Александро-Невской Лавре, отступил от иноческих идеалов и совершил преступный акт разделения.

Пигая надежду на то, что митр. Иосиф может еще осознать свой неправый поступок, архим. Лев обращается к нему с особым письмом, полным любви и кротости.

¹ См. Архив М. М. № 31.

² Там же.

Он спрашивал митрополита, почему он решил отойти от митропол. Сергия без церковного суда и соборного решения о нем, вопреки церковным правилам? И снимает ли он (митр. Иосиф) с них послушание ему тем, что уходит в раскол, или же подчинением митр. Сергию укрепляет и их на борьбу за независимость св. Церкви?

И, указав на то, что митр. Иосиф и его последователи забыли в своем деле заповедь Христову о любви друг к другу, умолял его возвратиться к послушанию канонической Церковной Власти в лице митр. Сергия¹.

Но надежды архим. Льва не оправдались. Митр. Иосиф, получивши письмо, ответил ему, что он не считает себя раскольником, ибо зовет людей к очищению Церкви от сеющих раскол².

Ответ, как видим, был отрицательный. Митр. Иосиф глубоко был убежден, что он не раскольник, что таковым является митр. Сергий и его единомышленники и что он, наконец, никогда не сойдет с избранного им пути даже в том случае, если бы он остался на этом пути в единственном числе.

Ясно, что после такого ответа убеждать митр. Иосифа, чтобы он осознал свою ошибку, было бесполезно, и архим. Лев прекратил с ним свою переписку.

Что же произошло дальше?

В феврале 1928 г. митр. Иосиф из Ростова ~~был~~ удален в Николо-Моденский монастырь, что в 35 верстах от г. Устюжны, родной ему Новгородской губернии, откуда он управлял паствой и делал соответствующие распоряжения своим vicaribus.

Чтобы каким-либо образом смягчить нестроения в Ленинградской епархии и ослабить действия митр. Иосифа и еп. Димитрия, митроп. Сергий в середине февраля ст. ст. 1928 г. назначает в Ленинград митр. Серафима (Чичагова).

Назначение не совсем было удачным. Оно, кроме новых смут и волнений, ничего больше не принесло.

Иосифляне смотрели на митр. Серафима как на человека, строящего себе земное благополучие и потешающего «свое честолюбие на костях страждущего предшественника».

Его прошлое (изгнание общим епархиальным собранием из Твери, а затем непринятие в Варшаве) вызвало в отколовшихся одну только антипатию³.

В четверг 24 февраля ст. ст. (8 марта н. ст.) 1928 г. митр. Серафим прибыл в Ленинград. Сразу же после своего приезда он послал пригласительное письмо еп. Димитрию, но тот письма не принял, заявив, что он знает только Ленинградского митр. Иосифа, заместителем которого он (еп. Димитрий) является. С своей стороны еп. Димитрий звал к себе митр. Серафима, но только без по-

¹ См. Письмо еп. Димитрия к архим. Льву. 1928 г. Архив М. М. № 23.

² Там же.

³ Важная разница в степени канонического достоинства двух Ленинградских митрополитов — Иосифа и Серафима. См. Архив М. М. № 24.

сторонних. Согласился ли последний посетить еп. Димитрия, нам ничего неизвестно¹.

Новоназначенный митрополит неумоимо произносил в Ленинградских церквях проповеди, ярко освещая лиц церковного разделения. Однако смуты и нестроения в епархии не прекращались.

Иосифляне, поскольку их стали обвинять в незаконном отделении, решили теперь канонически обосновать свой отход и снять с себя, как им казалось, неправо обвинение, возлагаемое на них православными епископами и духовенством.

В специальном документе, в виде сжатого резюме, они изложили ряд церковных правил, в которых усмотрели достаточное каноническое основание для своего отхода от первоиерарха.

Вот в каком виде был написан этот документ:

«I. Мы идем за своим каноническим митрополитом Иосифом, от которого не должны отступать и прекращать возношений его имени в Божественном тайнодействии, „прежде соборного рассмотрения“, какового не было (Двукр. Соб. прав. 14).

II. Указывают на 15-е правило Двукр. Соб., говорящее о Патриархе, но 1) митр. Сергей не патриарх, а только временный Заместитель митр. Петра, — которого возносим.

2) Митр. Петр поручил митр. Сергию временное управление Русскою Церковью, но не поручил нарушать канонические правила, на которых должно основываться это управление.

3) 14-е правило Двукр. Соб. в отношении митр. Иосифа нарушено еп. Николаем Петергофским раньше, чем мы якобы нарушили 15 пр. и первое нарушение было поводом ко второму мнимому нарушению.

4) В действиях митр. Сергия усматривается наличие ереси и даже худшего ее, что дает право на отхождение „прежде соборного рассмотрения“ даже и от Патриарха.

III. Митрополит Сергей не имел права вторгаться в управление нашей епархией без согласия митр. Иосифа: III Всел. Соб. 8-е правило; Антиох. 9-е; Карфаг. 64, 67.

IV. Митр. Сергей не имел права поставлять vikарных епископов к нам (Сергий Зенкевич) без согласия митр. Иосифа: I Всел. Соб. 6-е правило.

V. Тем более не имел права посылать к нам митрополита (Серафима Чичагова), пока наш митр. Иосиф жив и пока он добровольно не отрекся от митрополии: Двукр. Соб. прав. 16-е.

VI. В Божественном тайнодействии мы должны возносить имена своих патриархов, митрополита и епископа (Двукр. Соб. 13—15 прав.). Но на одном месте двух имен возносить не должны, чего

---

¹ С. А. прот. «Новое разделение в Прав. Церкви, т. н. иосифлянство или димитрианство и автокефалисты». Ленинград, 1929 г. (Машинопись). Архив М. М. № 15.

теперь требует митр. Сергей, заставляя возносить вместе с именем митрополита Петра и свое имя.

VII. Насильственные переводы епископов из одной епархии в другую правилами строго воспрещаются, даже в случае, если бы клир и народ не принимал епископа (Ап. пр. 36), чего в отношении митр. Иосифа нет, или даже если бы было внешнее непреодолимое препятствие к принятию епископом управления епархией (VI Всел. Соб. прав. 37).

VIII. Указывают на примеры принудительных переводов епископов с одной кафедры на другую в прежнее время. Но, когда бывало, чтобы переводили одновременно свыше 40 епископов, притом даже без их ведома? И бывали ли примеры, чтобы переведенный все-таки не давал согласия и не ехал, а требовал бы соборного рассмотрения своего дела? А если бы и бывали подобные примеры, то они никогда не считались нормальными.

IX. Церковь Православная — Соборная (ср. 37 пр. Свв. Ап.); Митр. Сергей управляет ею единолично и совершенно произвольно. Организация «Синода» и выбор членов его без совета с другими епископами; запрещение епископов в священнослужении без Собора, на что не дерзал даже и Святейший Патриарх Тихон и т. д.

X. В этом усматривается уже нарушение догматического учения о Святой Церкви («...Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь»)»¹.

Насколько действительны эти канонические основания, приводимые в свою защиту иосифлянами, покажет нам краткий разбор данных церковных правил.

1. «Мы, — говорят они, — идем за своим каноническим митр. Иосифом», от которого не должны отступать, согласно 14 пр. Двукр. Собора.

Прежде всего для Ленинградских викариев и паствы каноническим и правомочным епископом являлся тот архиерей, который был назначен Высшей Церковной Властью управляющим епархией, а таковым был уже не митр. Иосиф, а митр. Сергей, как временно возложивший на себя управление митрополией.

Далее, несправедливо после этого ленинградские викарии считали Иосифа своим каноническим митрополитом. Таковым он уже не мог быть с того момента, когда Высшая Церковная Власть перевела его в Одессу. Законным и правомочным архиереем Ленинградской епархии на данный момент являлся первоначально митр. Сергей, а потом митр. Серафим (Чичагов). Первый управлял временно, а другой как правящий.

Ссылка на 14 пр. Двукр. Собора взята совершенно произвольно и не соответствует реальности.

---

¹ См. Архив М. М. № 40.

В нем определенно говорится, что «Аще который епископ, поставляя предлогом вину своего митрополита, прежде соборного рассмотрения, отступит от общения с ним..., да будет низложен».

Что же здесь общего с тем положением, которое занимали Ленинградские викарии и митр. Иосиф? Ничего. Правило говорит о самовольном отступлении епископа от митрополита, причем с указанием вины его, но отнюдь не о том, чтобы викарные епископы продолжали подчиняться правящему архиерею, переведенному Высшей Церковной Властью в другую епархию, ожидая какого-то соборного решения. Ясно, что ссылка на 14 пр. Двукр. Собора не только неосновательна, но и преступна, как искажающая смысл церковного правила.

2. Митр. Сергей действительно не патриарх, но, согласно пря-мому смыслу завещания и Патриарха Тихона, и митр. Петра, он имел права патриаршие и был фактически не Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, а временно исполняющим обязанности Патриарха (См. Завещание митр. Петра от 6 декабря 1925 года), а отсюда, следовательно, являлся на данный момент первоиерархом Русской Православной Церкви, которому обязаны были подчиняться все епархиальные и викарные архиереи, согласно 34 ап. правилу.

Неосновательно обвинение иосифлянами еп. Петергофского Николая (Ярушевича) в нарушении им 14 пр. Двукр. Соб.

Епископ Николай ни в чем не обвинял митр. Иосифа и признавал его каноническим митрополитом до того момента, пока последний являлся епархиальным архиереем Ленинградской митрополии. Но когда митр. Иосифа перевели в Одессу, иными словами, когда он перестал быть Ленинградским митрополитом, тогда еп. Николай стал почитать и признавать другого канонического архиерея, назначенного Высшей Церковной Властью в Ленинград, оставаясь в молитвенном общении с митр. Иосифом и с другими иерархами. Никакого нарушения 14 пр. Двукр. Собора со стороны еп. Николая не было.

Обвинение митр. Сергея в ереси основано не на церковных правилах, а на человеческих выдумках и субъективных оценках фактов.

3. Ссылаясь на правила: 3 Всел. Соб. 8-е; Антиох. пр. 9-е и Карфаг. 64 и 67, они признают, что митр. Сергей не имел якобы права вторгаться в управление Ленинградской епархией без согласия митр. Иосифа.

В соответствии с указанными правилами утверждения иосифляны можно было бы признать, но только в том случае, если бы, во-первых, митр. Иосиф был бы митрополитом с правами первоиерарха, а во-вторых, если бы он не был переведен в другую епархию, т. е. оставался бы Ленинградским митрополитом. Но в том-то и вся суть, что митр. Иосиф, в соответствии с теми правилами, на которые ссылаются иосифляне, являлся только епархиальным архиереем, во всем подотчетным первоиерарху Поместной Церкви митр. Сергию, и когда он был переведен в другой город

и епархия осталась вакантной, то, как первоиерарх, митр. Сергей на законных основаниях, не требующих уже согласия митр. Иосифа, возложил на себя временное управление Ленинградской епархией.

4. На том же самом основании митр. Сергей имел право и предполагать vikарных епископов для Ленинградской епархии, не согласуя этого вопроса с митр. Иосифом.

5. Первая половина 16 пр. Двукр. Собора, на которую ссылаются иосифляне, так читается: «По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений, необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляется епископ в той Церкви, которой предстоятель жив еще, и пребывает в своем достоинстве, разве аще сам добровольно отречется от епископства. Ибо надлежит прежде привести к концу законное исследование вины, за которую он имеет удален быть от епископства, и тогда уже по его низложению, возвести на епископство другаго, вместо его»...

Действительно, правило это говорит о том, что нельзя назначать нового епископа в епархию, пока жив ее предстоятель и пребывает в своем достоинстве и, более того, нельзя назначать даже в том случае, если законный епископ добровольно откажется от своей епархии до тех пор, пока не будет рассмотрена его вина. отречения собором епископов или Синодом. (См. толкование на это правило еп. Никодима Далматинско-Истрийского, кн. 2, стр. 310 и кн. 1, стр. 320).

Но было ли нарушено митр. Сергием это правило тем, что он назначил на Ленинградскую кафедру нового епископа — митр. Серафима (Чичагова)? Конечно, нет. Митр. Иосиф, по независящим от него обстоятельствам, оказался в таком положении, которое предусмотрено 18 пр. Ант. Собора, вследствие этого митр. Сергей совместно с Врем. Патриаршим Синодом не низложил митр. Иосифа с его епископского достоинства, что, собственно, предусматривает 16 пр. Двукр. Собора, а только перевел, согласно 14 ап. правилу, в другую епархию в чести и достоинстве епископском, и, таким образом, Ленинградская епархия стала вакантной. И только после этого туда был назначен новый епископ.

Правда, митр. Иосиф отказался выполнить постановление Заместителя и Врем. Патриаршего Синода, но это было уже с его стороны нарушением церковной дисциплины, за что, согласно 17 пр. Ант. Соб. он подлежал отлучению от церковного общения, а занимаемая им раньше кафедра становилась свободной.

7. Перевод митр. Иосифа совершился не насильственно, а в силу обстоятельств, о которых сказано в 18 пр. Ант. Собора. Толкование указанных ими правил — 36-го Ап. и 37-го VI Всел. Собора — дано в искаженном смысле. Ни то, ни другое правило не говорит о том, чтобы Высшая Церковная Власть не имела права, в случае нужды, переводить архиереев с одной епархии на другую. И 36 ап. правило, и 37-е VI Всел. Собора — оба говорят о том, что если епископа не примут по злобе ли народа в тот город, куда он назначается, или же не будет иметь возможности пребывать в сво-

ей епархии по той причине, что его область занята неверными, то за ним сохраняется честь и звание епископское. А находясь вне своей епархии по указанным выше причинам, он, как гласит 18 пр. Ант. Соб., «...да ожидает, что определит о нем совершенный собор той области, по представлении в оный дела». И если Высшая Церковная Власть определила, чтобы митр. Иосиф занял вдовствующую Одесскую кафедру, то он должен был бы повиноваться и поехать к месту своего назначения или же, в случае отказа, подпасть под церковное запрещение, согласно 17 пр. Ант. Соб.

8. Указание иосифлянами на тот факт, что якобы митр. Сергей и Синод одновременно переместили до 40 епископов, не соответствует действительности. Таких перемещений не было и не могло быть.

В истории Русской Православной Церкви наблюдалось большей частью послушание архиереев, а не противление. К примеру, митр. Владимира (Богоявленского) из Петрограда перевели в Киев, а митр. Макария (Невского) уволили на покой, хотя и тот, и другой в душе не были согласны и тем не менее повиновались Высшей Церковной Власти.

9—10. Митр. Сергей по необходимости, до учреждения Временного Патриаршего Синода, управлял единолично, но в его управлении не было нарушения Церковной Соборности, поскольку он являлся законным восприемником патриарших прав и сохранял непрерывное звено иерархической власти с Патриаршим Местоблюстителем, с Патриархом Тихоном и со всей Восточной Церковью. С момента же учреждения Временного Патриаршего Синода митр. Сергей управлял уже не единолично, а соборно.

Организация Синода по обстоятельствам времени иной бычь не могла, поскольку не было возможности созвать Собор епископов.

Запрещение, наложенное митр. Сергием на епископов, нельзя считать единоличным, поскольку оно применено совместно с членами Синода.

Исходя из всего вышеуказанного, видеть в действиях митр. Сергия какое-либо нарушение догматического учения о Церкви никак нельзя.

Итак, краткий разбор тех оснований, на которых созидали свой отход иосифляне, показывает нам всю несостоятельность их утверждения и, однако, несмотря на то, они уверенно шли своим путем, думая, что путь их правый и не имеет каких-либо ошибок.

14/27 марта состоялась сессия Свящ. Синода, на которой было вынесено постановление об увольнении от занимаемых кафедр и о запрещении в священнослужении митр. Иосифа (Петровых), еп. Димитрия (Любимова) и еп. Сергия (Дружинина), архиеп. Серафима (Самойловича), архиеп. Варлаама (Ряшенцева), еп. Евгения (Кобранова), еп. Иерофея (Афони́на) и еп. Алексия (Буй).¹

¹ Письмо еп. Манунла к матушке Серафиме от 15/28 марта 1928 г. См. Архив М. М. № 34.

Но и это постановление в отношении отпавших не имело никакой силы. Все указанные архиереи, кроме архиеп. Серафима (Самойловича), решительно пренебрегли запрещением и продолжали служить и управлять епархиями и викариатствами.

Митр. Серафим (Чичагов), ввиду непрекращавшегося разделения среди архипастырей и верующих Ленинградской епархии, 19 марта (1 апр. н. ст.) 1928 года распорядился по всем храмам и церквям совершать особое молебствие об умиротворении Церкви.

Но ни церковные прещения, ни отлучения, ни даже народные молебствия не унимали последователей митр. Иосифа. Они, подобно оторвавшемуся камню от скалы, все ниже и ниже падали в глубь отмежевания от митр. Сергия и единомышленников ему архиереев. А причина этого падения заключалась в той крайности, которую они допустили в своем удалении.

Когда иосифляне задавали вопросы: «Если вернется из ссылки митр. Петр и признает послание митр. Сергия и действия его законными, будут ли они участвовать с ним в молитвенном общении, признают ли его законной главой Русской Церкви?» — то в ответ на эти вопросы иосифляне делились надвое: одни из мирян говорили: «Молитвенного общения с митр. Петром и его единомышленниками мы прерывать не будем»; а другие, наоборот, отвечали так: «Если только митр. Петр признает законным послание митр. Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда мы прервем молитвенное общение с митр. Петром и священниками, возносящими его имя¹».

Такая противоположность взглядов и отношений к Церковной Власти свидетельствует лишь о том, что среди иосифлян не было единства и что одни из них (а таковых было большинство) смотрели на митр. Сергия как на иерарха, превысившего свои полномочия и допустившего по этой причине якобы неправильные действия, а другие видели в нем самого настоящего отступника от Православия, предателя и убийцу церковной свободы, общение с которым невозможно даже в том случае, если его действия признает сам Патриарший Местоблюститель.

Те, кто придерживался первого взгляда, нуждались в авторитетном засвидетельствовании правоты деяний митр. Сергия со стороны либо Патриаршего Местоблюстителя, либо другого лица, показавшего себя стойким борцом за Православие. И достаточно было появиться такому иерарху, чтобы снять с них всякое смущение и колебание и приобщить их к церковному единству.

Но для других, более строгих иосифлян, этого было мало. Для них стимулом правды являлся не авторитет, а образ их мыслей и чувств. Всякий, кто не разделял с ними их взгляды и мысли, становился уже для них противником.

Крайность эта вытекала из того факта, что иосифляне признавали только себя одних находящимися в недрах Православной

¹ Г. В. Церковная жизнь. (Машинопись). См. Архив М. М. № 23.

Церкви, а других — в расколе, иными словами, не они отошли в раскол, а митр. Сергей и те, кто последовал за ним.

Вот как высказывался по этому поводу митр. Иосиф в своем ответном письме к архим. Льву (Егорову):

«Погодите, придет, мы надеемся, время, когда будем говорить о наших событиях судом. И кто тогда будет более обвиняем — большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: «не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а Вы, ему послушные, идете за ним в пропасть осуждения»¹.

Так смотрел на себя и на митр. Сергия митр. Иосиф. Естественно, что при таком взгляде на церковную жизнь нельзя было рассчитывать на какое-либо авторитетное лицо, которое смогло бы переубедить их или заставить отказаться от намеченного ими пути.

Отметим, что крайность иосифлян, как следствие, выразилась еще и в том, что свои отрицательные взгляды на митр. Сергия они перенесли на Церковь, на храмы и таинства.

Православную Церковь, возглавляемую митр. Сергием и Собором православных архиереев, они признавали не чем иным, как только «царством антихриста». Все храмы и монастыри сергиевской ориентации называли «вертепами сатаны», а священников — его служителями, таинство св. Евхаристии — бесовской пищей².

Считая православных пастырей безблагодатными, иосифляне запрещали своим последователям, да и сами боялись приобщаться у сергианских пресвитеров. Все, что признавалось в Православной Церкви святыней — все это подвергалось поруганию и оплеванию со стороны последователей митр. Иосифа.

И печальным был тот факт, что никто из раскольников не думал останавливать тех лиц, которые возводили подобное поношение на Православную Церковь. Больше того, сами вожди раскола разжигали в своих последователях пагубную страсть и изощрялись в злохулениях на православную святыню.

В середине апреля 1928 года митр. Иосиф предпринимает попытку реабилитировать себя пред гражданской властью и получить право на свободный въезд в г. Ленинград. С этой целью он обращается к Е. А. Тучкову и пишет ему письмо, в котором просит снять с него возводимые на него обвинения³.

¹ См. Архив М. М. № 23.

² См. Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. Архив М. М. № 75.

³ Архив М. М. № 17.

Письмо это было рассмотрено соответствующим лицом, но цели своей не достигло. Обвинения, указанные в письме, вероятно, подтвердились, и митр. Иосиф остался проживать в Модеиском монастыре.

Это была его последняя попытка, после которой он уже ни к кому и ни за чем не обращался.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛА

Способы распространения

Отделившись от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием, вожди раскола, естественно, должны были не только упрочить свое положение, но и как можно больше вовлечь в это движение народные массы, духовенство и православный епископат. Миссия представлялась нелегкой.

Все сводилось к одному: признает ли народ и особенно епископат дело их заслуживающим поддержки или же нет. От этого зависел весь успех или же неудача.

Первое время распространение раскола явно набирало силу: тысячи простых верующих и десятки видных пастырей Ленинградской и других епархий откликнулись на воззвание отколовшихся епископов и пошли вслед за ними. Затем присоединилось несколько архиереев во главе с митр. Иосифом и даже подавали большие надежды «Ярославские» иерархи.

Однако спустя всего несколько месяцев дело изменилось. Первоначальный пыл уменьшился. Началась т. н. переоценка событий. Уменьшилось число присоединяющихся к расколу, хотя волнения в Ленинградской епархии продолжались. Не хватало епископского авторитета для такого большого дела. Авторитет же еп. Димитрия был слишком мал. Российский же епископат стоял на стороне митр. Сергия, хотя с некоторыми его действиями и был несогласен.

Желая, вероятно, заручиться поддержкой со стороны «Соловецкого» епископата и тем самым усилить движение Ленинградского раскола, еп. Димитрий послал в Соловецкую обитель своего послушника по имени Сергей. Сей «ревнитель благочестия» явился к епископам и в беседе с ними склонял их на сторону еп. Димитрия. Епископы заявили, что они осуждают ленинградский раскол и считают этот поступок безумием еп. Димитрия, который должен понести суровое наказание¹.

Характерно, что «Соловецкий» епископат подобных провокаторов, как послушник Сергей, приезжавших к ним в обитель, считал врагами церковного мира.

¹ Письмо прот. И. Шастова к митр. Сергию от 16 февр. 1928 г. См. Архив М. М. № 2-Б.

После неудачной попытки склонить кого-либо из «Соловецких» епископов на свою сторону еп. Димитрию оставалось действовать либо своим авторитетом, либо авторитетом других. Но так как своего авторитета было недостаточно, а другие авторитеты отказались его поддержать, то он и его единомышленники прибегнули к ложному способу создания авторитета своему делу. Он и другие отпадшие начали составлять списки архиереев, которые якобы отделились от митр. Сергия и присоединились к их движению. Списки эти, конечно, не лежали в канцелярии еп. Димитрия, а рассылались в разные города и области.

Таких списков было составлено в разное время и разными лицами несколько. Были списки, в которых числилось 18 архиереев, отшедших в раскол, в других 26, 28, а в одном списке даже 88 епископов. Но вся несостоятельность этих списков заключалась в том, что в них приводились имена таких архиереев, которые никогда не отходили от митр. Сергия. К примеру, в одном из списков (88) значится в числе раскольников даже еп. б. Лужский Мануил (Лемешевский)¹.

Подобная ложь не только говорила о нечестности уклонившихся в раскол, но и свидетельствовала о шаткости их положения.

Такой способ распространения, вернее, утверждения раскола был рассчитан большею частью на людей, мало знакомых с церковной действительностью, и он мог иметь свое действие только до времени.

Всякий слух, который мало-мальски говорил о каком-либо архиерее, что он недоволен распоряжениями митр. Сергия, использовался иосифлянскими вождями в своих целях. Так, например, узнав от кого-то, что митр. Новгородский Арсений (Стадницкий) недоволен кое-какими действиями митр. Сергия, распространили о нем молву, что и он состоит в числе оппозиционеров.

Для опровержения этих слухов митр. Арсений написал митр. Сергию специальное письмо от 28 марта (10 апреля) 1928 года, в котором ясно указал на то, что он никому не давал никаких полномочий вписывать его имя в число оппозиционеров, хотя и мог иметь по неосведомленности кое-какие недовольства на некоторые поступки Заместителя, и что действия митр. Агафангела, митр. Иосифа, еп. Димитрия и иже с ними он отнюдь не одобряет².

К числу ложных способов распространения раскола относится разного рода литература, издаваемая иосифлянами против митр. Сергия. В ней отдельные авторы старались как можно сильнее очернить личность первоиерарха. Сохранилась одна брошюра того времени под заголовком: «К характеристике митр. Сергия». Автор неизвестен. Она была написана в Нижнем Новгороде в начале 1928 г.

---

¹ Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая н. ст. 1928 г. (вечером). См. Архив М. М. № 70.

² См. Архив М. М. № 2-ж.

В ней автор приводит разные отрицательные факты из прошлой жизни митр. Сергия, явно пытаясь доказать, что он (митр. Сергий) «изменник и предатель свободы Церкви» и что в его деяниях скрыты личинки пагубной ереси. Все эти пасквили, распространяемые среди народа и духовенства отколовшимися, как бы завершались разными предсказаниями и сновидениями «блаженных» и «юродивых».

Одна из таких «блаженных» видела во сне Божию Матерь и вблизи Ее стоящего еп. Димитрия. Божия Матерь возложила якобы на него руку и что-то сказала ему к утверждению в вере.

Другие же видели более страшные сновидения: они видели, как последователи митр. Сергия пребывают в огне геенском, а последователи митр. Иосифа в великой славе¹. Словом, упомянутые странники, «блаженные и юродивые» «пророчествовали» в пользу раскола против митр. Сергия. И, конечно, находились люди, которые верили всем этим «бабьим басням» и отходили от церковного единства.

Территориальное распространение раскола

Центром, откуда пошло распространение иосифлянства, был г. Ленинград. Здесь фактически зародилось новое церковное движение и затем уже перебралось в окрестности и другие места.

С самого начала появления иосифлянства в Ленинграде и епархии в разделение перешли либо целиком, либо частично несколько храмов и монастырей. Таких храмов к концу апреля 1928 года насчитывалось около 20.

Главным храмом, где, можно сказать, сосредотачивались основные силы иосифлянства, являлся храм Воскресения, что на канале Грибоедова.

Весь причт этого собора почти в полном своем составе вступил на путь разделения и подписал акт об отделении от митроп. Сергия. Главную роль играл тогда и теперь настоятель храма проф.-прот. В. Верюжский. Ему содействовал прот. Феодор Андреев, известный нам из предшествующих глав своим письменным обращением к митр. Сергию. Здесь же служили видные протоиереи: ключарь собора кандидат богословия о. Никифор Стрельников, кандидат богословия Иоанн Никитин, Александр Флеров, Александр Тихомиров, Сергей Тихомиров — б. благочинный и духовник кающихся из обновления, священник Филофей Поляков, Боголюбов и др. Все они были единого духа и направления. В храме Воскресения совершали богослужения еп. Димитрий (Любимов) и еп. Сергий (Дружинин). Поминали митр. Иосифа.

Служили здесь иногда и проезжие архиереи, разделявшие взгляды иосифлян: еп. Алексей (Буй) б. Витебский и еп. Василий (Дохторов) б. Каргопольский.

¹ Беседа на текущие события церковной жизни (машинопись). Архив М. М. № 66.

В этом же храме совершались епископские и священнические хиротонии и присоединение к расколу.

Из других храмов разделения в г. Ленинграде известны следующие церкви:

1. **ЦЕРКОВЬ** на **ПОРОХОВЫХ** во имя Святителя Моисея Новгородского.

2. **ЦЕРКОВЬ** в **ПИСКАРЕВКЕ** Выборгского района в честь препод. Александра Ошевенского, б. монастырское подворье Олонецкой епархии.

3. **ЦЕРКОВЬ ДЕРЕВЯННАЯ** в б. Лютиковом подворье.

4. **ЦЕРКОВЬ** на **ПЕТРОВСКОМ ОСТРОВЕ**, в доме убежища престарелых артистов.

5. **ЦЕРКОВЬ СРЕТЕНИЯ** на Выборгской стороне.

6. **ЦЕРКОВЬ-ЧАСОВНЯ** в **ЛЕСНОМ**, б. Арзамасского Алексеевского женского монастыря.

7. **ЦЕРКОВЬ ГРУЗИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ**, при б. подворье Красногорского монастыря, Архангельской епархии, что на Георгиевской ул. Большой Охты. Разделение здесь окончательно произошло около весеннего Николина дня 1928 года.

8. **ТИХВИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ** в Александро-Невской Лавре. Здесь вся двадцатка признала своим духовным руководителем еп. Димитрия (Любимова). Сюда же перешли архим. Алексей Терехин, иеромонах Игнатий, иеромонах Григорий и архидиакон Варлаам. Происходило окропление храма. Окропление совершал б. духовник кающихся обновленцев прот. Сергей Тихомиров.

Разделение, как нам уже известно, коснулось не только г. Ленинграда, но и его окрестностей. Во многих сельских и городских храмах приходские советы и причты были недовольны действиями митр. Сергия и потому на призыв еп. Димитрия и еп. Сергия — порвать молитвенно-каноническое общение с первоиерархом — ответили согласием. Так появились церкви разделения в епархии.

Из них нам известны следующие церкви:

1. **ЦЕРКОВЬ** в **СТРЕЛЬНЕ**.

2. **ЦЕРКОВЬ НА СТАНЦИИ ВОЛОДАРСКОГО** (Сергиево, по Балтийск. ж. д.) во имя преп. муч. Андрея Критского. Здесь служил наездом о. Филофей Поляков.

3. **ЦЕРКОВЬ ГОСПИТАЛЬНАЯ** в **КРАСНОМ СЕЛЕ**.

4. **ЦЕРКОВЬ В ТАЙЦАХ** по Балтийской ж. д.

5. **ПРИПИСНАЯ ЦЕРКОВЬ** в **АЛЕКСАНДРОВКЕ**.

6. **ФЕОДОРОВСКИЙ СОБОР** в **ДЕТСКОМ СЕЛЕ**.

7. **ЦЕРКОВЬ СЕЛА УДОСОЛО**, Кингисеппского уезда.

8. **СТАРО-ЛАДОЖСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ**.

Среди монахинь произошло разделение. Одна часть инокинь, признавшая митр. Иосифа, объединилась вокруг игумени Анфисы (перешедшая потом к сергиевскому православному направлению), а другая, оставшаяся верной митр. Сергию, объединилась около Алексеевской б. монастырской церкви.

9. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ТИГОДЕ, б. Ново-Ладожского, Волховского уезда. Сюда в 1928 г. еп. Димитрием был поставлен диакон.

10. МОНАСТЫРЬ ЗЕЛЕНЕЦКИЙ.

11. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ТЕРЕБОНИЖЬЕ, возле Зеленецкого монастыря.

Перечисленные храмы и монастыри Ленинградской епархии присоединились к разделению в вышеуказанный период, т. е. с декабря 1927 года по апрель 1928 года включительно.

В этот же период, кроме церквей, известны так называемые персональные присоединения к расколу.

К ним принадлежат:

1. ИГУМЕНΙΑ ВЕРОНИКА с некоторыми монахинями из Воронцовского подворья Псковской епархии на Очаковской улице в г. Ленинграде.

2. МОНАХИНЯ МАКСИМИЛЛА и некоторые другие из Ладожского подворья у Нарвских ворот.

3. ИНОКИНИ ОЛЬГА и МАРИЯ из Бежецкого подворья.

4. МОНАХИНЯ ПАВЛА и еще несколько монахинь из упраздненного Полоцкого подворья за Нарвской заставой.

5. ДО 50-ти МОНАХИНЬ во главе с монахиней Иоанной из упраздненного Ивановского монастыря.

6. НЕСКОЛЬКО МОНАХИНЬ из Кикеринского монастыря, в том числе постриженница этого монастыря АНАСТАСИЯ КУЛИКОВА, жительствующая в квартире еп. Димитрия (Любимова) и принявшая схиму.

7. СХИМНИЦА ЕКАТЕРИНА и около 20 монахинь из Воскресенского Новодевичьего монастыря.

8. ИЕРОДИАКОН НЕСТОР и ИГУМЕН КЛАВДИЙ из Киевского подворья.

В период с мая 1928 г. по осень 1929 г. известны еще несколько храмов Ленинградской епархии, принимавших участие в разделении.

1. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПРЕП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО за Нарвской заставой в г. Ленинграде по ул. Стачек (Петергофское шоссе) присоединилась к разделению перед Мясопустным воскресением 1929 г.

2. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ГАТЧИНО Кингисеппского уезда. В сентябре 1928 г. сюда был назначен еп. Димитрием другой священник.

3—4. ЗНАМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ и кладбищенская ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ в старом Петергофе.

5. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ МЫСЛОВО по реке Волхове.

6. ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СВ. АПОСТОЛОВ ПЕТРА и ПАВЛА в с. Вырица Детскосельского уезда.

7. ЦЕРКОВЬ ПОДВОРЬЯ КАВКАЗСКОГО МОНАСТЫРЯ в том же уезде.

8. ЦЕРКОВЬ в НОСЕЛКЕ.

9. ЦЕРКОВЬ в НОВИНКАХ.

10. ЦЕРКОВЬ в с. ГЕОГРИЕВСКОМ.
11. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ВШЕЛЯХ, Лужского уезда.
12. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ ПОСОЛЮДИНО, того же уезда.
13. ЦЕРКОВЬ в СЕЛЕ КРАСНЫЕ ГОРЫ.
14. ЦЕРКОВЬ села БАРАНОВА, Лужского уезда.
В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЕ:
15. ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ.
16. НИКОЛО-ФЕОДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
17. ИОСИДОРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.
18. ДУХОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Около 3-х недель обслуживалась иосифлянами.
19. ЦЕРКОВЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ, что на ул. Марата.
20. ЦЕРКОВЬ СЕЛА ЛЕБЯЖЬЕ, за Ораниенбаумом.
21. В г. Троицке (Гатчино). Сюда приезжал еп. Димитрий к болящей Марии Леленовой.
22. ПАДАНСКОЕ ВВЕДЕНСКОЕ ПОДВОРЕ, по Белой дороге на Большой Охте. Половина монахинь во главе с заведующей монахиней ПАНТЕЛЕЙМОНОЙ ЗАЙЦЕВОЙ в конце 1928 г. присоединилась к разделению.

Итак, по количеству тех церквей (42), которые мы перечислили, видно, что разделение довольно широко распространилось в Ленинградской епархии. Оно охватило Кингисеппский, Лужский, Волховский, Детскосельский и др. районы области.

Однако одной Ленинградской епархией разделение не ограничилось. Оно, как нам уже известно, возникло и в других епархиях, чему, несомненно, содействовало либо влияние Ленинградского раскола, либо однообразие причин, порождавших это разделение.

Так, в г. Твери первоначально присоединились к расколу женский ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ монастырь, а затем НИКОЛЬСКАЯ церковь Желтиковского монастыря, в богатом рабочем районе. В последнюю, после смерти архим. Иосафа, был назначен из храма Воскресения еп. Димитрием иеромонах Горгоний, постриженник Ново-Афонского монастыря. Здесь уже было прямое воздействие ленинградских раскольников.

В г. Серпухове Московской епархии разделение обязано еп. Алексию (Готовцеву).

Почти половина — 8 церквей — отошла от митр. Сергия и присоединилось к еп. Димитрию (Любимову). Акт отделения, как нам уже известно, был подписан серпуховским духовенством 30 декабря ст. ст. 1927 г. В феврале 1928 г. сюда был назначен иосифлянского поставления еп. МАКСИМ (Жижиленко), по образованию доктор медицины.

В самой Москве известны три церкви, находившиеся в разделение:

а) ГРУЗИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ в Китай-Городе.

б) ВОЗДВИЖЕНИЯ, на Воздвиженке.

в) НИКОЛА БОЛЬШОЙ КРЕСТ, в Китай-Городе.

В последней главным инициатором разделения являлся настоятель этого храма прот. Валентин Свенцицкий.

Это был человек незаурядных способностей, имевший большое влияние на интеллигенцию г. Москвы. Характерно, что он и его образованная паства жили как бы единым духом, единым движением сердца и одними мыслями.

Незадолго до своей кончины, последовавшей после 1930 года, он осознал свою ошибку и, примиренный с митр. Сергием, скончался о Господе.

Параллельно с ленинградским расколом возникло самостоятельно разделение в уездах Глазовском, Котельническом, Яранском, Слободском и в слободе Кухарка Вятской епархии.

Отделившиеся церкви возглавил еп. Глазовский Виктор (Островидов). О нем мы будем говорить в отдельной главе.

Там же отделился 4 марта н. ст. 1928 г. еп. Яранский НЕКТАРИЙ (Трезвинский) и еп. ИЛАРИОН (Бельский).

В г. Никольске, Вологодской губернии, разделение возглавлялось еп. ИЕРОФЕЕМ (Афониным).

Разделение проникло в соседнюю Новгородскую епархию.

В самом Новгороде перешла в раскол СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ церковь, а в епархии — в Московцах близ станции Мшинск и в селе Велебница.

Из Перекомского монастыря община из 12 братьев во главе с архим. Сергием присоединилась к расколу.

В Воронежской епархии несколько церквей: в с. Избердей близ ст. Грязи и в с. Придача, возглавлявшиеся еп. АЛЕКСИЕМ (Буй).

Отдельные церкви присоединились к разделению в Киеве, на Кубани (сюда ставились еп. Димитрием священники), в Псковской епархии вблизи Витебской губернии и на Урале.

Небольшие общины чисто иосифлянского происхождения были насаждены в г. Красноярске (архим. Неофитом), в г. Киеве и в Харькове.

В Харькове община была образована архим. Киево-Печерской Лавры КЛИМЕНТОМ и архим. МАКАРИЕМ. Оба архимандрита и 4 монаха перешли к еп. Димитрию. Здесь же вошел в молитвенное общение с еп. Димитрием еп. б. Ялтинский ПАВЕЛ (Кратиров).

Вот, собственно, те епархии, которых коснулась волна разделения. Она охватила сравнительно небольшую территорию. Если не считать тех городов, где возникли малые общины, то получится, что разделение произошло в Москве и частично в Московской епархии и в епархиях: Тверской, Вятской, Воронежской, Псковской и на Кубани.

Да и в этих епархиях число церквей, перешедших в иосифлянство, не считая церкви в Серпухове и в Вятской епархии, было так незначительно, что они едва были заметны среди храмов сергиевского православного направления.

ЛИЦА, УШЕДШИЕ В РАСКОЛ

Мы не имеем в виду в данной главе перечислять всех лиц, которые уклонились в разделение — да это технически и невозможно. Мы намерены дать лишь общую оценку их духовно-нравственного облика.

Итак, что же это были за лица, восставшие против своей законной Церковной Власти?

Кратко мы можем ответить, что это были лица не одинаковых нравственных и моральных качеств.

Одни из них были людьми идейными, а другие либо руководствовались личными интригами, либо преследовали чисто социальные цели. И это подтверждается действительностью. К примеру, возьмем епископов, ушедших в разделение.

Так, еп. Димитрий (Любимов) еще в дни своего пастырства был скромным, обычным рядовым священником и чем-либо особенным не отличался. Это был, как говорил о нем один из русских святителей, человек с «купеческой» расчетливостью. И трудно сказать, что толкнуло его на путь разделения: чистота ли Православия или же вышеуказанная расчетливость? Во внешнем проявлении действовало как будто бы первое, но а что скрывалось внутри него — об этом ведает один Господь.

Еп. Сергей (Дружинин) — выходец из простецов. Придворный царский духовник. Он, естественно, тяготел к старым временам и не мог симпатизировать новому Советскому Правительству и тем, кто так или иначе стремился к тесному взаимоотношению с гражданской властью.

Митр. Иосиф, как нам известно, отделение свое созидал не столько на идейности, а сколько на личной неприязни* к митр. Сергию.

То же самое можно сказать и о еп. Евгении (Кобранове) — своим отделением он сводил личные счёты с первоиерархом.

О других епископах мало что известно. Словом, уклонившиеся в иосифлянство епископы не отличались большой идейностью, хотя и стремились показать себя таковыми пред людьми.

Все они страдали духовной недалёковидностью, не дававшей им правильно оценивать ход исторических событий в прошлом, настоящем и будущем.

Гораздо большей идейностью и, можно сказать, примерностью и нравственной чистотой отличалось низшее духовенство.

Среди них были замечательные пастыри, показавшие себя стойкими борцами за чистоту Православия. Таковыми были: проф.-прот. В. Верюжский, прот. Сергей Тихомиров и другие.

Не зря поэтому еп. Серпуховский Мануил выражал свою скорбь по поводу их отделения. «Отошли, откололись наилучшие пастыри, — с болью в сердце говорил он, — которые своей не-

---

* Об этом говорит сам митр. Сергей в своем письме к митр. Агафангелу от 10 фев (28 янв.) 1928 г. См. Архив М. М. № 2.

порочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других»¹.

Однако были и такие, которые думали о себе слишком высоко и даже в своих догматических взглядах на Церковь допускали погрешность. Таков, например, был прот. Феодор Андреев, который заранее брал ориентацию на католичество, распространяя в Ленинграде взгляды В. Соловьева², и другие.

Лица из мирян, ушедшие в раскол, делились на три группы.

К первой группе относилась академическая и ученая интеллигенция, которая по своим религиозным взглядам не могла идти на сделки со своей совестью, усматривая в деяниях митр. Сергия отступление от истины.

Ко второй группе принадлежали лица высшего светского класса царской России: старые чиновники и др.³. Большинство из них были недовольны новым социальным строем, установленным Октябрьской революцией. Они-то и потянулись под покров иосифлян, надеясь найти себе в них верных союзников, и иосифлянский раскол, наряду с религиозным движением, принял окраску политическую.

К третьей группе принадлежал простой народ, который в делах веры руководился больше чувством, чем разумом.

В большинстве своем здесь были «люди экзальтированные, не всегда уравновешенные, нередко чуждые элементарных понятий церковных и богословских, смешивающие свои гражданские симпатии с религиозными идеалами и все вместе взятые не имеющие никакого понимания соборного спасения в Церкви»⁴.

Мы уже видели, что сюда относились «блаженные», «юродивые», «странники», «провидцы» и т. п. Среди них можно было увидеть людей, слепо веривших всяким небылицам и до фанатизма настроенных против своих противников.

В Серпухове, например, последователи иосифлян из простой массы настолько сильно питали ненависть к сергиевским священнослужителям, что правящий православный епископ боялся ходить в храм один, так как иосифляне всегда держали у себя за пазухой камни и грозили при всяком удобном случае нанести увечье архиерею.

Таковы были лица, отложившиеся от митр. Сергия и образовавшие иосифлянский раскол.

---

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Троицком соборе в воскресенье 29 апр. 1928 г. в г. Ленинграде. См. Архив М. М. № 70.

² Правда о религии. Москва, 1956 г., стр. 396.

³ «Известия ЦИК», апрель 1928 г.

⁴ Пастырское послание еп. Мануила от июля 1928 г. См. Архив М. М. № 8.

ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКОЛА И КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Казалось, что с отходом от митр. Сергия иосифляне прежде всего должны были бы образовать какое-либо центральное церковное управление, которое руководило бы всеми сторонами жизни нового общества.

Но, как показывает действительность, этого они не сделали. У них были свои определенные цели и планы, исключавшие совершенно вопрос о какой-то организации центрального управления. Фактически иосифляне не стремились создать раскола или особого общества, находящегося вне единства церковного. Их главная цель заключалась в том, чтобы своим отходом от митр. Сергия сохранить свободу Церкви и оградить себя и паству от якобы пагубных действий первоиерарха. Более того, они, как ясно заявил об этом митр. Иосиф, признавали не себя ушедшими в раскол, а митр. Сергия и всех единомышленников ему архиереев. Отсюда, следовательно, у них создавалось понятие, что они находятся и будут находиться в недрах Православной Церкви. Вопрос же об организации управления в широком масштабе ими не поднимался, а о том управлении, которое принадлежало по праву каждому епископу, они мыслили так: во главе Ленинградской епархии стоит митр. Иосиф. Ему, как епархиальному архиерею, подчинены викарные епископы, пастыри и все миряне. Церковная область управляется самостоятельно на правах автономии.

Вот так мыслили и в таком виде, вероятно, предполагали первоначально епископы-иосифляне сохранять церковно-административное управление в Ленинградской епархии. Однако церковные события изменили в них первоначальное направление и приблизили их к расширению епископских полномочий.

По принципу церковных правил, каждый архиерей управляет и руководит паствой только в пределах своей епархии. По этому принципу и отделившиеся архиереи Ленинградской епархии, поскольку они стремились к соблюдению чистоты Православия, должны были бы управлять и делать соответствующие распоряжения только в пределах Ленинградской области, как это сделали Ярославские иерархи. Но они нарушили этот принцип и, незаметно для себя, в сущности, предвосхитили себе права первоиерарха, т. е. простерли свою власть за пределы своей епархии. Из областных архиереев они превратились во всероссийских. Правда, они не создавали специального центрального, хотя бы и временного, церковного управления, как это сделали григорианцы, образовавшие Временный Высший Церковный Совет, но; однако, своими действиями епископы-иосифляне показывали, что церковно-административное управление находится в их руках и что от них должно исходить всякое распоряжение, имеющее общецерковное значение.

Характерно, что иосифляне стремились объединить даже Ярославскую оппозицию под главенством митр. Иосифа¹ и тем самым еще сильнее упрочить за собой первенствующее значение в церковном управлении. Этого они не достигли, но самый факт их действия показывал о наличии в них стремления сосредоточить в себе церковно-административную власть.

Как показывала действительность, с того момента, когда митр. Иосиф официально стал во главе отколовшихся, Ленинградские викарии и, в частности, еп. Димитрий (Любимов) вышли из области своих полномочий и простерли свои действия за пределы Ленинградской епархии. Так, прежде всего, они обращаются с архипастырскими посланиями в другие епархии с целью либо склонить на свою сторону духовенство и мирян, либо утвердить их на пути совершившегося уже отделения. Затем они рукополагают священников и посылают их в приходы Вятской, Краснодарской и других епархий и даже поставляют своего епископа Максима в Серпухов, хотя прекрасно знают, что там есть законный православный еп. Сергей (Гришин).

Подобные действия не были уже действиями только епархиального или викарного архиерея — они приобретали всю силу первоиерарха, а отсюда, следовательно, и епархиальное управление принимало структуру Высшего Церковного Управления.

Но как рассматривать с точки зрения церковных правил действия иосифлянских епископов и их форму правления?

Рассматривать можно только отрицательно.

Не говоря уже о том, что и их отделение от митр. Сергия и служение в состоянии запрещения, в соответствии с правилами 31 Ап. 14 Констн. Двукр. Соб., 14 Сард. Соб., 28 и 38 Карфаг. Соб., были противоканоничны, настоящие их действия и форма правления идут в полный разрез с церковными постановлениями.

2-е правило Второго Всел. Собора определенно говорит, что «областные епископы да не простирают своея власти на церкви, за пределами своея области... Не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своея области для рукоположения или какого-либо другого церковного распоряжения...»

То же самое подтверждает и 8-е правило III Всел. Собора: «...дабы никто из боголюбнейших епископов не простирает власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников: но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную: да не преступаются правила отец...»

«Епископ, — говорится в 35 Апост. правиле, — да не дерзает вне пределов своея епархии творити рукоположения во градах и в селех ему не подчиненных. Аще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные, или села: да будет извержен и он, и поставлении от него».

---

¹ См. Пис. митр. Агафангела к митр. Сергию от 25 марта 1928 года. Архив М. М. № 48.

По точному смыслу приведенных правил ни митрополит, ни епископ области или епархии не имеет власти вторгаться в дела другой епархии, и если отделившиеся архиереи распространяли архипастырские послания и рукополагали для других епархий священников и даже архиерея, то они явно нарушали церковные правила.

В соответствии с этим и форма правления отколовшихся иосифлянских епископов имела антиканонический характер.

Так ли или иначе, а в устройении церковного управления имеет значение собор православных епископов, от которого оно и получает свое утверждение. Управление же иосифлян было самовольным, дерзким и преступным, если не сказать больше.

Правда, они заявляли, что своей якобы церковной главой они признают митр. Петра, с которым и находятся в молитвенно-каноническом общении. Но, во-первых, о деяниях иосифлянских вождей митр. Петр ничего не знал и никакой санкции на устройство ими своего управления не давал, а во-вторых, они и Патриаршего Местоблюстителя признавали постольку, поскольку предполагали видеть в нем своего единомышленника, и достаточно было бы услышать им, что митр. Петр одобряет деяния митр. Сергия, как они с презрением отвергли бы и его над собой власть. За митр. Петра они только прятались и скрывали свои антиканонические стремления и действия. Фактически они уже были разобщены не только с митр. Сергием и единомышленным ему епископатом, но и с Патриаршим Местоблюстителем, и если они установили свои формы правления, то установили их самочинно и не к созиданию, а к разрушению церковного единства.

ОТНОШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ЕПИСКОПАТА И ДУХОВЕНСТВА К ИОСИФЛЯНСКОМУ РАСКОЛУ

В большинстве своем православный российский епископат и духовенство, оставшиеся верными митр. Сергию, отнеслись к новому разделению в Церкви отрицательно. Правда, среди них были такие епископы и пастыри, которые не только неодобрительно, но и осуждающе смотрели на некоторые действия митр. Сергия, но тем не менее достаточных оснований к отделению от него не находили. Они признавали, что лучше и полезнее снизойти к немощам своего первоепископа, чем создавать новый раскол. К этому были у них свои положительные предпосылки.

На церковной арене еще не утихли бури. Обновленчество хотя и было надломлено в своем основании, тем не менее еще продолжало разрушающе действовать на православную паству. А тут появилось григорианство, внесшее свою долю нестроения в церковную жизнь. Епархиальная и приходская жизнь была еще не благоустроена.

Все это тяжело ощущалось православным населением.

И создавать после этого какое-то новое деление — значит

увеличивать и без того бедственное состояние Церкви. Вот почему, когда ленинградские викарии и митр. Иосиф вступили на путь разделения, они отнеслись к этому шагу отрицательно.

Мы остановим свое внимание на тех епископах и пастырях, которые не только высказывали свое осуждение расколу, но и принимали то или иное участие в борьбе с разделением. В этом отношении большое значение имеют «соловецкие» епископы. Правда, они, по условиям жизни, не имели возможности письменно обращаться к раскольникам, но тем не менее их суждения и высказывания против раскола разным способом доходили до слуха епископов и мирян.

Характерно, что «соловецкие» епископы внимательно следили за каждым ударом пульса церковной жизни и живо реагировали на те или иные события, возникавшие в недрах Церкви.

Еще в то время, когда только что начиналось волнение среди епископов, пастырей и мирян, вызванное декларацией и новой политикой митр. Сергия,— еще тогда они, хотя и не были всецело согласны с некоторыми пунктами декларации, осудили всякий шаг к разделению. Теперь же, когда им стало известно, что еп. Дмитрий и иже с ним дерзнули нарушить церковный мир, они не только осудили виновника разделения, но и признали поступок его безумием, за который он подлежит суровому наказанию.

Известны имена некоторых «соловецких» епископов, стоявших на страже церковного единства. К ним принадлежали: архиеп. Иларион (Троицкий), архиеп. Прокопий (Титов), архиеп. Амвросий (Полянский), архиеп. Евгений (Зернов), еп. Глеб (Покровский)¹, еп. Мануил (Лемешевский), архиеп. Петр (Зверев) и др.

Их мнение разделяли некоторые лица духовного и светского звания: прот. Иоанн Шастов из Оренбурга и профессор Иван Васильевич Попов.

Мы располагаем одним письмом архиеп. Илариона (Троицкого) от 21 июля 1928 года, в котором выражен его взгляд на новое разделение в Церкви. А поскольку взгляд архиеп. Илариона был доминирующим среди «соловецкого» епископата, то мы не погрешим, если скажем, что его письмо отображает взгляд и остальных епископов.

Вот подлинная выписка из письма архиеп. Илариона:

«Что реку о всем. А то, что всем отделяющимся, я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13—15 Двукр. Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно

---

¹ Письмо проф. И. Шастова к митр. Сергию от 16 фев. 1928 г. Архив М. М. № 2-6.

ошибочное, вовсе не есть «казус белли». Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (т. е. касающееся отношения к государственной политике и под.) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну, а возьмите деятельность, хотя бы Синода с 1721 по 1917 г. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и, однако ведь, не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное есть терциус гаудеис и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»¹.

Как видно из письма, взгляд самого архиеп. Илариона и, следовательно, и остальных находившихся с ним епископов на дело носифлян был только отрицательным.

Они (епископы) не только не сочувствовали отделившимся, но и считали дело их неосновательным, крайне вредным и даже тяжким церковным преступлением.

О самом митр. Иосифе архиеп. Иларион определенно высказывался и заверял, что он (митр. Иосиф), как допустивший грех отделения по злобе, останется до конца своей жизни при своих убеждениях.

«Открыточку Вашу получил, — писал он одним знакомым. — Рад, что письмо мое Вы получили, которое долго ждали, но только что не по моей вине долго дождаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали. Он мол отступник. И как пишут, будто без ума они. Сам в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругаются по пустякам и зря, вред себе и другим делают. Так-то, дорогой мой»².

Заверение архиеп. Илариона, действительно, оправдалось: митр. Иосиф так и остался в расколе.

Наряду с «соловецкими» епископами, болезненно переживали церковное разделение б. ленинградские епископы: Сестрорецкий

¹ См. Архив М. М. № 11.

² Письмо архиеп. Илариона от 12 авг. 1928 г. См. Архив М. М. № 13.

к стр. 106 Варлаам Ряшенцев
Архiep. б. Пермский

к стр. 251 Афанасий (Сахаров)
Еп. Б. Ковровский

к стр. 251 Кирилл (Смирнов)
Митр. Казанский и Свияжский

к стр. 262 Амфилохий (Скворцов)
Епископ Красноярский

Николай (Клементьев), Кронштадтский Венедикт (Плотников) и Ладожский Иннокентий (Тихонов).

Все они порознь высказывались против раскола и присылали разным лицам в Ленинград письма, в которых, с одной стороны, доказывали, что в действиях митр. Сергия нет нарушения ни догматов, ни канонов, ни уставов (еп. Венедикт), а с другой — убедительно разоблачали всю несостоятельность греховной идеологии митр. Иосифа и еп. Димитрия (еп. Николай и еп. Иннокентий).

Еп. Иннокентий (Тихонов) не ограничился письмами к частным лицам, но и написал обширное письмо еп. Димитрию.

Письмо это (как и другие) не сохранилось, так что само содержание осталось неизвестным. Но надо полагать, что еп. Иннокентий убеждал в нем еп. Димитрия оставить свой греховный шаг и возвратиться на правый путь. Однако убеждения православного иерарха не подействовали на епископа Димитрия. Последний 1 июля 1928 г. ответил епископу Иннокентию обширным письмом, в котором повторил свои отрицательные взгляды на Православную Церковь, возглавляемую митр. Сергием. Очень жаль, что этого письма не сохранилось, а оно ценно тем, что в нем обстоятельно раскрыта вся идеология раскола¹.

Из писем еп. Николая (Клементьева) сохранилось, правда, в отрывках, одно весьма важное письмо к О. Ф. Б., написанное им в январе—феврале 1928 года. В нем он довольно логично на основании прошлой истории Русской Церкви и правильного умозаключения разоблачает непоследовательность митр. Иосифа и его действия.

Вот каковы суждения еп. Николая относительно сказанного выше:

«...Действия митр. Иосифа,— пишет он,— мне кажутся непоследовательными и не чуждыми некоторой тонкой своекорыстности.

1. Непоследовательны: прерывая общение с митр. Сергием, Владыко Иосиф поддерживает свое общение с митр. Петром, поддерживающим и одобряющим митр. Сергия. Выходит против математического правила: две величины, равные порознь третьей...

2. Но пряди тонкого своекорыстия почему-то обнаружались не тотчас после обнародования сергиевского обращения, а спустя два месяца, когда митр. Иосифа задело организационно-административное колесо Синода и митр. Сергия. Получается впечатление при чтении Иосифовских документов такое, что они не появились бы на свет, если бы автор их не был затронут служебным продвижением к некоторому понижению. Не протестовал он в прошлом году при назначении с Ростовской кафедры на Ленинградскую; полагаю, что не протестовал бы и в том случае, если бы обращению митр. Сергия сопутствовало бы какое-либо заявление с другой стороны, облегчающее положение Церкви.

¹ Беседы на текущие события церковной жизни. (Машинопись). См. Архив М. М. № 66.

Эти соображения ослабляют только силу протеста, но не уничтожают. Принципиальная сторона его — теряет ли Церковь вообще или священноначалие в частности свою чистоту и правду от своих заявлений покорности и содействия безрелигиозной власти — великий вопрос, который, независимо от осложнений личной борьбы действующих лиц, ставится жизнью и совестью людей и, конечно, когда-нибудь найдет свое решение. Если обращение сделано, выражаясь словами Писания, «уповающе токмо в животе сем», то оно и воспримет здесь свое возмездие, если же автор его живет в надежде живота вечного — чего, я думаю, отрицать никак не следует, — то надо усматривать и мотивы издания обращения не шкурнические (простите грубое слово) и продажные, а попечительные о Церкви и преследующие ее спасительную пользу. В худшем случае, надо думать, митр. Сергей добросовестно заблуждается, а не сознательно предательствует. Лично я оцениваю его действия так: «Понятие «общества» (Церковь в ее человеческой половине) и народа шире понятия государства и власти — отсюда в конституциях вполне понятны и допустимы любовь к отечеству (народу и Церкви) и вражда к другим партиям, как органам управления. Сколько сменялось видов государства, устройства и форм власти только, например, в нашей истории, а народ русский — все один и Церковь единая православная. Любовь к Церкви и народу (Рим. гл. XII и I Кор. гл. XIII) долготерпеливо побеждала злое государство и власти.

Мы, архипастыри, как лица апостольского преемства, ответственны не за себя только и за свой исторический момент, но и за все прошлое. Дерзаем ли мы, например, осудить Церковь Петровского периода за то, что она, выстрадав от всешутейского и всепьянейшего церковного сообщества (собора), пошла на устройство свое в новых условиях тогдашней жизни и постепенно их изгладила? Если она ошиблась тогда, то мы, «зиждя грады пророческия», тем самым виним себя и продолжаем их ошибку, — следовательно, неправославны. Но такого сознания в нас нет: несмотря на личные недостатки Феофана Прокоповича, Церковь не извергла его, хотя современники и сторонники Феодосия Яновского весьма зазирали его и хотя наша иерархия есть ведь и его преемница. Так и митр. Сергей верит в избранный им путь церковного устройства и поскольку до него наши архипастыри и пастыри не противились законодательству советской власти в церковных делах до обращения митр. Сергея, по совести стараясь исполнять инструкции, несоответствующие канонам, и за это их не осуждали (в числе исполнителей были особенно ревнивы и нынешние противники митр. Сергея), постольку не следовало бы спешить осуждать, а тем более порывать с митр. Сергием сейчас, ибо, в сущности, пока он ничего не прибавил к тому, что фактически было...»¹.

Доводы еп. Николая настолько обстоятельны и правдивы, что с ними нельзя не согласиться, и хотя нам неизвестно, какое дей-

¹ См. Архив М. М. № 2-з.

ствие они оказали на противников митр. Сергия, однако для тех, кому было послано письмо, эти доводы служили твердой опорой в противодействии расколу.

Из числа тех епископов, которые находились на епархиях, активное участие в борьбе с разделением принимали: митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), еп. Петергофский Николай (Ярушевич) и еп. Тутаевский, вик. Ярославской епархии Вениамин (Воскресенский). Все они, в меру своих сил и возможностей, в проповедях и беседах разоблачали заблуждения отколовшихся от своего первоиерарха и призывали верующих к церковному единству.

В Серпухове, где, как нам известно, немало было ушедших в разделение, принимал живое участие в противлении расколу еп. Серпуховский Сергей (Гришин).

Ему пришлось за свое противоборство испытать на своих плечах безумие носифлян, выразившееся с их стороны во всевозможных поношениях, оскорблениях и т. п. дерзостях.

О рядовых пастырях, боровшихся с расколом, нет особой нужды говорить много: каждый из них, кто так или иначе соприкасался с носифлянством, вносил своими проповедями долю участия в борьбе с расколом. Их труды в этой области благословлены Богом и одобрены Церковью.

Но мы отметим некоторых духовных лиц, участие которых в прекращении церковных смут проявилось в письменной форме.

К числу таких лиц относится о. Всеволод — пришлец в Ленинград, а затем удаленный. Он был своего рода духовным старцем. Под его руководством находились многие православные жители г. Ленинграда. В своих взглядах на деяния митр. Сергия и Патриаршего Синода о. Всеволод частично приближался к «соловецкому» епископату, а частично — к носифлянам. Он осуждал мероприятия митр. Сергия, но считал их только частным каноническим преступлением первоиерарха и находил, что эти преступления не настолько велики, чтобы ради них порывать молитвенное общение с митр. Сергием и считать его безблагодатным.

В то время, когда он находился вне пределов г. Ленинграда, в Ленинградской епархии возникли церковные смуты и нестроения. Это, конечно, болезненно отразилось и на его духовных чадах. О своих смущениях они поведали своему духовному отцу, который не замедлил ответить им во утешение письмом такого содержания:

«Знаю, что у вас великие церковные недоумения и нестроения. У вас произошло разделение на две части. Одни стоят за митр. Сергия и за Синод, другие — против. Беспристрастно судя, и те и другие неправы. Митр. Сергей и его Синод выпустили воззвание, в котором смешивают церковное дело с политикой и совершают перемещение епископов помимо воли последних, издают распоряжения, которые по совести не могут исполнять многие право-

славные, и превышают свои церковные права — права лишь Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

Все это вредные для Церкви мероприятия. Они составляют частное каноническое преступление митр. Сергия и иже с ним. Но не таковы еще эти преступления, чтобы можно было объявлять митр. Сергия безблагодатным и требовать немедленного разрыва молитвенного с ним общения. Правы те, которые выставляют против митр. Сергия обвинения: но глубокая, ничем не оправдываемая ошибка их заключается в том, что они порвали общение с ним и даже объявляют его еретиком, а всех, находящихся в общении с ним, безблагодатными. Думаю, что они за это будут отвечать перед Господом. Есть, следовательно, неправда у одних, есть она и у других. Взаимные прещения одной и другой стороны не имеют поэтому никакой силы, потому что при этих прещениях ни та, ни другая сторона не опирается на истину Православия. Лишь то запрещение влечет за собою лишение благодати, которое согласно с волей Божией, выраженной во всей совокупности Православия. И лишь то благословение влечет за собою ниспослание благодати, которое согласно с волей Божией. Если же этого согласия нет, то не только благодать не отымается и не посылается, но сама церковная жизнь показывает, что все такие действия Церковью не принимаются, хотя бы их совершали великие Вселенские Соборы и самые православнейшие патриархи и синоды.

Таковы действия той и другой власти у вас. Обе не имеют догматической и канонической основы в своих прещениях друг на друга. И вы можете свободно ходить в те и другие храмы, моля Господа, чтобы Он дал каноническую правильность в отношениях между православными и умирил бы Церковь Свою.

Нельзя ходить только к явным раскольникам: обновленцам, григорианцам и украинцам. Этим последним бойтесь: они — безблагодатны»¹.

Характерно, что о. Всеволод стоял на принципе отрицания церковных прещений, считая их недействительными в том деле, которое совершено носифлянами и сергианами. Конечно, в этом был его субъективный взгляд, основанный на ложных предположениях.

Он смешал простые суждения о деяниях митр. Сергия с осуждением, завершенным молитвенно-каноническим разрывом с первоиерархом, которое неминуемо влечет за собой церковное отлучение (14 пр. Двукр. Собора).

Мы сознательно привели письмо о. Всеволода, чтобы показать, что среди духовенства, пользовавшегося известного рода авторитетом, были такие священники, которые к вопросу о ликвидации нестроений в Ленинградской епархии подходили с точки зрения взаимных компромиссов враждующих сторон.

Письмо о. Всеволода перепечатывалось и передавалось от одного лица к другому, но какое оно имело действие на верующих, нам

¹ См. Архив М. М. № 22.

неизвестно, однако для его духовных чад оно было вполне достаточным, чтобы устранять из их сердец смущение, вызванное церковным настроением.

Необходимо упомянуть и о великом Ленинградском старце о. Михаиле (Прудникове), который хотя и не писал ничего против раскола, но однако своей жизнью и беседами с приходящими к нему людьми он удерживал верующих от разделения.

Еп. Димитрий (Любимов) уважал о. Михаила и даже надеялся, что он поддержит его авторитет, но последний ни на минуту не соглашался с руководителем раскола.

Отец Михаил о печальном состоянии церковной жизни, происходившем от разделений, так говорил: «Ныне Церковь Божия вся в огне!»

А когда он умирал, то произнес такие последние слова: «Слава Богу, что я умираю в Православии. Великая беда тем, кто ушел в раскол».

После смерти о. Михаила (+3/IX-29 г.) о. Петр Крестовоздвиженский, его духовник, не ходивший до этого времени в те церкви, где поминали митр. Сергия, сразу же поспешил в храм «Скоропослушницы» и сказал, что молитвы о. Михаила спасли его от «пропасти», т. е. от раскола, а он весьма приближался к ней все время и влек за собою других.

БОРЬБА ЕП. МАНУИЛА С ИОСИФЛЯНСКИМ РАСКОЛОМ И ПОПЫТКА ИОСИФЛЯН СКЛОНИТЬ ЕГО НА СВОЮ СТОРОНУ

В истории борьбы и ликвидации иосифлянского раскола в самом центре его зарождения первенствующее место занимает еп. Серпуховский Мануил (Лемешевский).

О его деятельности можно было бы ограничиться кратким замечанием, но поскольку на фоне этой деятельности раскрывается история иосифлянского раскола (стремление иосифлян упрочить свое положение чрез создание нескольких церковных областей под главенством митр. Иосифа и еп. Мануила), постольку его деятельность в борьбе с расколом мы осветим подробно.

Чтобы яснее понять значение еп. Мануила в деле ликвидации иосифлянского раскола и стремление иосифлян склонить его на свою сторону, мы скажем несколько слов о его прошлой архиерейской жизни.

В сентябре 1923 года еп. Мануил был послан Патриархом Тихоном в Ленинград на борьбу с обновленческим расколом.

Началась горячая битва. Твердыня обновленчества поколебалась, дала широкую трещину и начала рушиться в своем основании. Одна за другой переходили церкви из обновления в Православие, приносили покаяние маститые протоиереи и священники, а народ плакал и своими слезами выражал радость о победе Православия над обновленчеством.

Прошло 144 дня с момента вступления еп. Мануила в северную столицу, и Ленинград оказался в руках православных. Обновленчество потерпело поражение.

Борьба, которую с таким успехом провел еп. Мануил, сроднила его с Ленинградской паствой и снискала ему имя как одного из стойких борцов за Православие.

Даже сам еп. Димитрий (Любимов), тогда еще протоиерей, говорил о нем, что он подобен каменному столпу, высоко возвышающемуся над городом.

В феврале 1924 года еп. Мануил покинул Ленинград и поселился в обители преп. Зосимы и Савватия. Но Ленинградская паства не забыла его. Она терпеливо ждала его возвращения.

Когда в конце 1927 и начале 1928 года возникло разделение, то многие измученные и истерзанные от возникших смут и нестроений спрашивали еп. Димитрия (Любимова): «За кем же нам идти: за митр. Сергием или же за митр. Иосифом?» И тот отвечал: «Подождите, вот скоро вернется еп. Мануил, и он скажет, за кем вам идти».

И эти люди, именно для которых авторитет еп. Мануила был высоким, с сердечным страданием ожидали того благословенного дня, когда они смогут услышать из уст поборника Православия слово, указывающее им верный путь. И многие тогда говорили друг другу: «Что скажет еп. Мануил, то будет законом! Если скажет нам идти за митр. Сергием — пойдем за ним, если за митр. Иосифом — пойдем за Иосифом!»

10/23 февраля 1928 года еп. Мануил прибыл из северной обители в Москву. О его приезде быстро узнали вожди иосифлянского раскола, с таким нетерпением ожидавшие его возвращения. Они глубоко были уверены в том, что еп. Мануил пойдет вместе с ними и своим авторитетом поддержит их оппозицию против митр. Сергия. Но в этом, как увидим, была их основная ошибка.

Спустя два дня после приезда еп. Мануила митр. Иосиф поспешил послать к нему из Моденского монастыря иеромонаха с особым поручением. Посланец прибыл к епископу. Между ними состоялась беседа. Иеромонах от имени митр. Иосифа предложил еп. Мануилу войти в тесный контакт с последним и возглавить порвавших молитвенное общение с митр. Сергием в Москве и на юге России. «От вас требуется теперь согласие, — заявил посланец. — Если согласитесь, то митр. Иосиф приглашает вас к себе в Моденский монастырь, где в тот же день он возведет вас в митрополиты. Ну что вам стоит согласиться? — настаивал иеромонах. — Вы — авторитет, вы чистейший кристалл! За вами пойдет не только простой народ, но и весь российский епископат! Подумайте, какое вы делаете большое дело! Ну, согласитесь же, Владыко!»

«Нет, дорогой батюшка, — ответил еп. Мануил, — согласиться с тем, что предлагает мне митр. Иосиф, я не могу. Это претит моему внутреннему убеждению. Я — представитель «соловецкого» епископата. Все мы единогласно и единодушно в количестве 17 человек, под председательством архиеп. Илариона, клятвой скрепили

себя не отделять от митр. Сергия, хранить церковное единство и не присоединяться ни к какой группе раздорников. Мне поручено «соловецким» епископатом доложить о всем этом митр. Сергию. Я давал клятву и нарушать ее не собираюсь. К тому же, я считаю дело митрополита Иосифа вздорным, не отвечающим ни церковным, ни монашеским идеалам. Передай ему, что ни за ним, ни за еп. Димитрием я не пойду. Я — монах и потому оказываю послушание своей законной церковной власти в лице ее митр. Сергия!»

Этим и закончилась беседа между иеромонахом и епископом, продолжавшаяся около двух часов.

О своей беседе иеромонах доложил митр. Иосифу, а последний сообщил своим викариям. Весть была довольно печальной.

То, на что так рассчитывали и на что надеялись вожди раскола, потерпело полную неудачу. Но и после этого они долго не могли еще согласиться с тем фактом, что еп. Мануил не пошел с ними и не разделил их участи.

Еп. Димитрий, когда услышал об этом печальном для него факте, с болью в сердце сказал: «Я не могу поверить, чтобы епископ Мануил был не с нами!» Но когда убеждался, что это именно так, тогда он, как бы в недоумении о совершившемся, говорил: «Неужели и этот высокий столп Православия пал?»

Отмежевание еп. Мануила от участия в разделении не только приводило в недоумение иосифлянских епископов, но и вносило в сердца их известного рода беспокойство за дальнейший успех своего дела. Ведь так еще недавно они говорили народу, что скоро возвратится еп. Мануил и тогда он укажет им, за кем идти. А говорили они так потому, что глубоко были уверены, что он будет во всем согласен с ними. Теперь же все получилось наоборот: Преосвященный Мануил стал на сторону митр. Сергия и тем самым указал, чье дело он признает правым. Становилось ясно, что он будет призывать ленинградскую паству идти за митр. Сергием, а не за митр. Иосифом.

Тогда, чтобы ослабить действие еп. Мануила на верующих и в какой-то мере сохранить свой авторитет, они стали распространять среди народа слух о том, что еп. Мануил изменил Православию.

Однако основная часть ленинградской паствы не верила этим слухам и с нетерпением ожидала его приезда в Ленинград.

Что же предпринимает еп. Мануил по отношению к иосифлянскому расколу?

Прежде всего, проживая в Московском Даниловом монастыре, он знакомится с церковною жизнью в Москве и особенно в Ленинградской епархии. Его беспокоила судьба ленинградской паствы. Ведь для него она была не просто паствой, но и родным детищем, как бы вскормленным его собственной кровью в годы борьбы с обновленчеством.

Факты показывали, что многие из тех, которые вместе с ним плечом к плечу отстаивали Православие и с которыми он был соединен узами любви, теперь стояли на распутье.

Естественно, отнестись безразлично к этим печальным фактам он не мог.

Надлежало что-то предпринять к возвращению заблудших и по возможности ликвидировать церковные нестроения в епархии, не когда вырванной им из оков обновленчества. Правда, на данный момент эти возможности у него крайне были ограничены: ведь он фактически находился еще на покое и кроме одной переписки ничем другим не располагал, но тем не менее он сумел воспользоваться и этим малым и направить его ко благу дела.

Он обращается с письмами к разным лицам г. Ленинграда и просит их, чтобы они убеждали и умоляли запрещенных епископов подчиниться наложенному на них церковному взысканию.

Мы позволим себе привести одно письмо еп. Мануила к его почитателям Петроградской стороны, в котором ярко отображается, с одной стороны, его скорбь об ушедших в раскол, а с другой — его отношение к вождям раскола и к Синодальным постановлениям о раскольниках.

«К почитателям моим Петроградской стороны сие мое краткое слово. Многие мне пишут и лично говорят, что они меня не забыли, что они мне продолжают верить, иные говорят, что они по-прежнему меня любят, уважают, что я был их, хотя как будто не с ними теперь, что не забудут меня и всегда будут помнить и в таком же духе... Вы, пользуясь случаем, прислали мне свою лепту. Спасибо вам всем сердечное за нее. Но знайте, что я предпочел бы, в конце концов, быть всеми оставленным в материальной поддержке, впасть и в нужду, терпеть невзгоды вещественные и т. п., чем получать деньги от тех, кто уже не со мной(?). Мне не нужны ваших денег. Дайте мне ваши опустошенные сердца. Если вы еще верите мне сколько-нибудь, то знайте, что на вас всех лежит священная обязанность умолять ваших архипастырей (Димитрия, Сергия) и пастырей подчиниться законному (как это и ни тяжело было бы в сознании вашем) постановлению Синода о запрещении в священнослужении всех тех из них, кто отпал в иосифлянский раскол. Со дня получения им этого постановления, оно вступит в законную силу. Вспомните историю с запрещением б. прот. А. Введенского. Вы должны умолять, слезно умолять их не служить. Если они на этот раз послушают голос народа своего и объявят, что как запрещенные служить не будут, они совершат воистину великое дело для умиротворения Церкви.

Собор епископов слушал и разбирал их дела. Они вправе требовать суда епископов, но до суда служить не должны. Если же раскаются, то и запрещение будет снято.

Хотелось бы много написать, но на душе тяжело. Многие из вас ослеплены мнимой правотой занятой вами позиции и спокойно не могут разобраться. Просите у Бога смирения себе и разумения мудрости. Когда же настанет такой радостный день, что мы будем все вместе (а не будет более «их» и «наших»)?! Молитесь за

всех и за вся. Да благословит вас Господь на правый и спасительный путь.

Ваш Богомолец Епископ МАНУИЛ».

15/28 марта 1928 г.»¹.

Письмо характерно не столько своим содержанием, сколько, главным образом, силой чувств. В нем ярко отображается страдальческая личность автора, так болезненно переживавшего отпадение от Православия членов Церкви и потерю своих друзей, молитвенников и духовных чад.

Примечательно и то в нем, что епископ не доказывает, а больше свидетельствует о правильности действий Синода, затем убеждает и указывает, каким путем можно достигнуть церковного мира.

В другом письме к матушке Серафиме от того же числа еп. Мануил определенно заявлял, «что постановление Синода — более соборное решение, нежели единоличное распоряжение митр. Иосифа»².

Нет сомнения, что лица, которым были адресованы письма, последовали указанию своего архипастыря и приложили все старания к умиротворению Церкви. Правда, они не смогли убедить ушедших в разделение епископов подчиниться церковному запрещению, но они сделали все, что могли исполнить по своим силам.

Так началось противодействие еп. Мануила иосифлянскому расколу.

Однако волна церковных нестроений в Ленинграде не успокаивалась. Она даже приняла более бурный вид. А причиной этому послужило все то же синодальное постановление о запрещении в священнослужении митр. Иосифа. Нестроения и смуты настолько обострились, что митр. Серафим, как мы уже видели, признал необходимым 1 апреля н. ст. совершать во всех Ленинградских храмах специальное молебствие об умиротворении Церкви. Но и это мероприятие митрополита не помогло. Народ (а здесь уже были не одни только иосифляне, а многие из православных) не хотел признавать своим архиереем митр. Серафима (Чичагова) и настойчиво требовал: «Давайте нам еп. Мануила!» Обстановка церковная действительно обострялась. Митр. Серафим не мог не только спокойно молиться, но и спокойно пребывать в митрополичьих покоях. Почти ежедневно он ожидал каких-либо выпадов против себя со стороны взбудораженных иосифлян. Пришлось согласиться с требованием народа. В самом конце апреля н. ст. 1928 года он отправился в Москву к митр. Сергию просить у него разрешения дозволить еп. Мануилу приехать в Ленинград и успокоить возникшее народное волнение.

К этому времени изменилось нечто и в судьбе еп. Мануила — 12/25 апреля он был назначен в Серпухов вик. Московской епархии.

¹ См. Архив М. М. № 34.

² Там же.

Хлопоты митр. Серафима, может быть, и не в том объеме, в котором он предполагал, увенчались успехом: еп. Мануилу дана была виза на въезд в г. Ленинград и Лугу.

Вечером в пятницу 14/27 апреля он поездом отбыл из Москвы в Ленинград.

Основная цель приезда еп. Мануила в северную столицу состояла в том, чтобы проститься с паствой и засвидетельствовать пред ней, где есть истина: среди ли последователей митр. Иосифа, или же — митр. Сергия. С этой именно миссией и ожидал его истомленный смутами верующий народ. Церковная обстановка требовала не острой полемики и не грозных обличений, а авторитетного свидетельства человека, боровшегося за чистоту Православия и ничем не погрешившего против нее. А это уже предreshало успех скромной, но ответственной миссии еп. Мануила.

Проследим подробно, с чего началось и чем завершилось его свидетельство об истине в тот короткий срок (5 дней), в который он пребывал в Ленинграде.

В первый же день своего приезда (15/28 апреля) после всеобщей в Зверинском подворье еп. Мануил выступил пред молящимися со словом назидания.

В своем слове он убедительно доказывал, что не было никаких оснований для иосифлян создавать печальный для Церкви раскол. Если бы в чем и погрешил митр. Сергий, то и тогда надлежало бы ожидать суда архиерейского над ним, а не выносить приговора прежде этого осуждения.

Епископ подчеркнул, что причина разделения не столько в том, что издано распоряжение Высшей Церковной Власти поминать имя Заместителя, а сколько в гордости и в отсутствии любви. Если бы отколовшиеся от церковного единства любили своего ближнего, то они не могли бы пойти на такой опасный путь.

Желая утвердить слушавших в правых мыслях, еп. Мануил заявил, что он не изменит делу Православия, чему они должны верить и следовать ему в этом¹.

В существе своем сказанное слово еп. Мануила отвечало на два вопроса: 1) имели ли иосифляне достаточное основание к отходу от Заместителя и каковы подлинные причины раскола; и 2) за кем необходимо следовать, чтобы идти правильным путем спасения.

На оба эти вопроса даны четкие и ясные ответы: достаточного основания к отходу иосифляне не имеют и что основной причиной разделения является гордость и отсутствие любви, следовать же необходимо только за теми пастырями и архиереями, которые находятся в полном послушании Высшей Церковной Власти.

Характерно, что в беседе, как и в письмах, епископ выставлял свой личный авторитет, но авторитет не самопревозношения иди тщеславия, а духовного отца, неизменно стоящего в Христовой истине.

---

¹ Слово, произнесенное еп. Мануилом 15/28 апреля 1928 г. в Зверинском подворье. См. Архив М. М. № 70.

Начало противодействия иосифлянскому расколу было положено. В сердца верующих были посеяны добрые семена, которые не замедлили дать благие плоды.

16/29 апреля еп. Мануил вместе с митр. Серафимом (Чичаговым) совершал в Троицком соборе, что на Измайловском проспекте, литургию. После службы ему было дозволено говорить поучение.

Как в прошлой своей беседе, так и теперь еп. Мануил сосредоточил все свое внимание на церковных событиях текущего дня. Он подробно изложил свой взгляд на эти события и дал им надлежащую оценку¹.

Многое из того, что говорил или изъяснял еп. Мануил, люди либо впервые слышали, либо понимали и оценивали иначе. Так, например, они по-иному смотрели на запрещение, наложенное митрополитом Сергием и Синодом на ушедших в разделение священнослужителей. Им казалось, что оно не имеет канонической силы. Теперь же это запрещение поставлено в тесную взаимосвязь с запрещением, незаконно снятым еп. Алексием с прот. А. Введенского. Это уже другая трактовка событий, ясно говорящая о неверном и даже преступном действии запрещенных пастырей и архипастырей.

По-иному освещена личность митр. Сергия и его каноническое достоинство. На митр. Сергия смотрели как на личность зазнавшуюся и оторванную от истинных источников Церкви, теперь было показано, что он гораздо смиреннее митр. Иосифа, думающего высоко о себе, и что он (митр. Сергий) находится в каноническом общении с Восточными Патриархами.

Впервые они услышали об истинном отношении «соловецкого» епископата к митр. Сергию и к разделению. Сообщение это было неожиданным и новым для них. Да и многое другое они или не понимали, или переиначивали. Теперь же ясно становилось, где правый путь, а где левый.

Единственное смущало: почему еп. Мануил не пошел за митр. Иосифом? Некоторые люди поняли не так, как было сказано. Епископ говорил, что его удерживает от этого шага страх подпасть под церковное запрещение, а они отнесли это к страху человеческому.

Но это уже несущественная сторона слова, хотя и она могла быть и была использована иосифлянами в отрицательном смысле. Вся суть заключалась в силе и правде сказанного архипастырем.

Народ с умиротворенным сердцем выходил из храма.

В этот же день вечером Владыка был приглашен на квартиру к проф. В. Верюжскому, где собралось немалое число иосифлянских священников и светских лиц, желавших, вероятно, во взаимной беседе доказать правоту своего дела. Среди них находился и прот. Ф. Андреев.

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Троицком соборе на Измайловском проспекте 16/29 апреля 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

Беседа, надо сказать, носила мирный характер. Ни с той, ни с другой стороны не было резких выпадов. Вопросы решались и канонические, и принципиальные. Нового фактически ничего не было, но каждый старался осветить тот или иной факт с своей точки зрения. Не отрицаем того, что на некоторые отдельные факты церковной жизни и действия митр. Сергия взгляды их сходились. Но это относилось только к малосущественным вопросам. В принципиальных же вопросах никто не хотел уступать друг другу. Здесь уже между ними лежала непроходимая пропасть.

Интересен, между прочим, вопрос еп. Мануила относительно причины поспешного их отделения и их отношения к церковному запрещению и ответ священников на этот вопрос.

Преосвященный спросил их: «Почему они поторопились так быстро отойти от митр. Сергия?»

Те ответили: «Мы боялись запрещения!» Тогда Владыка спросил о. Феодора Андреева: «А что, батюшка, если бы вы не отошли, то подчинились бы вы этому запрещению или же продолжали бы служить?» И тот ответил: «Да, я должен сознаться, что подчинился бы этому запрещению и лично я бы не служил. Но так как я наперед знал, что это запрещение будет неизбежно, то мы и поспешили отойти от митр. Сергия, чтобы избавить себя от всех последствий, связанных с запрещением!»

Ясно, что при таком искаженном толковании церковных правил прийти к какому-либо общему согласию было невозможно. Каждый остался при своих убеждениях и взглядах на церковную жизнь. На этом и закончилась их первая встреча и беседа. Расставались мирно и с надеждой на скорую с ним встречу.

Прошла еще одна ночь. Наступило утро 17/30 апреля — третий день пребывания в Ленинграде.

От своих близких Владыка узнал, что некоторые лица, конечно, из иосифлян неправильно истолковывают некоторые места вчерашней его беседы и распространяют слухи, что он якобы объят человеческим страхом и потому не примыкает к иосифлянским епископам. Слухи действительно были печальными. Они направлены были против его авторитета, а отсюда, следовательно, и против той истины, в которой он желал утвердить своих пасомых. Они могли в какой-то мере смутить сердца верующих и помешать благому делу.

Тогда, чтобы развеять неправильные толки о нем и преградить всякий доступ к новым разговорам, он решил обо всем этом поставить в известность народ и еще раз изъяснить ему о своих подлинных взглядах и отношениях к запрещенным священнослужителям.

В этот день, как было уже намечено, он служил Божественную литургию в Зверинском подворье.

После окончания Божественной литургии еп. Мануил обратился к народу с поучением, в котором кратко пояснил верующим, какой страх удерживает его от общения с отколовшимися и что расколо-

учители погрешили против послушания Церкви, признав наложенное на них запрещение недействительным¹.

Сказанного было достаточно для того, чтобы, с одной стороны, окончательно убедить верующих в том, что от сближения с отколовшимися его удерживает не человеческий страх, а Божий и что с другой — запрещенные священнослужители неправильно истолковывают наложенное на них запрещение, с чем не согласен ни он, ни большинство православных архиереев.

Одна за другой беседы еп. Мануила и его авторитет как подлинно духовного отца и верного свидетеля истины окончательно выбивали почву из-под ног иосифлянских епископов и рядового духовенства и снимали с них маску мнимой праведности. Иосифлянские вожди волновались. Их охватывало внутреннее беспокойство за судьбу своего дела. Уж очень сильным было влияние Преосвященного Мануила на народную массу. Пред его авторитетом меркли, как небесные звезды пред солнцем, авторитет митр. Иосифа, еп. Димитрия и других, и народ тянулся к нему. Произошло замешательство. Оно было вызвано тем, что многие из ушедших в иосифлянский раскол священнослужителей и даже еп. Димитрий не могли никак согласиться с тем, что горячий и стойкий борец за чистоту Православия теперь не с ними. Им казалось, что он непременно во всем будет солидарен с последователями митр. Иосифа и афишировали его имя пред народом. Но он теперь открыто заявляет всем о своей непричастности к их движению и даже осуждает ушедших в разделение. Это было непонятным для них явлением. Ясным было только одно, что если еп. Мануил действительно не с ними, то дело их потерпит если не полное, то, во всяком случае, большое поражение. Сделав между собою совещание, они решили пригласить его на собеседование.

В этот же день вечером в Александро-Невской Лавре в б. митрополичьих покоях собралось около 200 человек видных представителей иосифлянства. Среди них были проф.-прот. В. Верюжский, прот. Ф. Андреев и др. Сюда же был приглашен и еп. Мануил. Между ними состоялось собеседование. Вопросы предлагались общего и частного характера, но только в более острой форме, чем это было на квартире проф. В. Верюжского. Собеседование продолжалось более 2-х часов, но ни одна из спорящих сторон не пришла к общему согласию. Иосифляне доказывали, что церковная политика митр. Сергия ведет к порабощению церковной свободы, епископ возражал на это и доказывал обратное. В свою очередь, когда Преосвященный упрасивал их смириться пред Церковной Властью, подчиниться наложенному на них церковному запрещению и раскаяться в своих ошибках, они не согласились с ним, считая себя во всем правыми. Интересно отметить, что на вопрос еп. Мануила, признают ли они митр. Петра Главой Русской Церкви и останутся ли с ним, если он одобрит действия митр.

---

¹ Слово еп. Мануила, сказанное в Зверинском подворье 30 апр. 1928 года. См. Архив М. М. № 70.

Сергия? — они ответили, что и с ним порвут всякое общение и отойдут от него.

Это уже был верх их заблуждения. Ясно, что при таком упорстве с их стороны продолжать собеседование было бесполезно, и епископ, распрощавшись, со скорбью в сердце покинул собрание. Ему больно было видеть, как бывшие его друзья и сомолитвенники отстаивают неправоe дело и коснеют в своем заблуждении.

Оставшиеся же представители иосифлян окончательно убедились, что еп. Мануил действительно не с ними, и у них сложилось о нем впечатление, что он якобы стал не тем, кем был раньше, и изменил Православию.

С такими мыслями они и покинули митрополичьи покои. Прошла третья ночь. Наступило утро 1 мая н. ст. — четвертый день пребывания в Ленинграде.

События церковные раскрывались своим чередом. Те, кто принимал участие на вечернем собеседовании, не остались молчаливыми: они старались распространять свои мнения и впечатления окружающим.

Это обстоятельство наперед предвидел епископ и, конечно, как опытный страж, предпринял все соответствующие меры к разрушению подобных замыслов.

Вечером в Очаковском подворье после вечернего богослужения он обратился к верующим с поучением.

Беседа еп. Мануила была направлена, с одной стороны, к упразднению недоумений, возникших среди ленинградской паствы относительно чистоты Православия, виновниками которых были священнослужители разделения, а с другой — к раскрытию печальных сторон и опасностей, вносимых в церковную жизнь иосифлянским расколом.

Епископ не только защищался, но и наступал. Он приводил людям такие факты, которые убедительно доказывали всю неправоту и нечистоплотность иосифлянских епископов и священнослужителей.

Первая неправота, которую допустили они в своих действиях, состояла в поспешности отделения от своего первоиерарха. Она привела к печальным явлениям в жизни: к озлоблению, к вражде и семейным нестроениям.

Вторая неправда и в то же самое время их нечистоплотность выразились в ложном способе распространения иосифлянства и в насильственном удержании людей в расколе.

И, наконец, последнее и самое опасное их заблуждение заключалось в духовном самообольщении. Оно вело не только к отрицанию всякого, даже законного, авторитета иерархии, находившейся в единомыслии или предполагавшей находиться с митр. Сергием, но к душевному опустошению своих последователей¹.

¹ Слово еп. Мануила, произнесенное в Очаковском подворье 1 мая 1928 г. (вечером). См. Архив М. М. № 70.

Все это вместе взятое говорило уже не о наличии православного духа у отшедших в разделение, а, наоборот, об отсутствии его и фактически показывало, что не еп. Мануил изменил Православию, а ушедшие в раскол архипастыри и священники.

Настоящая беседа Преосвященного при многочисленном стечении народа, ожидавшего успокоения своей душе, окончательно утвердила его авторитет как православного архиерея, а верующим дала возможность правильно понимать и оценивать создавшуюся церковную обстановку. Теперь уже можно было не опасаться за те добрые семена, которые он сеял в людские истомленные души. Народная любовь ограждала их от истребления.

Те из иосифлян, которые упорствовали в своем заблуждении и не хотели признавать своих ошибок, выдвинули новое обвинение против еп. Мануила — его беседы и поучения признали не чем иным, как только церковной агитацией за митр. Сергия и против них. Они так и говорили народу: «Чего вы его слушаете? Он агитирует вас пойти за предателем церковной свободы!» Но эти обвинения уже не имели большого влияния на народные массы — вера в их авторитет была подорвана подлинным авторитетом и свидетельством архипастыря, кровию боровшегося за Православие и доказавшего свою верность Церкви исповедничеством.

Так постепенно рушились надежды иосифлян. Прошла четвертая ночь. Наступило утро 2 мая н. ст. — пятый и последний день пребывания в Ленинграде. Почти с утра до вечера Владыка принимал посетителей, беседовал с ними и отвечал на вопросы и в то же время готовился к отъезду. Сердце скорбело, и не потому только, что ему надлежало покинуть родной город, но, главным образом, за потерю некоторых из своих духовных чад и друзей, ушедших в разделение.

В назначенный вечерний час, уже готовый к отъезду, он прибыл в Преображенский собор, что на Спасской улице, чтобы проститься с духовной паствой и еще раз засвидетельствовать ей об Истине. Народ не вмещался в стенах храма. Многие из тех, которые присутствовали на прошедших богослужениях и беседах, пришли теперь и сюда, чтобы услышать от него напутственное слово и проводить его в путь.

Когда окончилось вечернее богослужение, Преосвященный тихим, неторопливым шагом прошел из алтаря на амвои и стал лицом к народу. Пред его взором стояла исцеленная им его паства. Народ ожидал его поучения, чтобы в последний раз запечатлеть в своем сердце слово Истины. И епископ заговорил.

Он еще раз подтвердил, что между ним и вождями раскола лежит непроходимая пропасть — наложенное Высшей Церковною Властью запрещение в священнослужении на иосифлянских архипастырей и пастырей, и что он не занимается агитацией, а выражает скорбь об уклонившихся в разделение. Вместе с тем призывает верующих последовать его примеру в несении подвига

поста и молитвы за тех, кто откололся от церковного единства¹.

И после этого Преосвященный преподал общее благословение и, с грустью в сердце, направился к выходу. Народ заплакал, а мужчины, нежно взяв его на свои руки, в такой торжественной обстановке несли его к приготовленной карете. Это было подлинное выражение народных чувств к епископу, утвердившему их в Христовой Истине и Православии.

Пять дней пробыл епископ Мануил в Ленинграде и за этот короткий срок благородно выполнил свою ответственную миссию. Своим личным авторитетом, своей отеческой любовью и состраданием он не только приостановил дальнейшее распространение раскола в Ленинграде, но и возвратил в лоно Православной Церкви многих из тех, кто находился на перепутье. Он как бы внес охлаждающую струю жизни в раскаленную смутами и нестроениями атмосферу ленинградской паствы, и под ее воздействием изменилась психология многих верующих людей, смущавшихся деяниями Заместителя, изменились их взгляды на Высшую Церковную Власть, изменилось и само отношение к митр. Сергию и православному епископату. С этого момента народ стал смотреть на церковные события не глазами епископов и священнослужителей разделения, а глазами православного иерарха. В этом и была большая заслуга еп. Мануила.

Спустя несколько дней, после того как буря волнений утихла, митр. Серафим сказал: «Ну вот, теперь я могу спокойно трудиться и совершать архипастырское служение».

В субботу 5 мая н. ст. (22 апреля с. ст.) 1928 года епископ Мануил прибыл в г. Серпухов и остановился в архиерейском доме, что на Красной горе.

В этот же день вечером он совершил первое свое служение в храме Св. Пророка Илии, а на следующий день вечером в Никольской церкви он принял новую паству от еп. Сергия (Гришина). С этого дня и началось его служение в г. Серпухове.

Как уже нам известно из предыдущих глав, в этом городе почти половина церквей и приходов перешла в разделение и управлялась первоначально еп. Димитрием (Любимовым), а с февраля 1928 г. — иосифлянским еп. Максимом (Жижиленко). Существование раскола в Серпухове уже ставило нового епископа лицом к лицу с трудностями. А трудности, действительно, предстояли немалые. Здешние иосифляне, главным образом руководители раскола и некоторые миряне, принадлежали к такому типу людей, на которых не действовал ни авторитет, ни подвижническая жизнь и ничто другое. Это были до мозга костей убежденные последователи нового раскола. Ко всему этому они отличались еще непримиримостью, ненавистью и злобой к приверженцам митр. Сергия.

¹ Прощальное слово еп. Мануила, произнесенное в Преображенском соборе 2 мая 1928 г. См. Архив М. М. № 70.

Бывший еп. Серпуховский Сергей (Гришин) испытал на себе весь фанатизм раскольников, изливавших на него потоки ругательств, эта же участь ожидала и еп. Мануила.

Не успел он еще как следует ознакомиться с новой паствой, а иосифляне пустили уже в ход свое оружие против него. Они писали ему анонимные угрожающие письма, а когда он возвращался из храма в архиерейский дом, то осыпали его градом ругательств, насмешек и т. п. дерзостей и даже держали камни за пазухой.

Кое-кто из них открыто заявлял верующим: «Дождется ваш архиерей, что мы его когда-нибудь с горы сбросим!»

Но так было, конечно, в первое время. Преосвященный Мануил терпеливо нес все незаслуженные оскорбления со стороны раскольников и прилагал все свои старания к ликвидации раскола в своем городе. А дело это было далеко нелегким.

Здесь с первых дней вступления митр. Сергия в обязанности Заместителя отрицательную роль играли два епископа: Арсений (Жадановский) и Алексий (Готовцев). Оба они были тайными оппозиционерами и, не отделяясь от митр. Сергия, настраивали народ против него. Основное население Серпухова, особенно рабочие фабрик, преклонялось пред их авторитетом и прислушивалось к их голосу.

Когда еп. Алексий был переведен из Серпухова в другой город, еп. Арсений, проживавший тогда в одном из подмосковных женских монастырей, тайно поддерживал в своих почитателях оппозиционерство. А тут явились иосифляне, так что образовался раскол с двойными прослойками стен. Сокрушить эти стены мог только человек, имевший неоспоримый авторитет.

Епископ Мануил был таким человеком, но только для ленинградцев. Здесь же он был совершенно неизвестен народу. И потому требовалось сначала склонить сердца людей к признанию его авторитета как православного архиерея, а потом уже освобождать их из раскола. В этом и состояла вся трудность.

К ликвидации раскола в Серпухове еп. Мануил приступил энергично, настойчиво и, самое главное, умело.

Прежде всего, почти в каждый праздник и воскресный день, когда в храме собиралось много молящихся, он объяснял народу сущность возникшего раскола. Причем, самый характер проповедей носил оттенок мирной отеческой беседы без каких-либо острых выпадов против раскольников или резких против них обличений. Сам относясь с состраданием и любовью к отклонившимся, он призывал и паству свою поступать по его примеру и помогать ему в возвращении людей из раскола.

Не ограничиваясь одними только проповедями, еп. Мануил не раз и не два посещал здешних руководителей разделения и в мирной обстановке с ними всесторонне рассматривал создавшееся церковное положение и призывал их к миру, к общей молитве. Но ни убеждения, ни теплое отеческое отношение к ним, ни даже подвижническая жизнь епископа — ничто не могло переубедить иосиф-

лянских вождей-священнослужителей. Особенным упорством отличался свящ. Александр Крымешенский, настоятель главного храма носифлян. Он, надо сказать, играл ведущую роль в удерживании людей в расколе. Убедить его и других носифлянских пастырей Владыка так и не мог.

Гораздо большего успеха достиг еп. Мануил среди простого народа. Почти ежедневно можно было наблюдать в православных храмах все новых и новых лиц — это были раскаявшиеся прихожане носифлянских церквей. В Православие они переходили молча, стыдясь, вероятно, своего заблуждения. С каждым днем уменьшались ряды носифлянской паствы; вместе с тем уменьшалась и ненависть рядовых раскольников не только к еп. Мануилу, но и к митр. Сергию и православному епископату.

Прошло два месяца усердного и терпеливого труда, и носифлячество в Серпухове если не совсем было ликвидировано, то во всяком случае низведено до минимума. Почти три четверти мирян, пребывавших в расколе, перешло в Православие. Оставшиеся же в разделении не представляли уже серьезной опасности для серпуховской православной паствы, хотя они по-прежнему отличались фанатизмом.

С лета 1928 года сюда уже спокойно приезжали в разное время на праздники православные русские архиереи: митр. Сергей (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, архиеп. Рязанский Ювеналий (Масловский), архиеп. Вятский Павел (Борисовский), еп. Подольский Иннокентий (Летяев) и еп. Сергиевский Петр (Руднев).

Так старанием еп. Мануила и его авторитетным свидетельством об Истине было не только приостановлено движение носифлянского раскола в центре его зарождения, но и круто сделан поворот к его ликвидации.

КОНЕЧНАЯ СУДЬБА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

После того, как в Ленинграде и Серпухове был нанесен сокрушительный удар главным силам раскола, носифлянское движение быстро начало падать. Те из мирян, которые когда-то разделяли мнение вождей раскола и своим участием за богослужением заполняли их храмы, теперь в большинстве своем оставили носифлянских епископов и священников и объединились вокруг православной иерархии, возглавляемой митр. Сергием.

Возвратились к Православию и некоторые священнослужители и даже приходы.

Таковы, например, лица: свящ. Николай Ковалев, диакон Розов из Ораниенбаума, диакон Николай Николаевский, удаленный из носифлянской Сретенской церкви на Выборгской стороне, прот. Александр Никитин, служивший целую неделю в храме Воскресения, иеромонах Нафанаил и др.

Причт села Верховины Волховского уезда с прихожанами, Зеленецкий монастырь и др. перешли в сергиевскую ориентацию.

Правда, с мая 1928 г. до первой половины 1929 года были случаи, когда к разделению присоединялись отдельные церкви и лица, но это были исключительно сельские приходы, не имевшие большого значения для укрепления иосифлянских позиций.

Число последователей иосифлян с каждым днем уменьшалось. Приходы пустели, так что священники разделения представляли из себя пастырей с весьма малым стадом словесных овец. Но удивительно то, что несмотря на явное уменьшение численности последователей раскола, вожди иосифлянства благодумствовали и упорно не хотели отступать от намеченного пути. Они глубоко были убеждены в правоте своего дела и готовы были лучше остаться одними без паствы, чем отказаться от своих взглядов и присоединиться, как они выражались, к «предателям».

Даже раскаяние ярославской группы мало смутило их и не поколебало их духа. На подобные отступления они смотрели как на проявление трусости и малодушия с их стороны и как на новое предательство Истины.

Вот что писал по этому поводу митр. Иосиф к еп. Димитрию 24 июля 1928 года:

«ДОРОГОЙ ВЛАДЫКО!

Да укрепит Вас Господь на Ваши святые труды для блага Церкви Его. Помолитесь, чтобы и мой „отдых“ был на пользу и на лучшее, чем то, что мог бы я сделать трудами своими. Премного утешило меня сообщение о том, как вы все бодро и терпеливо идете своим тесным путем. Эти сообщения премного устыждают меня в моем нетерпении и малодушии и дают новые силы и побуждения крепко стоять и впредь за дело Христово! Ярославские „дезертиры“ меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов не в них дело, и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление и в хронологическом отношении было позднее нашего, и если в свое время, казалось, было на пользу нам, то теперь — лишение этой „пользы“ не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!... Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути! Нам отставать по примеру их не приходится, чтобы не было в этом поощрения их малодушию и расслаблению. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие его в столь удивительном меньшинстве (12). Зато эти 12 (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще „диавол“. Иоан. VI, 66—71), выросли потом в то, что мы теперь так хотим спасти и бережно охранить от новых предателей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до „ничтожного меньшинства“. Но пусть опять и нас не смутит это! Будем крепко помнить, что большинством голосов (и подавляю-

щим) была распята Сама Истина, и ссылающиеся теперь в свое оправдание на большинство — пусть лучше прочтут себе в этом жестокое обличение и укор, что и их „большинством“ вновь распинается Христос-Истина! И как тогдашнее „большинство“ к довершению печального сходства возглавляли и вдохновляли не какие-нибудь простые смертные, а поставленные Самим Господом для служения спасению верных Анны и Каиафы, так и теперь во главе новых распинателей Христовых видим тех, кого никак бы не следовало и не хотелось тут видеть. Кто даст себе труд углубиться побольше в смысл совершающегося, найдет множество других поразительных совпадений с тем, что показали нам Голгофа и Камень Воскресения. Вновь блеснут пред нами и Иуды, и Симоны, и удавившееся предательство, и покаявшееся отречение, и Симоны Киринейские, помогшие крестоношению Христову, и „несмысленные и косные сердцем еже веровати“... и чувствовавшие „не сердце ли наю, горя бе в наю“... егда глаголаше и т. д.:... И с особой живостью и радостью вновь чувствует сердце, что распятый большинством Христос все-таки опять воскрес, осиявая Своею радостью верное Ему меньшинство, а запечатавшие Его гроб, запечатали для себя опять светлое видение и познание неумирающей Истины.

24 июля 1928 года*¹.

Вот уже где поистине самообольщенное упорство! Они только — Церковь, а остальные — наглые предатели и изменники Истины. Только они, хотя и в малом количестве, — единственные охранители Христовой Правды, а прочие, хотя и большинство — распинатели, Анны и Каиафы, Иуды и проч.

Это уже говорило о наличии в них духовной прелести. Под действием ее они не унывали при виде покидавших их обществ, но, в надежде на торжество своих идей, бодренно продолжали начатый путь, стремясь только вперед.

В июле 1928 г. иосифлянское движение попытался было поддержать Карловицкий митрополит Антоний (Храповицкий). Он каким-то образом тайно переслал из-за границы свое послание с призывом всем верным архипастырям примкнуть к Карловицкому Синоду.

Это письмо-послание перепечатывалось частным образом и передавалось из рук в руки иосифлянам. Но большого влияния оно не имело.

Характерно, что умиравшее движение иосифлян временами как бы пробуждалось и пыталось закрепиться слабыми корнями на поверхности церковной жизни. Однако сила Православия разрывала нити корней и не давала возможности укрепляться.

Так, в октябре 1928 года иосифляне захватили Духовную церковь в Александро-Невской Лавре и почти целых три недели совершали в ней богослужения.

* См. Архив М. М. № 23.

Но затем в двадцатку влилось до 50-ти человек сергиевской ориентации и произошло настоящее сражение за обладание храмом, кончившееся победой православных.

В праздник Св. Александра Невского (23 ноября ст. ст.) Духовская церковь была заперта и никем не обслуживалась. Служение началось 3/16 декабря 1928 года.

Накануне Николина дня 6/19 декабря митр. Серафим (Чичагов) совершал всенощное бдение, и с этого дня вступил постриженный и назначенный еще в июле 1928 года новый наместник Лавры архимандрит Амвросий (Либин).

Единоверческая Николаевская церковь, что на улице Марата (Николаевской), как несогласная с посланием митр. Сергия, объявила своему единоверческому еп. Керженскому Павлу (Волкову), что она отходит от первоиерарха и от него и присоединяется к еп. Димитрию.

Еп. Павел в начале 1929 года прислал на имя настоятеля Волковско-Кладбищенской единоверческой церкви о. Иоанна Кручкова послание, которое было препровождено в Николаевскую церковь. Послание было прочитано в церкви в присутствии членов двадцатки.

В сентябре 1928 года неожиданно пробил ключ иосифлянкой жизни в Паданском Введенском подворье, что по Белой дороге за Большой Охтой.

Заведующая — монахиня Пантелеймона Зайцева — стала требовать от служащего игумена Виталия поминовения митр. Иосифа. И когда последний отказал ей в требовании, она с половиной монахинь монастыря отделилась от митр. Сергия. Оставшиеся же монахини избрали себе начальницей монахиню Матридию. Церковь, однако, была занята последними. Это произошло вскоре же после посещения монастырских подворий митр. Серафимом (Чичаговым).

Все это было очень малым и незначительным проблеском жизни иосифлянского раскола. В главных же своих источниках он шел на замирание.

Еп. Димитрий (Любимов) прилагал все свои старания приостановить это замирание. Он часто служил то в одном, то в другом храме и даже не считал за трудность посещение частных лиц, проживавших за городом в сельской или пригородной местности. Так, он неоднократно приезжал в г. Гатчино к некоей болящей схимонахине Марии Леляновой, разделявшей с ним одни мысли о современном положении Церкви.

За его усердие и твердое стояние в расколе митр. Иосиф к Рождеству 1928 года (7 января 1929 г.) возвел его в сан архиепископа.

Но ни это иерархическое возвышение, ни старания еп. Димитрия, ничто уже не могло приостановить надвигавшегося крушения иосифлянского раскола. 1929 год явился самым печальным годом как для вождей, так и для рядовых последователей разделения.

В этом году в разное время, начиная с апреля месяца, один за другим ушли с церковной арены руководители раскола: митр. Иосиф, архиеп. Димитрий, еп. Максим, прот. В. Верюжский, прот. Ф. Андреев, священ. Крымешенский и другие.

Митр. Иосиф (Петровых) отбыл в Казахстан близ Аральского моря, где он устроился бухгалтером на Медно-комбинате. Там же он и скончался непримиренным с Церковью.

Остальные руководители были рассеяны по разным углам Великой России, где большинство из них скончалось. Проф. В. Верюжский оставался живым. В 1946 году он принес покаяние и был принят в общение с Московской Патриархией. В 1955 году он мирно скончался в звании профессора Ленинградской духовной академии¹.

Итак, к концу 1929 года иосифлянская паства лишилась своих руководителей и пастырей и осталась в том жалком состоянии, к которому неизбежно вели вожди раскола и о котором предупреждали лучшие иерархи Православной Церкви.

Правда, еще оставался действующим архиереем еп. б. Нарвский Сергей (Дружинин), который в 1930 году рукоположил во иеромонаха иеродиакона б. Алексеевского монастыря г. Углича Геннадия (Крылова), покаявшегося в 1934 году², но он большого значения для восстановления раскола не имел. В этом же году и еп. Сергей удалился в неизвестные нам края, где, вероятно, в бесславии окончил свою жизнь.

Паства же иосифлянская была фактически оставлена на произвол судьбы.

Часть ее по обстоятельствам присоединилась к Православной Церкви, а другая, более упорная, приняла скитальческий образ жизни и, предоставленная самой себе, все дальше и дальше удалялась от живительных источников, умирая на пути удаления без покаяния и причащения Св. Христовых Таин.

В 1930 году иосифлянский раскол официально прекратил свое существование.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

Иосифлянский раскол по широте своего размаха в истории Русской Церкви имеет меньшее значение, чем раскол обновленческий. Быстро он появился на арене церковной истории и быстро исчез, оставив незначительный след своего существования. Причина быстрого исчезновения заключалась в сущности самого раскола. Иосифлянство не было таким религиозным движением, которое имело бы в недрах своих все данные к своему упрочению, углублению и широкому охвату православного епископата и народных масс. Оно возникло, можно сказать, стихийно, без прочной

¹ Журнал Московской Патриархии, 1955 г. № 4, стр. 9—12.

² Журнал Московской Патриархии 1935 г., № 23—24, стр. 3.

основы, слишком поспешно и, главным образом, безыдейно. В нем не было ни духовной, ни чисто организаторской силы, что могло бы сплотить вокруг себя русский епископат и повернуть на свой путь кормило церковного корабля.

Вождями этого течения являлись отдельные епископы и священнослужители, чуждые в своей жизни церковной дисциплины и привыкшие руководиться более непосредственными чувствами, чем общими интересами и указаниями вышестоящих.

В своем направлении иосифлянство лишено было того основания, на котором твердо зиждется Христова Церковь — в нем не было духа любви и сострадания.

Однако по своим действиям оно таило в себе большую опасность и для внешнего устройства Русской Православной Церкви, и для внутреннего ее единства.

Мы видим, как вожди иосифлянского раскола восставали против того шага, который был направлен митр. Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, к легализации Русской Церкви. Они никак не могли согласиться с тем фактом, чтобы Церковь, имеющая Божественное начало, получала бы какие-то внешние прерогативы от Советского государства. В их понятии это представляло из себя не что иное, как только подчинение Божьего кесареву. И они согласны были лучше идти на костры и в подземелье, чем видеть Церковь в таком взаимоотношении с государством.

Такой взгляд на легализацию, конечно, был опасен для внешнего положения Русской Церкви.

Вступая на этот путь, Церковь никогда бы не достигла мирного урегулирования взаимоотношений с Советским государством и до сего дня оставалась бы в полном беспорядке, что служило бы, конечно, только к гибели для многих православных христиан, и особенно для неможных в вере.

Но самая главная опасность иосифлянского раскола направлялась против внутреннего единства церковного организма.

Свой отход от митр. Сергия учредители раскола постарались прикрыть ширмой «сохранения чистоты Православия».

Вследствие этого в Патриаршей Церкви появилось как бы два православных общества: иосифлянское и сергианское. Единство церковное было нарушено. Перед духовенством и, главным образом, перед православной паствой стоял вопрос — за кем следовать, какое общество считать православным: то ли, которое идет за иосифлянством, или же то, которое возглавляется митр. Сергием? Простому народу разобраться в этом вопросе было очень трудно. Когда появилось обновленчество, тогда православный народ, по внутреннему чутью своего сердца, определил быстро всю опасность «обновления» и обрушился всем своим существом против раскола, а здесь сбивала их с толку ширма мнимого православия, за которую спрятались вожди иосифлянства. Здесь было нечто сродное их чувствам. И для тех, кто руководствовался в жизни одним только чувством, но не разумом, это призрачное «срод-

ное» и являлось большой помехой в правильной оценке церковных событий.

С этой точки зрения иосифлянство было более опасным для Православия и единства Церкви, чем обновленческий раскол.

Обновленчество не скрывало своих противоправославных идей, а иосифлянство скрывало все под личиной «чистоты Православия». Вот почему мы и видели, что многие из тех, кто так горячо боролся с обновленчеством, ушли в иосифлянство и стали на путь разделения.

В целом иосифлянство, лишенное твердых оснований, неминуемо должно было прийти к печальному концу.

И этому способствовало то обстоятельство, что в ряды иосифлян влилось большое число лиц, апатично настроенных против нового государственного строя в России, и вследствие этого самое движение раскола из церковного превратилось в политическое.

Такое превращение из одного направления в другое и явилось началом падения иосифлянства. И это падение с течением времени все усиливалось и усиливалось, пока окончательно не завершилось полным разрушением.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИОСИФЛЯНСКОГО РАСКОЛА

Мы частично касались уже канонической оценки иосифлянского раскола*, теперь же мы рассмотрим с точки зрения церковных правил две стороны иосифлянства: церковно-дисциплинарную и литургическую (отношение последнего к таинствам, обрядам и храмам сергиевской ориентации).

34 ап. правило ясно определяет церковно-дисциплинарную норму для каждого епископа поместной Церкви.

«Епископам всякого народа,— говорится в правиле,— подобает знати первого из них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения... Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие»...

Таким образом правило определяет, что обычные епархиальные архиереи в делах, касающихся всей поместной Церкви, становятся в подотчетное отношение к первому епископу этой Церкви, а первый — ко всем, или иными словами, к Собору. На основании этого правила Русский Поместный Собор 1917—1918 гг. и установил в Русской Православной Церкви такое церковное управление, которое возглавлялось первым епископом — Патриархом. Последнему подчинялись епархиальные и викарные епископы, в то время как сам он был подотчетен Собору Поместной Церкви.

---

* См. Церковно-административная организация раскола и каноническая оценка этой организации.

Назначения и перемещения архиереев совершались Патриархом¹. Ему же принадлежало право обращаться ко всей Русской Церкви с учительными посланиями и пастырскими воззваниями².

Установленное Собором церковное управление, хотя и не обычным порядком, после смерти Патриарха Тихона перешло по завещанию к митр. Петру (Полянскому), а затем к митр. Сергию (Страгородскому), как к врем. Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

Естественно, что при таком церковном управлении епархиальные архиереи находились или, во всяком случае, должны были находиться в подотчетном отношении к митр. Сергию и тем самым неизбежно сохранять церковную дисциплину и послушание Первоиерарху. Но как же отнеслись ко всему этому иосифлянские епископы и рядовое духовенство, ушедшее со своими приходами в раскол? Они встали на путь прямого нарушения церковных канонов и своим отделением от первоиерарха допустили нарушение церковной дисциплины.

Церковные каноны (пр. 14 и 15 Двукр. Конст. Соб.) предусматривают возможность отхода от подчинения первоиерарху, но именно тогда, когда последний проповедует открыто ересь, в других же случаях осуждают отделение.

Митр. Сергей ничего еретического не допускал. Те же обвинения, которые возводили иосифляне на последнего, не давали никакого канонического основания на отмежевание от первоиерарха.

Воззвание митр. Сергия и Врем. Патриаршего Синода от 16/29 июля 1927 г., послужившее камнем преткновения для многих православных иерархов и мирян и, в частности, для самих иосифлян, если бы и заключало в себе какую ошибку Заместителя, то его можно было бы рассматривать исключительно только как нравственно-административную погрешность первоиерарха, но отнюдь не погрешность в области вероучения. А такая погрешность первого епископа Поместной Церкви ставила бы его ответственным пред Собором, но не служила бы для подотчетных ему епископов основанием для отделения.

Нельзя рассматривать как еретическое действие Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, связанное с переводом архиереев с одной кафедры на другую и, в частности, с переводом митр. Иосифа (Петровых) из Ленинграда в Одессу. В данном случае действие митр. Сергия мотивировалось исключительно церковной пользой и исходило всецело из церковного постановления Поместного Собора 1917—1918 гг. об епархиальном архиерее, предусматривающего возможность для Высшей Церковной Власти перевод епископов ради церковной пользы³. Если даже бы признать в действиях митр. Сергия каноническую погрешность, то в таком слу-

¹ Свящ. Собор Прав. Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. I, изд. Соборн. Совета, Москва, 1918 г., § 2, Опред. 8 дек. 1917 г., п. 2, лит. «И».

² Там же, лит. «З».

³ Церк. ведомости, 1918 г., № 11—12, стр. 67.

чае следовало бы не отделяться от него, а ожидать соборного решения о нем и только после этого предпринимать уже тот или иной шаг.

Отделяясь от первоиерарха без достаточных к тому оснований, иосифляне, естественно, нарушили 14 и 15 пр. Двукр. Конст. Собора, создали раскол и подвергли себя каноническому отлучению.

Вторым нарушением церковной дисциплины и церковных правил, допущенным иосифлянами, является служение епископов и низшего духовенства в состоянии запрещения.

31 ап. пр. и правила 14 и 15 Двукр. Собора тех, кто прежде соборного рассмотрения вины своего епископа или первоиерарха отделится от общения с ним и «водрузит иной алтарь», подвергаются извержению или запрещению в священнослужении, а всех, общающихся с ним, отлучению от общения церковного.

Если же подвергаемые церковному запрещению признавали себя невиновными в тех обвинениях, ради которых на них было наложено запрещение, то они, согласно 14 пр. Сардикийского Собора, имели право апеллировать к большему Собору, но, однако, пребывать под запрещением. Если же они до соборного рассмотрения их вины нарушали церковное запрещение, то, в соответствии с 38 пр. Карфагенского Собора, лишали себя возможности на дальнейшую апелляцию в свое оправдание, а запрещение, наложенное на них, оставалось в силе.

Епископы и священники, уклонившиеся в иосифлянство, как подпавшие под духовное запрещение за учиненный раскол, должны были бы подчиниться Высшей Церковной Власти и не священнодействовать до тех пор, пока их вина не получила бы своего оправдания на Соборе епископов. Однако они ни во что вменили наложенное на них запрещение и, не дожидаясь соборного о них определения, продолжали священнодействовать. Это было уже с их стороны прямым нарушением указанных выше церковных правил (31 ап. пр., 14 пр. Сард. Соб. и 38 пр. Карф. Соб.).

Правда, они утверждали, что поскольку они отделились от митр. Сергия, то его (митрополита) запрещение не имеет никакой канонической силы. Но здесь уже допущен со стороны иосифлянского духовенства чистейший произвол толкований церковных правил, на что с особым усилием обращал внимание раскольников еп. Серпуховский Мануил¹. Церковные каноны не знают такого правила, которое бы освобождало от ответственности лиц, самовольно уклонившихся от общения с первоиерархом. Наоборот, приведенные выше правила с большой ясностью доказывают, что именно отделившиеся без достаточных оснований от единства церковного и создавшие раскол непременно подпадают под церковное наказание Высшей Церковной Власти и несут сугубую ответственность за разделение.

---

¹ Прощальное слово, сказанное в Преображенском соборе 2 мая 1928 г. вечером. См. Архив М. М. № 70.

Приведенные иосифлянским духовенством доводы в свое оправдание не выдерживают здоровой критики. Они явно нарушили каноны Церкви и допустили греховное самочиние, когда в состоянии запрещения продолжали священнодействие, лишив тем самым себя дальнейшего оправдания.

Третьим нарушением не только церковной каноники, но и православной догматики со стороны иосифлян является вопрос литургический — взгляд последних на таинства, обряды и храмы сергиевской ориентации.

Как нам уже известно, иосифляне после своего официального отхода объявили митр. Сергия и единомысленный ему епископат безблагодатными, таинства и обряды, совершаемые последними, не только не имеющими благодатной силы, но и служением бесовским, храмы же, где совершали богослужение сергиевские священнослужители, храмами сатаны¹.

Свое утверждение иосифляне основывали на том взгляде, что раз митр. Сергей и подчиняющиеся ему епископы якобы допустили грех отступления от Православия путем предательства Церкви, то они чрез это совершили грех, худший ереси, и лишились благодатности. А поскольку они (митр. Сергей и др.) стали безблагодатными, то, следовательно, и все совершаемое ими стало безблагодатным, бесовским. Ясно, что умозаключения иосифлян страдают сугубой крайностью и полны канонических и догматических ошибок.

Самой большой и, можно сказать, основной ошибкой в этом вопросе являлся их взгляд на взаимоотношение благодати и ереси. Согласно умозаключению иосифлян, получалось, что наличие ереси в действиях епископа или священника лишало последних Божественной благодати, а совершаемые ими таинства превращались в пустые, лишенные всякого благодатного действия обряды. Но подобное умозаключение не имеет истины. Не само по себе наличие ереси в действиях епископа или священника лишает его благодатности, а церковное запрещение, налагаемое на последних Высшей Церковной Властью. Только после этого проповедующий открыто ересь связуется в своих иерархических полномочиях, а совершаемое им священнослужение лишается благодатного действия.

Такое понимание взаимоотношения благодати и ереси присуще учению всей Православной Церкви и, в частности, нашей Русской Церкви. Когда в период обновленческого движения, явно допускавшего догматическое искажение Православного вероучения, ставился вопрос, в каком сане принимать обращающихся из этого раскола епископов и священников, то этот вопрос решался не на основании наличия ереси у того или иного священнослужителя, а на основании церковного запрещения, наложенного на раскольников Патриархом Тихоном. То духовенство, которое получило иерархическое рукоположение до наложения Патриархом запре-

---

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5/18 сент. 1929 г. См. Архив М. М. № 75.

щения, принималось в сущем сане, а то, которое после этого — либо в простом чине, либо в сане иерея.

Если же стать на точку зрения иосифлян, то мы должны будем осудить самого Патриарха Тихона за то, что он принял в сущем сане митр. Сергия, некоторое время пребывавшего в обновленческом расколе, а духовенство, рукоположенное последним, безблагодатным. Ясно, что такой взгляд неправильный. Божественная благодать подается через каноническую церковную власть и чрез нее же воспрещается. «Вся елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси» (Мф. 18, 18) — такова сила церковного закона.

Митр. Сергий и единомысленный ему епископат прежде всего никакой ереси не допустили и, кроме того, никаким церковным судом не были отлучены от Церкви или даже просто запрещены в священнослужении. Никакая соборная клятва не была на них наложена. Их иерархические действия никем не были связаны.

Отсюда, следовательно, считать лишенными благодати первоиерарха и единомышленный ему епископат лишь только потому, что они якобы допустили грех предательства церковной свободы, нет никаких оснований.

Сила Божественной благодати, данной им чрез Высшую Церковную Власть, оставалась в них незыблемо, и все совершаемые ими таинства имели благодатное и спасительное действие. И если иосифляне отрицали благодатность таинств, совершаемых сергианами, то они допускали хулу на Духа Святого.

Итак, иосифляне с точки зрения церковных правил допустили нарушение церковной дисциплины и внесли в церковное единство разделение.